




уральский

следопыт

№7 *** 1974



СВЕРДЛОВЧАНКЕ ТАНЕ БУБЕНЩИКОВОЙ ТОЛЬКО
19 ЛЕТ, НО ОНА УЖЕ ОПЫТНЫЙ ШТУКАТУР, НА-
ГРАЖДЕНА МЕДАЛЬЮ «ЗА ТРУДОВОЕ ОТЛИЧИЕ»,
БЫЛА ДЕЛЕГАТОМ СЪЕЗДА КОМСОМОЛА.

Фото А. Лысякова

В номере:

В. Сафонов ...В ВОЕНКОМАТ НЕ ПРИБЫЛ	2
СЛЕДОПЫТСКАЯ ХРОНИКА	17
С. Федоров КОМСОМОЛЬЦЫ ДВАДЦАТЫХ...	18
П. Рябов ВЕРТОЛЕТЫ ИДУТ НА ХАРАСАВЭЙ	20
В. Сорокин ПРОСЫПАЛИСЬ РОСЫ ОТ ЛИВНЯ	26
Б. Вайсберг СПИРАЛЬ САВЕЛЬЕВА-ТРЕТЬЕГО	28
А. Котюх ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ МИКРООТКРЫТИЯ В АРКТИКЕ	33
В. Шустов В ТЕ СЕМНАДЦАТЬ ЛЕТ...	34
Е. Богданов ЧЕРНЫЙ СОБОЛЬ. Повесть	35
Д. Черашняя ГЛАЗОВ, СТУДИЯ ЮНЫХ	48
Л. Щетнев ОЗАРЕНЬЕ	49
М. Немченко МАЛЬЧИШКИ, МАЛЬЧИШКИ... Фантастический рассказ	51
В. Губин КАПИТАН НЕМО В РОССИИ	55
А. Нагибин ГОРОД СТАЛЬНЫХ СТРЕЛ	56
А. Воловик УТВЕРЖДАЯ ЖИЗНЬ	62
ЭНЕРГИЯ ВРЕМЕНИ. Наши интервью	67
В. Павлов «ТОЧКА УПОТРЕБЛЯЕТСЯ ДЛЯ ОТДОХНОВЕНИЯ...»	69
А. Матвеев НАЗВАНИЯ-ПУТЕШЕСТВЕННИКИ	70
Н. Николаев, Н. Дудников ИЗ КНИГИ ПРИРОДЫ	72
Г. Гринев КАЛЕНДАРЬ ПРИРОДЫ	77
МИР НА ЛАДОНИ	78

Редакционная коллегия:
Станислав МЕШАВКИН
(главный редактор),
Муса ГАЛИ,
Алексей ДОМНИН,
Спартак КИПРИН,
Борис КОЛЕСНИКОВ,
Владислав КРАПИВИН,
Юрий КУРОЧКИН,
Давид ЛИВШИЦ
(заместитель главного
редактора),
Геннадий МАШКИН,
Николай НИКОНОВ,
Анатолий ПОЛЯКОВ,
Лев РУМЯНЦЕВ,
Константин СКВОРЦОВ
Игорь ТАРАБУКИН,
(ответственный секретарь),
Владимир ТРУСОВ.

Художественный редактор
Маргарита ГОРШКОВА.
Технический редактор
Элла МАКСИМОВА.
Корректор
Майя БУРАНГУЛОВА.

Адрес редакции:
Индекс 620219
Свердловск, ГСП-353,
ул. 8 Марта, 8
Телефон 51-22-40

Рукописи не возвращаются
Сдано в набор 28/III 1974 г.
НС 17251
Подписано к печати
24/V 1974 г.
Бумага 84×108¹/₁₆.
Бумажных листов 2,62
Печатных листов 8,8
Учетно-издательских
листов 10,6
Тираж 270 000
Заказ 172
Цена 30 коп.
Типография издательства
«Уральский рабочий»,
Свердловск, пр. Ленина, 49

1-я стр. обложки — рис.
С. КИПРИНА
2-я стр. обложки — фото
П. ИЩЕНКО
Макет подготовил
И. ТЕР-АРАКЕЛЯН

© Уральский следопыт, 1974 г.

№7 * 1974

УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ



ЛИТЕРАТУРНО-
ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
НАУЧНО-
ПОПУЛЯРНЫЙ
ЖУРНАЛ
ДЛЯ ДЕТЕЙ
И ЮНОШЕСТВА

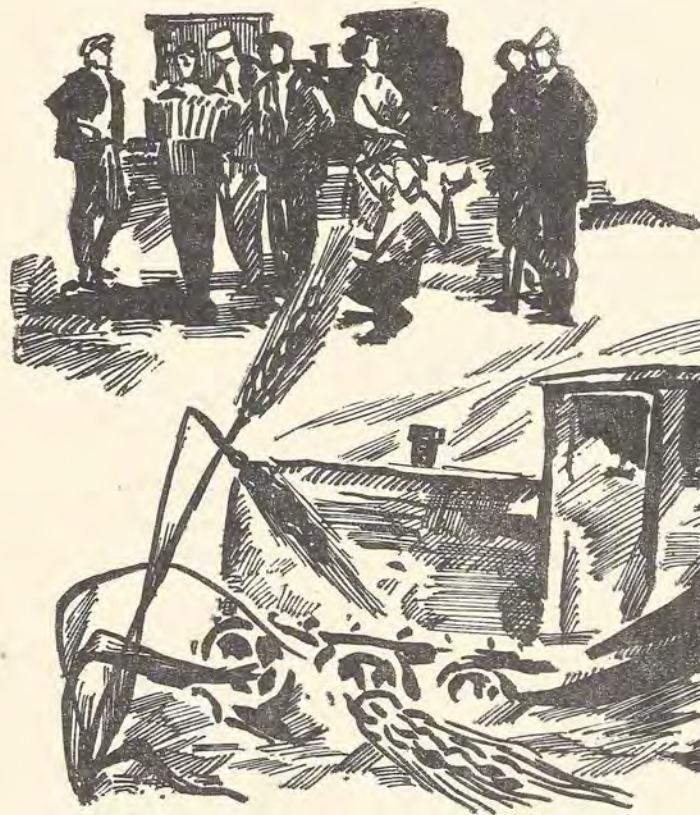
ОРГАН
СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ
РСФСР
СВЕРДЛОВСКОЙ
ПИСАТЕЛЬСКОЙ
ОРГАНИЗАЦИИ
И СВЕРДЛОВСКОГО
ОБКОМА ВЛКСМ

ИЗДАЕТСЯ
С АПРЕЛЯ 1958 ГОДА

СВЕРДЛОВСК
СРЕДНЕ-УРАЛЬСКОЕ
КНИЖНОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО

...В военкомат не прибыл

Повесть



*Светлой памяти
Анатолия Мерзлова —
комсомольца, механизатора
из рязанского села
Прудские Выселки...*

**Валентин
САФОНОВ**

*Рисунки
Н. Мооса*

От автора

Я приехал в Прудские Выселки, когда журналисты на страницах газет уже сказали о Толе Мерзлове все, что должны были сказать.

Мне не хотелось повторять их.

В основу повести положены реальные факты, но не следует воспринимать ее как строго документальную. Какие-то детали мне приходилось додумывать, чьи-то судьбы и биографии не-

сколько видоизменять. Люди, в той или иной степени причастные к высокому поступку Анатолия, живут и трудятся в его родном селе. Одни из них пользуются заслуженным уважением, другие — увы! — этого уважения не заслуживают.

Эти соображения побудили меня изменить имена персонажей, по-иному назвать место действия...

Митяй Корягин

Испытание первое: свадьбой

С девятым ударом «кукушки» Корягин, зевая, вышел из-за стола.

— Повеселились — баста! Давай, мать, ложиться...

Лениво разделся и, вытянув тело в широкой, прохладной постели, ждал жену. Прислушивался к шуму на кухне — Павлина мыла посуду. Аккурратно — не заронить бы искру в одеяло — курил. Разглядывал лунные дорожки на полу.

Ночная тишина полнила горницу, и были в ней — в этой тишине — свои привычные, ласкающие душу звуки: и мягкий перестук тарелок, и плеск воды в раковине, и тихое потрескивание прокаленной за день стены, и прерывистый храп отца: он не дождался конца застолья — после двух стаканчиков полез на печь, и уже через минуту такие выводил рулады, что и его, Митяя, и Павлину неудержная разобрала зевота...

«Ослабел батя, — с укоризненной нежностью размышлял Корягин. — Бывало, его и литрой с ног не сшибешь...»

Павлина щелкнула выключателем — обрезала ленточку света, протянутую из кухни в горницу. Ярче обозначились лунные дорожки на полу, и Корягин, пригасив папиросу, отвернулся к стене, чтобы не видеть их. Но вскоре жена пришла к нему, и он успокоился. Павлина, откинув одеяло, долго не могла уючиться.

— Митяй, — сказала она жалобно, — неужто двадцать пять? Ведь это ж помыслить страшно: четверть века...

— Ну да, — отозвался он. — Потому и зовется серебряная свадьба. А когда полсотни проживем — золотую справим.

— Может, зря мы никого не позвали?

— А кому до нас какое дело?

Она замолчала, и Корягин усмехнулся в темноте — знал, что жена, как всегда, согласна с ним, что, если б он сам надумал пригласить кого, она бы первая возразила. Забот-то, забот сколько: жарь, пеки, вари на всю честную компанию, майся день-деньской у печки. Да грязь-щи натащут, полы заплывают...

— Митяй, — вздохнула Павлина, — я что думаю-то. Много мы прожили, хорошо прожили. А ведь мы еще молодые.

— Ну да, сорок с походом, — ответил Митяй, — какой же это возраст. Тьфу, а не возраст.

— Какой там возраст... — эхом откликнулась Павлина. — А ведь четверть века. И все, как вчера.

— Спи, мать, спи. Мне вставать рано.

Она чмокнула его в щеку и, успокоенная, заснула.

Он знал, что и к нему сон придет через минуту-другую. Ему было хорошо, уютно возле

жены, он любил ее, и если им приходилось расставаться надолго — на неделю, на месяц, — он терял спокойствие, терял себя, и тогда одолевала бессонница — злая, беспощадная. Но они уже давно не расставались надолго, и потому последние пять или шесть лет ничто не выводило Корягина из состояния доброго равновесия.

Тихо потрескивали бревна в стене, сладко посапывала Павлина, в кухне — на необъятной русской печке — храпел отец. Лунный свет, необыкновенно резкий, проникал сквозь глухие занавески на окнах, давил на зрачки, как плотно ни закрывал Корягин глаза.

Неожиданно — десять раз подряд — «кукушка» прокричала в темноту.

— Черт! — выругался Корягин. — Еще чего...

Павлина моментально проснулась.

— Ты что? Не спишь?

— Да вон хрипун, идол старый...

— А я и не слышу — привыкла. Он завсегда так-то.

— Завсегда, да не завсегда...

— Закрой дверь на кухню, — посоветовала Павлина.

— Ладно, спи. Сам знаю.

Даже она, Павлина, которая — за четверть-то века — изучила его назубок, не догадывалась, что он боится оторвать себя от мягкой постели, что ему страшно пройти по этим лунным дорожкам на полу, а того пуще — страшно закрыть дверь в кухню, перестать слышать храп отца. Вот ведь чепуха какая, скажешь кому — засмеют: взрослый человек, мужик, кулачищи по пуду, седина в висках, а боится... Мальцом-то был — отчаюга из отчаюг.

Не сразу, не вдруг стал бояться ночи.

Четверть века назад, когда сладилось у них с Павлиной и пришла она в его дом вместе со своими родными на свадьбу, отчаянным плясом подвел черту холостой своей жизни Митяй Корягин после хмельного застолья. Батя на гармонике играл, а он ходил по горнице, долбил некрашенный пол медными подковками на хромовых сапогах — с присвистом, притопом, прихлопом ходил — и половицы гнулись под его каблуками, стонали жалобно.

— Митрий, сукин ты сын, сапоги пожалей! Пуд муки пашаничной за них отдато! — нервно и весело кричал отец, и все подмаргивал, подмаргивал ему.

— Сыпь, батя, сыпь, надавай жару! — не соглашался Митяй.

«Гости — дураки, — задорила его мысль, — думают, батя подначивает меня, а батя по другой причине моргает. Только откуда им знать ее, ту причину...» И плясал — не мог успокоиться, волчком крутился до боли в икрах, до сладкого, истомного головокружения.

— И-их, развеселый у меня зятек!— радостно кричала мать Павлины, сухонькая, лядящая женщина, и тоже выходила из-за стола, крутила платочек над головой, истонченной ножкой в глухом резиновом ботике притопывала:

Не хотела я плясать,
Да ить никак не устоять...

— В пляске-то он резвый, а вот на работу каков?— басил новоиспеченный тесть Митяя, вытирая платком окладистую бороду.

— А таков, что и меня перебьет,— не щадил самолюбия отец.— С первого дня войны колхоз на плечах держал, а мальчонка был, от горшка два вершка.

И тесть, давний их сосед—огород одним плетнем делится,— соглашался:

— Да ить я к слову... Ить он, Митрий-то Егорыч, на виду у меня рос. За кого не знай не отдал бы Павку...

И закусывал степенные свои слова разварной картошкой. Время было несытное—не до разносолов: два года как война закончилась, а если во внимание засуху и неурожаи принять, так вроде и не кончалась вовсе. Оттого и поженили их, едва по восемнадцать стукнуло. «Кусок к куску—прожить можно,—говорил отец.—А главное: одна Павлина у своих стариков. И дом у них—полная чаша. Все вам достанется».

Ближе к полночи отяжелела свадьба. Здравницы наугад провозглашать начали, абы крикнуть что-либо. Так и за Николая выпили—за старшего Митяева брата, без вести пропавшего на фронте. Отец осушил стакан и прослезился, а взгрустнувшие тесть и теща засобирались восвояси, оставив Павлину хозяйкой на кухне—один на один с горой посуды.

Митяй, с новой родней у крыльца простясь, мимо Павлины в горницу юркнул, накинуд крючок на дверь, поднял крышку над люком в подполье.

Заплесневелой вонью ударило в нос.

— Кольча,—позвал он.

— Ну?—невидимо, из темени, откликнулся брат, услужливо подставляя под ноги ему зыбкую лесенку.

— Я тут выпить принес тебе. И пожрать.

Он отпрянул, когда—неразличимые в крошечном мраке—ткнулись в его щеку пальцы Николая. Тонкие, изящные, липкие—не то в осклизлой древесной плесени, не то еще в каком дерьме.

— Дрожишь?—невесело засмеялся брат.— Дрожишь. Я ведь вижу. Тебе темно, а я привык, я тебя насквозь вижу... Однако, плясал ты. Со злостью плясал. Всего меня трухой засыпал.

Он принял от Митяя миску с холодцом из свиных хрящей, початую бутылку с самогоном, сунул куда-то в темноту, положил руки на его плечи. Митяй так и не решился сосупить с лесенки—стоял на нижней перекладине ее.

— Павлинка-то!—обдал его брат нечистым, идущим от гнилых зубов, дыханием.— Неужто невеста? Жена? Я ведь ее еще сопливкой помню. Правда, и тогда грудастая была, надежды подавала. Пять лет!.. Остановилась для меня жизнь.

— Я пойду,—мягко сказал Митяй.— А ты выпей за нас, до дна выпей.

— Погоди,—не отпустил, костлявыми пальцами вцепился в плечи Кольча.— Погоди, успеешь... Вот счастье соплякам. Местами б поменяться. Двадцать семь мне, а я уже забыл, как они, бабы-то, ласковы. А-а...—застонал Николай.— Погоди, брат.

Страшная мысль опалила сознание Митяя. Он с силой дернул плечами, стяхнул цепкие пальцы брата, повернулся на лесенке и, сбивая колени, ринулся из подполья. С грохотом закрыл люк и, торопясь, надвинул на крышку дубовый стол, скамью к нему приткнул.

В ту ночь Митяй и на минуту не сомкнул глаза. Прижимал Павлину к себе и слушал тишину: всякий шорох, всякое движение, всякий таинственный шум. Так и не высвободясь из его железных рук, Павлина, должно быть, уснула. А он лежал до рассвета с раскрытыми настезь глазами, оцепенело смотрел, как на полу, резко очерченные, тихо движутся лунные дорожки. И душа его наполнялась страхом. Лесенку, лесенку надо было поднять за собой!.. Дважды, повергая его в дрожь, вырывался из-под лунных дорожек не то вздох, не то стон...

Утром, когда пошли догуливать свадьбу к тестю с тещей, Митяй вдруг вспомнил, что ему в сельсовет надо забежать: какую-то закорючку в брачном свидетельстве не там поставили. В сельсовете, на его счастье, никого, кроме глухой и туповатой бабки Агафьи, сторожихи и уборщицы, не оказалось. Агафья домывала полы, на Митяя внимания не обратила, и он смело прошел к телефону, покрутив ручку, попросил соединить его с районной милицией.

Кольчу выковырнули из подполья принародно, при стечении всех почти жителей Дубравина. Вывели во двор, и он стоял на виду у хмурой толпы, на виду у бородатых стариков, безмужних от войны баб, подростков в изношенных солдатских пилотках. Стоял, зажмурив отвычные от солнечного света глаза, здоровенный детина в зеленой от плесени фуфайке и лицом зеленый, мертвец почти. Потом, когда глаза открыл, незряче приглядываясь к толпе, попросил:

— Митьку мне покажите.

Кто-то подтолкнул Митяя вперед. Кольча всмотрелся, покачал головой, сплюнул.

— Твоих рук дело, Митрий? Иудино дело.

Но тут метнулся к Николаю хмельной отец, запричитал:

— Ты что, сынок?! Как ты на брата думать можешь, на родную кровь? Совесть-то есть у тебя?

— Про совесть толкуешь?! — сказал отцу молодцеватый милицкий старшина с орденом Славы на груди. — Пять лет дезертира укрывал, Гитлера пособника... Еще ответишь за это.

Николая увезли на тощей милицейской кляче, и с тех пор сгинул он для Корягиных без следа. В селе посудачили об этой удивительной истории, да и забыли с годами. И лишь Гриня Война, безногий инвалид, травленный фашистскими газами в одесских катакомбах, встречая Дмитрия Корягина, здороваясь с ним, всегда одно и то же кричит:

— Надо бы тебе, Митрий Егорыч, орден за открытие дезертира присудить. Да ведь жох ты, жох! Пять лет кормил и холил братца, а когда завершилось сражение великой нашей победой, когда шлепнуть его по закону военного времени невозможно стало, спихнул нахлебника, вывел на чистую воду... Жох...

Так он кричал, глядя снизу вверх со своей деревянной таратайки и беспощадно вращая вредным блестящим глазом. А за спиной у него безобразным горбсом моталась латаная-перелатанная гармоника — последняя утеха инвалида.

Гриня Война, когда эта история приключилась, работал председателем сельсовета. И хоть не видел он Митяя у телефона, и говорил Корягин в трубку, не назвав себя, измененным голосом, дознался-таки инвалид, откуда ветер дунул...

И непонятный закрался в душу Корягина страх. Стал бояться он ночи, беспокойной тишины ее, особенно лунных дорожек на полу. Никак не мог совладать с собой, не мог заснуть, пока не приходила к нему жена.

Может, и тому, что детей у них нет, за четверть века не нажили, страх виной...

Испытание второе: бедой

Ее, говорят, всегда жди, а вот бьет по голове невзначай.

Так и в тот раз случилось.

В первые дни марта проглянуло солнце, вскрылись ручьи на пригорках, вспух, изгорбился лед на Проне. На отмякшей наледи дорог пробились машинные колеи, заснеженные поля томили взгляд беспредельной синевой.

В такой вот день, греющий ранним солнцем, Дмитрий Корягин на новеньком, только что полученном «Т-4» возвращался в Дубравино из районного города. Мост через Проню — длинный и на редкость узкий: двум машинам не разминуться — открылся внезапно. Митяй, привычно сбавив скорость, взгляделся и сразу почувал неладное. Остановил трактор, пошел вперед.

Скрипели, раскачивались на ветру выбитые из гнезд перила. Белая — в цвет зимнего снега — корова, упиравшись некрепкими ногами в заледевшие доски, тупо смотрела вниз, в реку.

Корягин тоже заглянул вниз. И похолодел. Узнал тот старенький «ДТ», на котором сам не один год вкалывал.

Трактор, падая с трехметровой высоты, вздробил своей тяжестью лед, вода уже выше гусениц поднялась, видно было, как через распахнутую левую дверцу затекала в кабину.

А в кабине — люди: сквозь мутные стекла слабо просматривались их силуэты.

И тогда Корягин рванулся к своему трактору, чтобы развернуться и немедленно гнать в райцентр, собирать помощь.

А вдруг да запоздает она?

Он остановился, затоптался на месте, затравленно озираясь. Был бы рядом с ним кто, пусть случайный человек, но свидетель, что он, Корягин, к беде этой непричастен... А иначе — как подступиться? Если мертвые — с этакой-то высоты низвергнуться! — законом к мертвым подступаться не велено. Затаскают потом по судам...

А вдруг живые?

Тогда совсем иной оборот будет.

Он снова вернулся на мост, взгляделся попристальнее: из кабины — ватными клочками — вырывается парок. Значит, кто-то и вправду живой, дышит.

Эх, была не была!

Корова, мыча, подняла на него страдальческие глаза.

— Пшла, стерва! — саданул он ее по морде.

Из-под сиденья своей машины достал ломик. Сноровисто отодрал от настила пару досок, по колену проваливаясь в снегу, спустился вниз. Перекинул доски на гусеницу, попробовал ногой: надежно ли? Выходило надежно.

Заглянул в кабину. Обрадовался. И испугался. Обрадовался потому, что узнал Володьку Бортакковского — паренька из своего села, услышал, как слабо постанывал Володька: жив, получается. Но снега белей, в лице — ни кровинки. А напугал второй, с Володькой рядом который. Лоб, щеки, подбородок — все у него в порезах, в ссадинах, пуговицы на телогрейке с мясом выдраны, свитер распластан рычагом, залит кровью.

«Так это ж Толяня Морозов, — осенило вдруг. — Его свитер, завсегда в черном ходит».

Бережно принял Володьку на себя, вынес на берег, на снег положил. И пока, матерясь, возился с рычагами, высвобождая придавленного к задней стенке кабины Морозова, Володька в себя пришел. Увидел на руках у Корягина Толяню, безжизненно запрокинутую его голову, подломленные в коленях ноги и — заплакал.

— Я виноват, дядь Мить, — признался, глотая слезы. — Утопи меня.

— Как ты? — спросил Корягин.

— Не послушал я его...

И тогда Митяй вспомнил, что Бортакковский

как раз в районном городе на тракториста учится, а Морозова колхоз в СПТУ инструктором послал. Временно. Докатались дружки, выходит. Эх, молодо-зелено!..

— Утопи меня, дядь Мить, — скулил Володька.

— Заткнись, щенок! — выскрился Митяй. — Нам бы, пока дышит, в больницу его успеть доставить. Лезь в кабину!

Он выжал все, что умел, на пределе гнал...

— Ты бы навестил Толяню, — через неделю примерно сказала ему Павлина и выставила на скамью загодя припасенный узелок с яблоками и домашними пышками. И он охотно согласился, взял узелок, поехал в город автобусом и нашел Толяню на втором этаже больницы, в семнадцатой палате.

Морозов лежал на койке у окна, голова в бинтах, одни синие глаза наружу. Руки — от повязок — клешнями поверх одеяла. Обрадовался Митяю, как родному.

— Спасибо, дядь Мить. Мне Володька все рассказал.

— А где он, Володька-то? — Митяй ссыпал яблоки и пышки в тарелку на тумбочке, присел на табурет, огляделся. На двух койках у двери дремали какие-то небритые парни, на третьей — вдоль стены — сивобородый старичок целил в

газетный лист оловянные зрачки. Надо ж, никак не меньше сотни лет прожил, а читает без очков.

— Володьку сразу выписали, на другой день. У него ушибы только, и то легкие...

— Как же все вышло-то, а, Толянь? Сколько годов через этот мост ездим — обходилось, а вас угораздило. Выпивши были? Нет? Значит, Вовка за рычагами сидел, не справился...

Радостные искорки в глазах Морозова как-то незаметно потухли.

— Я виноват, дядь Мить. Я старшим был и за курсанта отвечаю.

И эти его слова окончательно убедили Корягина, что прав он в своей догадке. Стреляного воробья на мякине не проведешь. Сам двадцать лет на тракторе.

Разговор не заладился, и Митяй уже уходить собрался, но тут открылась дверь, и на пороге Володя Бортаковский появился. Завидев его, Митяй оживился, радостно всплеснул руками.

— Ага, вот он! Главный герой пожаловал! Молодец! Чуть дружка не гробанул, — орал он на всю палату, и голос его креп, наливался силой. — Кабы я не подоспел — туши лампу! Пришлось бы колхозу пару досок в расход списать. Эх ты, горе горькое...

— Не шуми — в голове отдаст, — попросил Толяня.



— Да я что? Я ничего — так, промежду прочим, — утишил голос Корягин. — Ты, Вовка, не держи обиды! — научись еще ездить.

Бортаковский, краснея скулами, присел на край Толяниной койки.

— Толянь, — наклонился Митяй к Морозову, — ты мне вот что скажи: председатель тебя навещает?

— Был раз. Поругал.

— За дело... А вы бы, братцы, вот что...

Он посмотрел на Морозова, перевел взгляд на Бортакковского. Усмехнулся, набираясь смелости.

— Вот... слышали, небось, — героям всякие награды выдают? Ну, допустим, «За отвагу на пожаре», «За спасение утопающих». Медали такие. Я одного хмыря знал — у него полный бант был, еще «За освоение целины». Во, чисто георгиевский кавалер!... Только мне, как на духу откроюсь, медаль ни к чему. Железка — она и есть железка. А вот потолковали бы с председателем нашим, с Аверкием-премудрым, чтоб премию за ваше спасение колхоз мне выписал. Я же, можно сказать, подвиг совершил геройский. Магарыч, само собой, с меня: полпорции от суммы.

— Да неудобно вроде, — нерешительно сказал Морозов. Он — и Корягин это знал — не умел отказывать в глаза, но белый бинт на голове, пластыри, сплошь залепившие лицо, придавали ему выражение отчужденное, нездешнее, не в лад словам.

Корягин безнадежно махнул рукой.

— Неудобно штаны через голову снимать. Ладно, поправляйся — тогда и потолкуем. Небось, мозги-то все всмятку — не доходит... Выздоровливай, Толька, я пойду.

— Дядь Мить, а трактор мой как?

— Выдернул я его из воды, в тот же день и выдернул. И мост уже новый отгрохали, просторный. Можете еще разок прокатиться, вот только кто нырять за вами будет?..

Тонкий аромат удивительных яблок из корягинского сада растекался от стены к стене, глуша неживые запахи лекарств и камфары. Осенью, солнечной и щедрой, вдруг пахнуло в палате, а за окном сырой лепил снег и — низкое, тяжелое — сутемью подергивалось небо.

Митяй, испытывая странную неловкость оттого, что как-то не по-людски прощание у них получается, взял с тумбочки тарелку, протянул ее сивобородому.

— Угощайся, дед. Мужики, хватайте.

Небритые парни ответили дружным храпом, а сивобородый яблочко взял и долго прицеливался к нему взглядом, как до того к буквам на газетном листе прицеливался, повертел в иссохших пальцах так и этак и снова положил на тарелку.

— На погляд хорош, а с червячком, — под-

мигнул дед Володьке Бортакковскому. — С червоточинкой... Беда мне, ребятишки, кусать его нечем, все зубы искрошились.

— Как знаешь, — обиделся Корягин, — к тебе с добром, а ты, извините за выражение, тем самым местом...

И поднялся с табурета.

— Бывайте, значит, — и пошел из палаты.

Обычно в летнее время просыпался Корягин с четвертым ударом «кукушки». Не давая себе расслабиться, вскакивал, обливался по поясу холодной водой, натягивал комбинезон. Павлина не позволяла ему ходить в грязном — завела две спецовки, без усталости стирала, гладила, штопала их. И утром, собираясь на трактор, Митяй был благодарен жене за тихую эту заботу, потому что на целый день давала она ему заряд свежести и силы. А работы он никакой не боялся: долгий летний день как раз тем и радостен был, что трудных дел в нем невпроворот.

Малость погоды, и Павлина вставала. Накинув на ночную сорочку халат, шла доить корову, проводить ее в стадо. И справив нехитрые эти, извечные в жизни деревенских женщин обязанности, возвращалась в постель — подремать часок-другой...

А сегодня пробудила Митяя не «кукушка», в нем самом какая-то пружина сработала, щелкнула грубо и больно. И он проснулся, недоумевая, долго не мог понять, что это за толчок был, что так встревожило его...

Петухи, пробуя голоса, орали по подворьям. Машина мимо дома промчалась — по низкому, басовитому звуку мотора узнал председательский «газик». День начинался как всегда, но была в нем одна странность.

И вдруг он сообразил: Павлина плачет. Тихо, неслышно плачет — без всхлипов; может быть, во сне даже, может быть, сама не знает о своих слезах. А вот он услышал ее слезы, потому что за четверть века согласной семейной жизни научился он чувствовать жену лучше, чем самого себя.

Осторожно, боясь потревожить Павлину, Корягин пощупал подушку под ее щекой. Мокрая.

«А ведь мы старики уже, — пришла вдруг в голову простая и беспощадная мысль. — Сорок с походом — это возраст, чего себе-то врать... Ну, еще пять, еще — от силы — каких-нибудь десять лет, а там закат. Все, точка. Отец помрет скоро, совсем одряхлел. И останемся мы вдвоем в избе, два замшелых сыча. Ни радости, ни свету в окошке...»

Сложное, трепетное чувство вины перед женой и нежности к ней захватило Корягина. «Ведь это ж я, — подумал он, — я причина тому, что Павлина в подушку слезы льет. Что бесплодная она. И знает, а вслух не говорит — унижить

меня не хочет... Впустую годы ушли. Вот за столом вчера посидели: праздник, юбилей, а вышло скучно, как на похоронах. Вроде мы сами себя хоронили...»

— Павлина, — позвал он негромко, — спишь ты, Павлина?

— А? — вздрогнула жена. — Вставать?.. Ой, сон я какой видела.

— Страшный, должно...

— Хороший, светлый. И чудной... Будто совсем я маленькая девочка, крохотная, и отец меня на качелях качает. Высоко-высоко. И небо надо мной без облачка единого, и сад вокруг — белый, белый. А качели взлетают, взлетают, и мне ни капельки не страшно, что оборвутся или упадут. У нас в саду такие стояли. Я про них и вспоминать забыла, а во сне приснилось. Чудно. И еще чудно, что глянула я на отца-то, а у него твое лицо. Вот ведь странность какая...

— Я помню те качели, — дрогнувшим голосом сказал он. — Павлина, я вот что надумал-то... Поедем мы на той неделе в детдом, приглядим себе ребенка. Нам большого не надо, мы самого что ни на есть крохотного возьмем.

— Ой, Митя, что это ты?

— Слушай, слушай меня, Павлина. Я все сообразил, я ночь не спал почти. Давай уж признаемся — стареем ведь мы, еще лет десять, а там и на помойку нас выбрасывать можно. Песок посыплется, — спешил высказаться он, и слова искал поглубже, чтобы не прослезиться от умиления к самому себе. — Скучно будет нам в старости... Давай девочку выберем, чтоб на тебя похожа была...

— А может, мальчика? Хозяин вырастет, — слабо запротестовала жена.

— Нет, Павлина, ты не спорь, пожалуйста. Они, девочки-то, — ласковые, нежные. Мальчишки-то хулиганье!

— Митя, — сказала она, приподнимаясь на локте и с удивлением глядя в него. Лицо мужа, смягченное слабым утренним светом, было бесконечно добрым, самым родным. — Как это ты угадал-то, Митя? Я, почитай, каждый день об этом думаю. И сон, выходит, в руку. Может, во сне я обмолвилась? Митя, как я тебя любить-то буду. И ее. Кукол ей нашью разных. Из магазина если — так те скучные, глуповатые, у нас свои будут. И одену дочку, как артисточку. Как ты угадал-то, Митя?

— Ну уж, угадал, стал быть... Подыматься, чую, время.

И точно: «кукушка», будто его приказа ждала, отбила четыре удара.

Он умылся, оделся и пошел на кухню — позавтракать остатками вчерашнего салата. И Павлине уже не лежалось — села за столом напротив, рукой щеку подперла, глаза влажные и добрые.

— Может, опохмелишься? Голова-то болит, поди.

— Да нет, нельзя — на работу ж иду. Разве чуток...

— Где сегодня-то будешь?

— А на Гнилом поле. Солому сволакиваем. На пару с соседом.

Позавтракав, подошел к настенному календарю, шевеля губами, читал про себя: «Восход... заход... долгота дня...»

Сказал раздумчиво:

— Я что думаю-то, Павлина. Седьмого в детдом поедем. Семь — счастливое число.

Жена согласно кивнула.

— Только, Митя, давай такого ребеночка выберем, чтоб у него родителей вовсе не было. Сиротка чтоб круглая. А то вырастим, а они возьмут и объявятся: здравствуйте, вы нас не ждали? Пишут вон про такое в газетах.

— Ну, конечно. У председателя отпрашиваться придется...

Он представил, как сообщит вечно озабоченному Линчуткину эту новость, как удивится Аверкий Несторыч, рот, поди, распахнет. Представил все — и засмеялся от удовольствия.

Закурил, вышел на крыльцо. От недалекого леса, подернутого сизым пеплом рассвета, тянулся чадный, хвостатый дым. Ну и лето ныне выдалось! Полмесяца, как леса — на корню, зеленые — в пожары одеты. Торфяники тоже выгорают.

«Это сколько ж теперь убытку будет?» — думал Корягин.

Из дома напротив — через дорогу — вышел Толя Морозов, махнул рукой.

— Здорово, дядь Мить!

— Здоров, Толянь! Ну что, вкалывать пойдем?

— Работать, дядь Мить.

Морозов засмеялся, открывая белые зубы.

«Чего радуется-то? — подумал Митя. — Ему в армию через неделю идти, а свадьбу тоже неделю назад сыграл. Перед самой-то службой! Бабу ни женой, ни вдовой оставляет, а зубы скалит».

Чудно это Корягину, непонятно.

— Толянь, — неожиданно для себя сказал он. — Ты послухай, чего мы с Павлиной отучить хотим. Ребеночка из детдома взять надумали. На той неделе смотреть поедем.

В синих доверчивых глазах Толяни — уловил Корягин — мелькнули и тут же пригасли искорки изумления.

— Это вы здорово надумали, дядь Мить! — снова заулыбался Морозов. — А мы с Валюхой своих нарожаем.

Кольнуло мгновенной болью сердце Митя и тут же отпустило. Понял: не со зла Толяня это бахнул, про своих-то. Не было у него ни умысла, ни намека злого.

Дом напротив. Морозовы

Нина Петровна, по обыкновению, поднялась с первым солнечным лучом. Чуть ощутимый сквознячок покачивал занавески в распахнутых окнах. Воздух в избе был легкий, здоровый, а над крышей скворцы многоголосую кутерьму затеяли. В рассветный час их радостно слушать: утренние песни у скворцов чисты и красивы, не подлаживаются они под соловьев, не передразнивают кошек. Самих себя представляют. А Толяня со Славиком навтыкали по скворешне на каждой ветле, и теперь уж никакого будильника не надо: аккуратно в четыре начинается концерт.

Нина Петровна пошла на кухню. Из горницы — сквозь ситцевую занавеску на двери — шепот услышала. Молодые шепчутся.

«И чего им не спится? — подумала с завистью — потому, что могут они урвать еще часок-другой у короткой летней ночи; с досадой — она их жалеет, а они себя — нет; с неприязнью к снохе — не будь ее в доме, спал бы теперь Толяня сном праведника и ног под собой не чуял.

Она знала, что несправедлива к молодой жене сына, что сноха старательна и угодлива, и работяща, а такое за нынешними девками не всегда водится. На дню, почитай, раз сто от нее услышишь: да это я сделаю, мама, ты ступай приляг, отдохни, мама. За любую работу хватается. Мамой величать начала, едва порог дома переступила. А вот не ласкает, царапает ухо оно, слово это, в неродимых устах... Полы, конечно, Валентина вымоет, выскоблит добела, и обед готовится — времени свободного у нее много, отпуск к свадьбе приурочила. Не в колхозе — на фабрике работает, там это можно.

Задевает Нину Петровну радение снохи, эта ее всегдашняя готовность подменить хозяйку в доме, в семье. И потому изо всех сил тянется она, чтобы не уступить, не сдать своего — пудовые чугуны ворочает, за дела, которые в иные времена в дальний бы угол отодвинула, беретса, боясь, как бы не опередили ее, не шагнули в тот круг извечных повседневных забот, который для Нины Петровны, только для нее раз и навсегда очерчен — и по праву, и по чину. Будете жить отдельно — вертитесь, как знаете. А пока я хозяйка.

Стараясь не греметь ухватом, задвинула в печь чугуны с картошкой, укрыла огонь заслонкой. А отвернувшись от печки — Толяня за спиной стоит. Холодильник нараспашку, сын из трехлитровой банки ледяной квас глотает.

— Ух ты, сила!

— Простынешь. Разве можно спросонок-то?.. Чего вскочил ни свет, ни заря? Досыпай иди.

— Скворцы разбудили. Орут.

— Раньше не будили.

— Так то раньше.

Он виновато улыбнулся, румянец на щеках проступил. Застенчив, как девочка. Славка на четыре года моложе, а куда боевей.

Толяня, конечно, ладный парень, крепкий, и ростом бог не обидел, только вот худоба не ко времени, ребра аж сквозь загар светятся. Теперь и поправиться не успеет: вчера из военкомата вернулся — через неделю в армию, сказали ему. А там, известно, жиров не нагуляешь.

Вечор, ужинали когда, Толяня отлил пулю: «Отслужу, что положено, возвернусь — дом с Валентиной начнем ставить. Я уж и место присмотрел». Ножом по сердцу проехал. «Где ж оно, сынок, то самое место?» — виду не подала, спокойненько так любопытствовала Нина Петровна. — «А на задах, за нашим домом, мама. Соседями будем». — «Вот как, соседями, значит? В одном доме тесно уже?..»

Тут отец за него вступился: «Да будет тебе! Прав он, о семье думает. Им детей себе наживать — наших с тобой внуков. А двум хозяйкам у одной печки завсегда тесно...» Просто это у них, у мужиков, получается...

— Зря ты, мам, в такую рань поднялась, — сказал Анатолий, прерывая ее мысли. — Валентина бы печку истопила.

— Она молодая. Пусть понежится, — ответила Нина Петровна.

Сын снова улыбнулся.

— Ма, ну чего ты себя изводишь? Она ведь хорошая, добрая. И к тебе с душой. А ты...

Ой, не ждала она от сына таких слов. Все равно как по щеке ударил. Крышку кастрюльную в руке держала — на пол уронила крышку. И — в упор ему, в глаза:

— Ты чего это на мать напраслину возводишь? Да как у тебя язык повернулся такое сказать? Потому и встала, что на дойку время. Сейчас, поди, машина подъедет... Да как же ты мог — родной матери — этакое отлепить?

Толяня наклонился, крышку поднял.

— Ладно, мам, это я так, показалось мне. Соснул бы еще, да уж некогда. Пора на работу собираться.

— Где искать-то тебя сегодня, куда с обедом Галку посылать? — спросила Нина Петровна, не глядя на сына.

— А на Гнилом поле. Солому с дядей Митяем будем сволокивать. Только обед Валя обещалась принести.

Сказал так и ушел за занавеску.

Такие они — сыновья, на то и рожаешь их в муках, чтобы от матери уходили. Маленьким был — с улицы не докличешься: погоди, мамань, в войну играем. Оно, конечно, играть ему немного выпадало — все больше со Славкой и Галкой нянчился и за домом, за скотиной присматривал...

Подрос малость — в себе замкнулся, от книжек за уши не оттащишь: «Погоди, мамань, чуток осталось, дочитаю...» Восемь классов кончил —



в училище наострился: «Погоди, мамань, выучусь на тракториста, денег много заработаю — себе мотоцикл куплю, а тебе шаль новую...»

Мопед во дворе стоит, а шаль... Жене молодой она нужнее, чем ей, старухе... Вот и срочную отслужит, дом свой поставит, и будет так — встретит на дороге: «Не зови, мамань, в гости, недосуг сейчас, вдругорядь забегу...» Так оно и пойдет.

Славка подрастет — тех же пряников и от него жди. Большие дети — большие заботы. Лишь на Галку надежда: пусть зятя приводит.

Тут за окном, сзывая доярок, машина загудела.

— Бегу! — крикнула Нина Петровна, хотя кто там, на улице, мог слышать ее. И, спускаясь с высокого крыльца, прислушиваясь к горестным мыслям своим, невесело усмехнулась: «Вот и стала свекровкой, и ворчу, как свекровь».

Успокаивала себя, а на душе было тягостно.

Толян, по причине своего возраста, не оглядываясь на прожитые годы. Мало пока их было, а впереди — безбрежное море дней. Вот вперёд, в будущее, заглянуть куда как интересней.

Когда в комсомол принимали, «Расскажи свою биографию», — сказали ему.

— Родился в пятьдесят четвертом.... Кончил восьмилетку в Дубравине... Учусь на тракториста...

Он замолчал.

— Хватит, пожалуй, все ясно, — пришел на выручку Марат Шарафутдинов, секретарь. — Биография, можно сказать, пока не состоялась. Только начинается... Вопросы к товарищу Морозову есть?

Вопросов не было.

Проголосовали за него ребята. Было это в СПТУ — в сельском профессионально-техническом училище.

В райкоме тоже биографию заслушали и билет выдали.

Спрятал Толяня билет в карман, вышел на улицу и — задумался. Недлинная у него жизнь — это верно. День за днем описывать — и то лишь тоненькая книжечка наберется. Но были бы в ней, в той книжечке, свои интересные страницы.

Иной прожитый день — как урок, которого и в школе не случится.

Только не принято на комсомольских собраниях про те уроки вспоминать.

Книга Толиной жизни

Урок первый. Открытие мира

Он еще маленький был, едва во второй перешел, а заставил мать многое пережить.

Случайно вроде бы получилось.

Лучшей для Толяни утехи не было, как на машинном дворе вертеться.

И в тот раз тоже.

Увидел: Митяй Корягин грузовую тележку к трактору цепляет.

— Дядя Мить, ты куда собрался?

Корягин посмотрел на него, прищурясь: стоит мальчишка, головушку задрал, в глазах любопытство и страх.

Знамо дело, прокатиться хочет.

— В район еду, за жмыхом, — развеселился Митяй. — Айда, Морозов, на пару.

— А долго ты ездить будешь? А то меня мамка схватится.

— Часа за три-четыре обернемся.

Почесал Толян вихры на макушке.

— Тогда ничего, можно.

И воробьем в кабину.

До районного центра с ветерком они домчали. А в городе Толян отродясь не бывал. Митяй в контору ушел — оформлять накладные, а Толян в кабине остался. Непривычно все ему, удивительно. Народ сует по улицам туда-сюда. Совсем не то, что в селе — там свобода, простор. Письмоносец идет — за версту видать! А в городе дома большие, стоят тесно, угрюмо, стена к стене, впритык — солнце загораживают.

Митяй не спешил из конторы, и Толян осмелел — открыл дверцу, на землю спрыгнул. Земля босые пятки припекла. Глянул под ноги, а там и не земля вовсе, а смола твердая, на солнце чуть-чуть подплавилась. Но ничего, терпеть можно, по жнивью больней бывает...

«Дойду вот до того облупленного дома и — назад», — сказал себе. Дошел, оглянулся: трактор на месте — Митяя нет. «Теперь до того». И до другого дошел, опять назад посмотрел: трактор стоит, а Митяя не видно. А тут чудной такой дом на пути попался: за просторным стеклом сидят девки и бабы, во весь рост их видно, а на головах у них блестящие колпаки с проводками. Вроде как ведра опрокинутые. Сидят под теми ведрами и глазом не поведут. Толян нос о стекло расплющил: что это за работа у них такая? Тут одна женщина вскинулась, пальцем ему погрозила. Он в ответ язык высунул, но от стекла отлепился и — белую надпись на нем, на стекле, увидел: «Дамская парикмахерская». А он-то подумал, что делом бабы заняты...

Про трактор и про Митяя Толян уже забыл. Девочки-малолетки смоляную дорожку мелом исчертили, на одной ноге из клетки в клетку скачут. Обошел их — пустой народ!.. На углу булочной тетка с охажкой сирени стоит. Лицо у тетки недоброе, и черные усики над верхней губой. Смешно: сиреню торгует, гривенник за жидкий букетик дерет. Да у них, в Дубравине, этой сирени... Ломай — не хочу! И все за дарма.

— Пошел отсюда!— басом гаркнула на него тетка. — Мильтона накличешь.

Толяня отбежал на всякий случай. И тут просторная открылась его взгляду площадь, а на площади той — танк настоящий. Стоит высоко, на камне, пушка у танка чуть вверх задрана, а на башне красная звезда нарисована.

Толяня только в кино танки видел да сам на уроках рисования в тетрадке их малевал. Но разве сравнишь?! Подошел он ближе, прочитал на серебряной табличке, что боевой танк «Т-34» поставлен в честь бойцов Десятой армии, которая в сорок первом году освободила город от фашистов. Давно это было, — тихо шевеля губами, высчитывал он, — двадцать лет назад. Шутка ли! В двадцать лет две с половиной его жизни свободно укладывались. А танк, если в него горячее залить, поди, и сейчас поедет...

Отыскал он на постаменте выбоинки и наверх по ним вскарабкался. Надо же посмотреть, что там внутри, под крышкой люка.

Броня, пропеченная на солнце, дышала, казалось, запахами гари и пороха.

— Мальчик, этого нельзя делать. Слазь, мальчик. Слышишь, кому говорят!

Внизу, у камня, стоял одноногий человек на костылях и сердито смотрел на Толяню.

Он сполз на землю.

— Почему нельзя, дядя?

— Не положено. Святыня, — ответил одноногий. Подхватив костыли в одну руку, достал из-за пазухи букетик синих колокольчиков, положил к танковой гусенице.

И Толя все понял.

— Ты, дядя, на этом танке воевал, да?

Одноногий, наклонясь, грудью в костыли уперся. Голос у него подобрел:

— Нет, малыш, воевал я в пехоте. Да памятник этот — не танкистам только. Всем воинам России памятник.

— А у нас за селом военное кладбище есть. Много солдат похоронено.

— За каким селом?

— За Дубравиным... А дедушку моего, мама говорит, под Курском убили. Я его вовсе не видел.

— Ты его и не мог видеть, хлопчик. А памятник этот, говорю, всем солдатам, и дедушке твоему тоже... Слушай, малыш, — спохватился человек на костылях, — а как ты из Дубравина сюда попал? Где твои родители?

Толяня на небо взглянул, а солнце за полдень уже.

— Ой, меня дядя Митя ждет. Ругать будет.

Трактор он разыскал быстро — запомнил дорогу. А Корягин от жажды и ожидания сомлел, увидел Толяню — в брань ударился.

— Иди, иди, подставляй затылок.

— Ты не очень-то, — увернулся Толяня. — Я как вырасту, на танке ездить буду.

— Поня-атно. Если так, лезь в кабину.

На том и помирились, домой поехали. Погромыхивала за трактором тележка, груженная жмыхом, и сидел в кабине счастливый мальчик, держал в руках плитку похожего на шоколад жмыха, грыз с наслаждением.

Обратный их путь лежал через крохотную, в четыре избы, деревеньку Мураши. И здесь Корягин сделал остановку у крайнего дома, слез с трактора, кулаком в оконную раму стукнул. Тотчас выскочил на крыльцо длинный и тощий, похожий на сушеную щуку дядька, на радостях руками всплеснул.

— Сродственник мой, — объяснил Корягин Толяне. — Батин двоюродный братень. Понял? Отдохнуть к нему заехали. Вылазь, подожди у колодца. Да глазами зорче. Обнаружишь что подозрительное на горизонте, докладывай немедленно.

Тощий родственник Митяя распахнул просторные ворота, и Толяня увидел во дворе двух огромных хряков. Они от непомерной толстоты своей на ногах не держались — плавали в луже, и большие синие мухи роились над ними.

Митяй загнал во двор трактор с тележкой, тощий дядька закрыл ворота, и оба надолго пропали. Толяне наскучило без пользы торчать у колодца, но тут дядька вышел на крыльцо, позвал в сад. Там, в тенечке под яблоней, уже сидел Корягин. На раскинутой по траве клеенке пылала четверть с самогоном, порезанная толстыми шматами плавилась в зное ветчина.

— Закусим, танкист, и поедем, — успокоил Митяй. — Навались давай, лопай...

А Толяне кусок в горло не пошел: посмотрел на ветчину, вспомнил хряков и синих мух над ними. Уж лучше жмых грызть... И тощий дядька не понравился: хихикал, лебезил перед Митяем.

— Дядь, а зачем два таких борова?

Родственник Митяя удивленно всплеснул руками.

— Как это зачем? Нужно... Ах ты, глупый мальчик, глупый мальчик...

— Настырный. Все-то надо ему, — давась куском, не одобрил Митяй.

Толяня заскучал.

— Поедем домой, — исподтишка дернул Корягина за рубаху.

— Отзынь! Видишь, ем...

«Ну и ладно, скорей пешком дойду», — обиделся Толяня. Поднялся и пошел из сада. Никто его не окликнул, не остановил.

Дорога катилась под ноги легко и весело. Не город — все понятно. Синее марево по окружности горизонта мельтешило в глазах. Порой повозки навстречу попадались. Ехали в них добрые люди, окликали приветливо:

— Куда путь правишь, мужичок?

— Домой, в Дубравино.

— Счастливо дотопать. С пути не сбейся.

— Не бойсь!

Камнями пестрыми карманы набил Толяня. Ногам стало тяжелей, а выбросить — жалость берет. Больно уж красивы разноцветные те камешки.

Суслик выбежал на дорогу, присел на задние лапки, огляделся. И свистнул — зазывно так... Толяня за ним погнался, может, и нагнал бы, да тут серебром блеснуло в пыли, лучиком глаза кольнуло. Наклонился — гайка! Новенькая, не замазанная... А выпрямился когда, суслика и след простыл.

Толяня не заметил, как ветер поднялся, тучи набежали. Небо затемнилось, прилегла к земле рожь, и длинная, похожая на раскаленную в печи кочергу, молния пропорола облака. Град сыпал, больно защелкал по спине калеными оре-хами.

Толяня через поле в лесок побежал, под деревья. Рожь путалась под ногами, держала цепко. Выбился из сил, но выдрался, одолел поле. Ближе к нему раскидистый дуб стоял. Бросился Толяня под его крону и — ухнул в невидимую яму. Кто-то пискнул под ним, испуганно и жалобно. Толяня вытянул руки — мокрый живой клубок бился в его пальцах.

— Ну что ты, дурачок, — обрадовался Толяня. — Вдвоем-то не так-то страшно...

Отец с матерью обегали все село, в каждую дверь заглядывали. Закадычные Толянины дружки — Володя Кашин и Володя Бортаковский — в голос клялись: на речке он нынче не был, и вообще они сегодня его не видели. Толя Маленький другое говорил: цыгане днем через село проехали, украли Толяню. И слезы дрожали на его ресницах. Он выдумщик, Толя-то Маленький.

Наконец, кто-то вспомнил: к Корягину в трактор Толяня садился. Наверное, с ним и уехал в район.

Нина Петровна с годовалой Галкой на руках кинулась к дому Митяя. На стук вышел старик Корягин.

— Чего гремишь, чай, не глухие... Дмитрий? Да нет, не вернулся еще.

Мать в правление бросилась, ног своих не слышит. За председательским столом Линчуткин сидел, нахохленный, тяжелый.

— Аверкий Несторыч, что делать-то? — закричала с порога. — Малый пропал!

А он глаза на нее упер, папиросу в пальцах мнет, и табак из нее в чернила осыпается. Нервничает чего-то.

— Ты, Морозова, кстати. Завтра правление собираем. Дмитрия Корягина районная милиция задержала. Колхозный жмых спекулянту Фимкину загнал. Сто килограммов. Центнер! С поличным и накрыли. Позор на мою голову!..

— С ним Толька был, с Корягиным. Звони в милицию, Аверкий Несторыч.

Едва втолковала, что к чему. Из милиции

веселым голосом ответили, что нет у них никакого мальчика, и при задержании Корягина не было, а задержанный в таком непотребном виде, что толку от него добиться невозможно. Позвоните утром. Авось проспится, объяснит. А лучше поищите мальчика в селе: не иголка — не пропадет...

— Эх, бессердечные люди! — застонала в отчаянии Нина Петровна.

А Линчуткин еще масла в огонь подлил. Горестно так спрашивает:

— Это что ж получается? Получается, что его, сукинова сына, не только за жмых — за дите судить надо... Ищи, Морозова, сына, ищи, не может быть такой пропажи, не должно быть. Крышка тогда Корягину. Мне тоже нынче не до сна — поброжу по селу.

За ночь они с ног сбились, а под утро снова позвонили в милицию...

...Кто из них кого нашел: милиция его или он милицию — сказать трудно. Толяня проснулся на рассвете и диву дался: вместо привычного беленого потолка — зелень листвы над головой, глянцева от влаги. Солнце дрожит в росных каплях и, обрываясь с листьев, разбивается о траву.

«Это ж я в лесу ночую», — вспомнил он, зябко ежась. Поднял руку к глазам — серая шерстка на пальцах налипла. Заяц-трусишка удрал, не стал дожидаться, когда проснется Толяня.

Встал на ноги — роса на лицо упала, ручейками за ворот потекла. Умыла. Попрыгал Толяня, помахал руками, чтобы холод прогнать, и пошел на дорогу.

И тут ему повезло: ехал по размытой дороге грузовик и сидел в нем рядом с водителем человек в милицейской форме. Увидели мальчишку на обочине — остановились. Пожилой милицейский старшина дверцу открыл.

— Иди сюда, хлопчик. Ты ведь Морозов? Анатолий? Не вздумай отпираться.

Толяня вовсе не удивился: на то и милиция, чтобы все знать.

— Ага, Морозов я.

— Лезь сюда, Колумб-путешественник, домой тебя отвезу. На-ка вот плащ, укутайся. Из-зяб, поди?

— Очень даже.

— Ну вот, грейся.

Толяне старшина очень понравился, а что сердится — не беда: за дело ведь.

— Спасибо, — вежливо поблагодарил он, укутаясь в плащ. — Вот здорово, что я вас встретил. А то теперь мамка трясется вся...

— Трясется, верно. На весь район шум подняла. Ты где ночевал?

— В ямине, под дубом.

— В ямине, под дубом, — передразнил стар-

шина.— Будь моя воля, я б Корягину за тебя добавил.

— Вы и дядю Митю знаете?

— Всю их породу знаю. Тебя на свете не было, когда я их узнал.

— А где он, дядя Митя-то?

— Где надо.

Толяня, чтоб задобрить сердитого старшину, достал из кармана гайку, протянул на раскрытой ладони.

— Возьми себе, дяденька. Насовсем дарю.

— Зачем она мне?

— Пригодится на что-нибудь. Мало ли... Мы с папкой ни одного гвоздика не пропускаем, ни одной гаечки. Папка говорит, что ненужных вещей не бывает.

— А он кто, твой папка? Складом заведует, небось? — подал голос шофер.

— Чудной ты — складом!.. Комбайнер он.

Старшина уже и сердитость на себя не напускал — заулыбался.

— А ты, Морозов, подходящий мужик.

К самому дому подвез старшина милиции Толянню. Растерялась Нина Петровна: что делать? То ли обнимать малого, то ли хворостину из плетня выдернуть? А старшина успокаивает: пороть его, мамаша, не за что, самостоятельный мужичок, в лесу ночевал, по-солдатски. Сколь-

ко, поди, страхов натерпелся. Один, ведь, и маленький.

— Я не один, — возразил Толяня. — Я с зайцем. Только удрал он.

И, ликуя, захлебываясь от восторга, закричал:

— А земля, мам, даже за городом не кончается. Вот!

А Корягин тогда легко отделался. К году условно за жмых приговорили его. Колхозом за него просили: работник хороший, и грехов прежде не водилось...

Урок второй. Уговор дороже денег...

Всякий новый в Дубравине человек, по улице проходя, непременно корягинской избой залюбуется. Есть в ней странность одна: походит изба на мордатого бульдога, который к тяжело-весному, всесокрушающему прыжку изготвился. Сходство это заключается в том, что изба, в отличие от всех других на селе, построена не то в полтора, не то в два этажа. Нижний — привычная для этих мест пятистенка, верхний же — этакое подобие мезонина — в воздух над нижним вынесен. Венчается изба неуклюжим, стру-



ганным из дубовой плахи кочетом, в охлюпку оседлавшим конек. Но главное сходство с бульдогом придают ей задняя стена и надворные постройки, кряжисто севшие на взгорок, вверх по склону которого раскинулся на тридцати сотках густолистый сад.

В Дубравине избу Корягиных зовут не иначе, как хоромы. Ни деда Корягина, ни Митяя, ни жену его Павлину никогда с ведром у колодца не видывали — старик себе единоличный водопровод от Прони проложил.

Только дом — одна статья, а сад... Ах, какое великолепие этот корягинский сад! Как благоухает он по весне в белом, розовом, искряном цвету. Какой несокрушимой стеной видится с приречных лугов в знойную пору сенокоса. Какими ликующими запахами истекает осенью, в пору урожая. Мужики, побывавшие на войне, Европу насквозь прошедшие, ни в какой тебе Болгарии или Югославии, не говоря уж о Германии или там Австрии, не видывали таких наливных, одно к одному, яблок и груш, какие дед Корягин возит на рязанский рынок.

Дубравинские на расстоянии садом любовались да облизывались... В самом деле, не ехать же в Рязань на базар, а и приедешь — за каждое яблочко втридорога своему односельчанину заплатишь. Да пропади оно пропадом! Не торгуешь на селе, и не надо. Перебьемся...

Но запретный плод, говорят, сладок.

Поздней ночью ударили в корягинском саду и гулко прокатились над селом два ружейных выстрела. Всполошились собаки при дворах. А минутами позже кто-то заскреб в окно, за которым в закутке спал Толяня Морозов.

А может, и не спал он вовсе? В тот же момент вытолкнул створки, в одних трусах спрыгнул с подоконника на темную улицу.

Три дружка под окном поджидали его: Володя Кашин, Володя Бортаковский и тезка — Толя Кошелев, по кличке Маленький, в отличие от него — Толи Большого.

— Гад ты, — убежденно сказал Кашин. — Уговор поломал. Пошли, ребята, видеть его не могу.

— Погодите, я расскажу, — заторопился Морозов. Голос у него дрожал. — Не мог я, честное слово, не мог. Мамка на ферме — там Сильва хвораает, а отец в район уехал. А Галка, как назло, с вечера разнюлилась.

— Трус ты, Морозов.

— Я трус?

— Ты! Трус!

По селу — от избы к избе — летел перекати-полем встрепанный собачий перебрех.

— Кашин картуз в сад обронил. Теперь Корягин дознается, каков Володьке. Фамилия на подкладке написана... Насмерть Володьку батя забьет, — сказал Толя Маленький, самый молодой и самый жалостливый из них.

— Значит, я трус?

— Трус! — сказал Кашин.

Бортаковский и Кошелев замерли: быть драке, не стерпит Толяня обиды. Морозов ухватил Кашина за рубаху, и тот руку поднял — отмахнуться.

Но драки не случилось.

— Если Галка запищит — молоко ей суньте. Бутылка на столе, а я мигом!

Крикнул так Толяня и пропал в темноте.

— Чего это он?.. Толяня! — закричал вслед Бортаковский, но лишь собаки отозвались на его крик новой волной лая.

Мальчишки стояли под окном, переминаясь с ноги на ногу. Бортаковский беспокоился:

— Чего он удумал-то? А, робя, чего?

— А я знаю? Может, топиться в Проню побежал, — огрызнулся Кашин, у которого кошки на душе скребли. — Трус он...

И тут яркими огоньками затеплились корягинские хоромы. Ребята напряглись, дышать перестали. Ясное дело, Толяня там свою храбрость показывает, в сад через забор карабкается. Влепят ему в лоб из двух стволов — поминай, как звали. Второй раз не промажут.

— А им что... Они за рубль и сами удавятся, и кого хошь удавят... Тише, робя, идет кто-то.

— Это я иду, — успокоила их ночь голосом Толяни. — Галка не пищит?

Подошел к Кашину, сунул ему в руки отяжелевший от росы картуз.

— На вот!

— Это... как ты его... нашел?

— Дядя Митя подобрал, — равнодушно сказал Толяня. — Он и стрелял. Жалеет, что промазал.

— Ты что — продал нас?

— Никого я не продал. Вы ступайте теперь, я спать хочу...

Через окно в закуток свой полез, сдвинул створки.

А утром дед Корягин встретил у магазина Нину Петровну. Поздоровался, приподнял двумя пальцами картуз.

— Ты, девка, скажи своему старшему, пусть за яблоками ко мне приходит. Лучших наберу.

Нина Петровна внимательно посмотрела на него. В густой бороде и усах не таилось и тени насмешки. А глаза холодные, цепкие. Удивилась:

— Это за что ему такое счастье?

— За отчаянность, — непонятно объяснил старик и пошел себе дальше.

— Толянь, — спросила она дома, — чем это ты старику Корягину по душе пришелся?

Он выдержал ее пристальный взгляд.

— Ты, мам, меня об этом не спрашивай, это военная тайна.

Окончание следует



Следопыты школы № 38 города Днепропетровска прошли по местам сражений 57-й гвардейской орденов Суворова и Богдана Хмельницкого стрелковой дивизии, освобождавшей их область. Они встретились с бывшим командиром дивизии генерал-майором в отставке А. П. Карновым, который поделился со следопытами воспоминаниями о подвигах своих боевых друзей и однополчан.

Ежегодно в День Победы ребята приглашают к себе в гости бывших воинов дивизии. В школе создан музей боевой славы.



В 1885 году, отбыв якутскую ссылку, писатель В. Г. Короленко приехал в Нижний Новгород. Здесь он прожил 11 лет.

Его имя носит сейчас горьковская школа № 14, в которой открыт первый в России мемориальный музей Короленко.

В 1970 году следопытский отряд школы побывал в городе Павлово на Оке, в тех местах, куда в 1887—1890 годах выезжал писатель, встретился со старожилами, что еще помнят нищенскую жизнь кустарей, так выразительно описанную Короленко в знаменитых «Павловских очерках».

Ребята из клуба «Искатель» при Тюменском Дворце пионеров создают историю пионерского движения на Тюменщине. В музее пионерской и комсомольской славы собраны интересные материалы о ветеранах пионерии. Следопытам уже известны имена 400 пионеров и комсомольцев 20-х годов. В поиске «Искателя» помогает переписка со сверстниками из десятков городов страны.



Совсем недавно открылся следопытский музей в школе № 24 уральского города Асбеста. За короткий срок следопыты сумели воссоздать историю разработок асбестовых руд. Старожилы Н. Ф. Рубцов и В. М. Пятков подарили ребятам фотографии первых лет существования рудника. Школьники отыскали старые орудия труда. На чердаке одного дома они обнаружили целый клад: негативы портретов и готовые снимки асбестовских рабочих — участников гражданской войны.

Особый интерес представляет экспозиция музея, посвященная современному гиганту асбестовой промышленности — фабрике № 6.

Следопыты часто бывают в цехах новой фабрики и на карьерах.



Много больших и маленьких пещер и колодцев карстового происхождения в Ишимбаевском районе Башкирии. Изучением их занимаются юные спелеологи Гумеровской школы.

В прошлом году, обследуя склон горы Муксим, ребята заметили вход в не известную им пещеру. После тщательного осмотра юные спелеологи обнаружили в пещере два древних сосуда.

Неподалеку, в другой пещере, ребят ждала еще одна удача — они нашли наконец стрелы древнего охотника.

Ныне юные спелеологи продолжают изучение пещер Башкирии.



В этом году исполнилось 50 лет со дня присвоения пионерской организации имени В. И. Ленина. Следопыты поселка Заречный Свердловской области к этой дате написали историю пионерской организации своего района.

Ребята узнали, что первая пионерская ячейка была организована на их родине в октябре 1922 года. А в 1929 году в селе Белооярском организован детский колхоз. Он имел свою ферму и 60 га пашни. Позднее большинство членов этого колхоза стали руководителями сельского хозяйства, агрономами, зоотехниками.

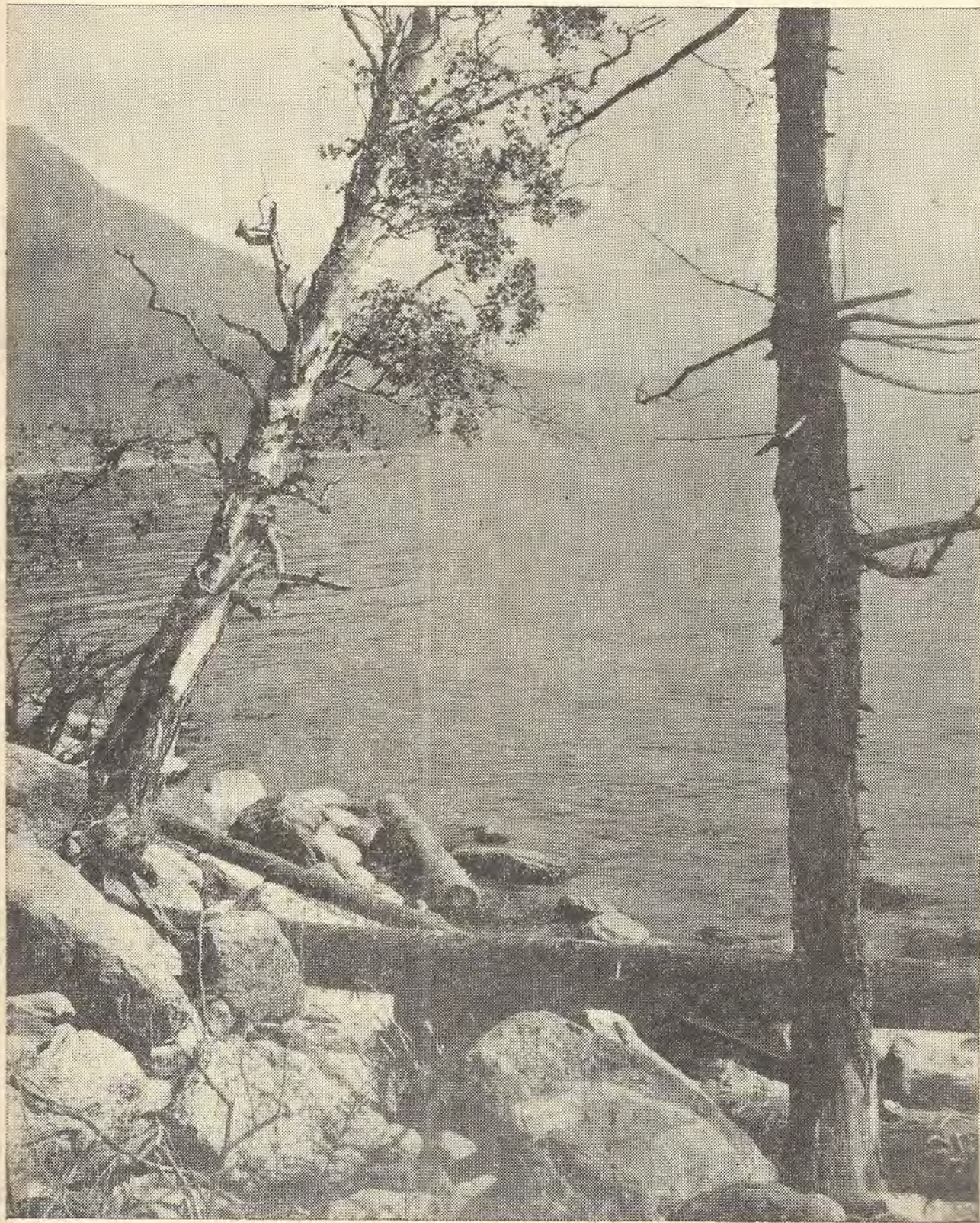
следопытская

хроника



НА БАЙКАЛЕ

Фото И. Деркача (г. Свердловск)



КОМСОМОЛЬЦЫ ДВАДЦАТЫХ...

Записал
Станислав
ФЕДОРОВ

Рассказ делегата VI съезда РЛКСМ
Прасковьи Захаровны Блиновой

Деревня Прошкино, в которой я родилась, затерялась среди других Шадринском уезде Уральской области. 15 ноября 1919 года — этот день я отчетливо помню — прошел по избам слух, что приехал из уезда комсомолец, созывает на собрание молодежь. О комсомоле я, понятно, до этого слышала, а вот живого комсомольца в глаза не видывала. Дай, думаю, пойду.

Приезжий паренек горячо говорил о мировой революции, о том светлом дне, когда над всей планетой будет реять красное знамя. И чтобы этот день наступил быстрее, надо всем нам, и прежде всего молодежи, активно строить новую жизнь, бороться с гидрой капитализма. Бороться — значит объединяться в союз молодежи. Речь свою он закончил словами:

— Всех, кто разделяет наши идеи, идеи коммунизма, прошу записываться в комсомол.

Оглядываюсь на соседей. То тут, то там поднимается рука. Но робко. Одни ребята, а девчата, вроде, выжидают. Я решилась — записывайте меня!

Первое время увлекались постановками, как тогда любили говорить, несли культуру в массы. Участие в спектаклях считалось главным комсомольским поручением. Пьес, созвучных революционной эпохе, не было, и мы ударились в классику. Особенным успехом пользовались пьесы Островского «Волки и овцы», «Не все в пиру похмелье», «На всякого мудреца довольно простоты» и другие. Мучались с костюмами: попробуйте найти в деревне роскошный купеческий кафтан.

В двадцатом уехала в Шадринск, в совпартшколу. Там вступила в партию. Приняли без кандидатского стажа: дочь бедняка (отец был кандидатом в члены партии), к тому же комсомолка. После школы ребята ушли на фронт, а я вернулась в свою деревню. Избрали меня секретарем партийной организации.

Время было тяжелое. В стране голод, а зажиточные мужики припрятавали зерно до лучшей поры. С вилами и лопатами мы шли по дво-

рам, отыскивая хлеб в укромных местечках. Найденное зерно сдавали продотрядам. Сушили сухари и отправляли их голодающим рабочим революционного Питера.

В Ишиме и Тюмени вспыхнул кулацкий мятеж. Фронт находился в двадцати километрах от нас. Коммунисты и комсомольцы перешли на казарменное положение. Поселились в одном доме, на ночь каждый клал рядом с собой винтовку. На дорогах, ведущих в деревню, выставляли дозорных. Конных. Зима выдалась лютой, под сорок градусов, и легко представить, каково было ребятам по пять часов стоять в дозоре.

Днем я, как и все, выполняла обязанности бойца в отряде, а по ночам составляла военные сводки. К нам их доставляли из близлежащих отрядов, а я должна была обобщить данные и к утру отправить с нарочным в штаб. Специалист по военному делу я, сами понимаете, никудышный, грамотешка неважнецкая — всего один год учебы в совпартшколе, — вот и сидишь, бывало, всю ночьеньку над цифрами. Целую неделю глаз не смыкала. Сжалились, наконец, ребята надо мной:

— Иди, говорят, домой, поспи. Вроде поспокойнее кругом стало.

Вышла на улицу и только тут, когда спало напряжение, почувствовала, как смертельно я устала. Глаза сами закрываются. Очнулась, когда меня кто-то за руку схватил. Смотрю — отец, он стоял дозорным у магазина. Спрашивает о чем-то, а я понять не могу.

— Куда идешь? — переспрашивает. Голос сердитый-сердитый.

— Спать, — отвечаю.

— Не могла получше соврать, — раскипятился батя. — Знаю ведь, что по вечерам посты проверяешь. Значит, уже родному отцу доверия нет.

Так и не смогла я тогда его разубедить. Не помню, как дошла до дома, как легла. Да, может, оказывается, человек спать на ходу, солдаты это хорошо знают.

Отгремели раскаты гражданской войны. Направили меня в губсовпартшколу, а после учебы — секретарем Верхтецкого райкома комсо-

мола Шадринского уезда. Поработала немного, поехала в Екатеринбург, на конференцию уральской комсомольной Сижу в зале, и вдруг в числе делегатов на VI съезд называют мою фамилию. Не ослышалась ли, думаю. Да нет, все сходится: и нмя, и отчество. И все равно, целый месяц я ходила сама не своя, все тревожилась: вдруг передумают. И только когда села в московский поезд, уверовала: я делегатка!

Пятьдесят лет прошло с той июльской поры, целая жизнь отшумела, а я как сейчас помню каждый день, проведенный в столице.

В деревне я как-то мало внимания на свои наряды обращала, все тогда ходили бедно, в чем придется. А в Москве застыдилась своего стираного-перестираного платья, обуви своей. Парни из нашей уральской делегации, военный моряк Коля Смолин и Гоша Колыванов, повели меня по магазинам. Народу тьма-тьмушкая, не протолкнешься. Я стою робко в сторонке, а ребята к прилавку пробиваются. Подбежал Колька, спрашивает:

— Панька, туфли выбросили, ты какой размерносишь?

А я и думать не думала, что обувь имеет размеры. Махнул Колька рукой и снова ринулся в толчею. Возвращаются с туфлями. Красивыми, на каблучке, я таких сроду не видела, не то, что носила. 38-й размер. Старые я тут же выкинула, новые примерила. Болтаются на ноге. Но ничто не могло омрачить радости. Ребята купили мне платье. В новом одеянии я и сфотографировалась на память о Москве.

День открытия съезда — 12 июля 1924 года — самый памятный в моей жизни. Началу я растерялась от многолюдия, от великолепия Большого театра, от многоязычного шума. Делегации пришли на заседание с красными знаменами, плакатами, боевыми лозунгами. В фойе и зале звучат революционные песни: «Смело, товарищи, в ногу...», «Молодая гвардия».

На трибуну выходит представитель ЦК комсомола Оскар Тарханов. Он взволнованно говорит о том, что



плenum ЦК, собравшись на экстренное заседание в траурные январские дни, решил, что лучшим памятником Ильичу будет объединение под знаменем комсомола многочисленной массы трудящейся молодежи, воспитание твердых и непоколебимых ленинцев, присвоение союзу имени Ленина.

— Центральный Комитет, — заканчивает свое выступление Оскар Тарханов, — просит VI съезд утвердить это решение и одновременно переименовать уже этот съезд в VI съезд Российского Ленинского коммунистического союза молодежи.

Невозможно рассказать, что творилось в зале, когда председательствующий поставил на голосование предложение ЦК. Ленин был с нами в самые радостные и самые трудные часы жизни, с ним мы мерзли и голодали, воевали и побеждали во имя революции. И нет большего счастья для человека, чем сознавать себя коммунистом, комсомольцем-ленинцем.

Счастье, но и великая ответственность называть себя ленинцем. Об этом негромко и проникновенно говорила выступившая перед нами Надежда Константиновна Крупская.

— Вы хотите стать ленинцами. Для этого вам надо быть революционерами. Быть революционером — значит служить делу освобождения трудящихся, делу коммунизма. Мы должны сейчас стремиться к тому, чтобы нашу личную жизнь связать с делом борьбы, с делом строительства коммунизма.

Под этим флагом и прошла работа VI съезда.

На смену военному фронту пришел хозяйственный. Страна нуждалась в хлебе, угле, металле. В этот восстановительный период на фабриках и заводах по инициативе комсомольских организаций создавались ударные бригады. Многие ораторы, в частности представитель уральской делегации, секретарь обкома комсомола Саша Баташов, рассказали с трибуны съезда о первых шагах ударных бригад, которые умело увязывали будничную практическую работу с высокими целями коммунистического воспитания. В президиум съезда поступила записка от комсомольцев Савеловской железной дороги. Во внеурочное время они отремонтировали паровоз и просили принять его в подарок съезду. Сама жизнь, пафос первых строек врывались в зал Большого театра.

Стоя, делегаты приняли Манифест ко всем комсомольцам и рабоче-крестьянской молодежи:

«...коммунизм не падает с неба, не рождается из головы или из желания хороших людей, а строится победоносными рабочими из фабрик, полей, которые не знают засухи, насаждением, которое привыкает сообщать трудиться и ждет плодов своего труда не от бога, а от собственной организации и умения работать. Только на этой почве можно построить коммунизм».

Эти слова стали программой нашего поколения.

«VI Всесоюзный съезд КСМ, — торжественно звучат слова Манифеста, — принимая имя Ленинского комсомола, клянется, что, какие бы препятствия на нашем пути ни стоя-

ли, каких бы жертв от нас ни требовали, мы выполним все эти задачи, мы не уроним знамени Ленина».

«Мы клянемся, клянемся!» — грохочет зал. Среди делегатов много военных — красноармейцев, краснофлотцев. Сколько раз смотрели они смерти в лицо, сколько товарищей потеряли на огненных дорогах войны. Кажется, слезинку из них не выжмешь. А сейчас плачут и не скрывают слез. От счастья, от радостного сознания, что ради вот этой минуты стоило голодать, мерзнуть в окопах, жертвовать жизнью своей. И теперь, спустя пятьдесят лет, можно с гордостью сказать: наше и последующие поколения с честью сдержали свою клятву, с честью пронесли имя Ленина по крутым дорогам истории.

Снова и снова громовое «Ура!». Хочется и мне крикнуть, но не могу. Чувствую, разрываюсь. Через всю свою жизнь старалась я пронести это высокое чувство причастности к ленинской партии, к Ленинскому комсомолу, которое с такой силой ощутила на VI съезде Российского Ленинского коммунистического союза молодежи.

ВЕРТОЛЕТЫ ИДУТ НА ХАРАСАВЭЙ

Павел
РЯБОВ

Рисунок
В. Сыскова



Юрка резко крутанул баранку руля вправо, запоздало нажал на тормоз, в сердцах выругался. Огромная кабина «Урагана» разом накренилась и замерла. Дремавший на заднем сиденье Княгницкий от внезапного толчка посунулся вперед, ударился лбом в Юркин затылок, забормотал спросонок:

— Ты чего, чего же делаешь, Юр, ты куда поехал?..

— Приехали,— сквозь зубы выдохнул Юрка.— Смотрите, опять следы эти. Пойдем разбираться. Карабин не забудьте.

Юрка плотнее надвинул пеструю кепочку, забросил за спину пушистый шарф и, распахнув дверцу, выпрыгнул на снег. Вслед за ним плюхнулся в сугроб Княгницкий.

К ночи вылезло, снегопад сдвинулся в глубь Ямала и висел там сейчас темным занавесом, ровной линией закрывая низкий полярный небосвод. Одна фара машины почти уткнулась в торос и высечивала сейчас в глубинах льдины затейливые переплетения изумрудных лабиринтов. Второй луч убежал далеко через ледовое поле — туда, где еще дышало и терлось о торосы холодное Карское море.

От второго «Урагана», затормозившего метрах в десяти, подошли водители.

— Что случилось, Юрка, куда тебя занесло?— еще на расстоянии закричал строго бригадир.— Опять закемарил или Одесса пригрелилась? Так здесь тебе не Дерibasовская.

— Да ну вас,— только и отмахнулся Юрка, пробираясь к наезженной за несколько рейсов колее.— Вы слушайте сюда, ребята,— закричал он, низко склоняясь над дорогой.— Опять те же следы! Значит, мне не привиделось, клянусь зарплатой.

Вдоль по трассе далеко протянулись три цепочки припорошенных снегом следов — каждый величиной с тарелку. Юрка уже пристраивал в один из них подошву своего унта, и она почти вешалась.

— Смотри-ка, наверное, семейство мамонтов на прогулку вышло,— неуверенно сострил кто-то из ребят. И снова все притихли, вглядываясь в загадочные «тарелки». Было жутковато: непроглядная ночь, рассеченная лишь яркими лезвиями фар, а кругом — глухая, неведомая тундра. И эти следы.

Первым заговорил Юрка. Отчаянно жестикулируя, даже пританцовывая, он тараторил:

— Еду, значит, я, размышляю за жизнь нашу. Борис Дмитриевич сны смотрит, не мешаю. И вдруг — следы, поперек дороги, три в ряд. Отчетливо увидел, аж там, где сердце, кольнуло. Надо было затормозить, а я сдрейфил, газку набросил. А теперь вот опять они...

Снова наступило молчание. Бригадир, несколько раз пройдя вдоль вереницы круглых оттисков, наконец сказал:

— Белые медведи это, ребята. Мне и раньше в Заполярье встречать их приходилось. Между прочим, радости от этого имел мало. Сильный, а порой и опасный зверь... Так что давайте не рассусоливать, а быстренько двигать на буровую. Как бы там чего не случилось...

Мощные машины, разом взревев, осторожно двинулись по трассе. Хотя ребята и ездили уже здесь — днем



и ночью, — а все едино не доверяли дороге, которую проложили по прибрежной полоске песка: то и дело из увалов тундры выкатывались в море ручеек или речушка. Иные напрочь перемерзли, другие были многоводны и вырвали лишь перекаты да броды. Семнадцать километров — от мыса Харасавэй до нового поселка, где началось строительство разведочной буровой, — иной раз преодолевали за полдня. А день все таял, сокращался, постепенно уступая место долгой полярной ночи. И ребята спешили: грузов на Харасавэе оставалось более чем достаточно. Монтажники торопили, ругались — так нужны им были металлоконструкции для вышки, доски и кирпич, бревна, гвозди, толь... Словом, работы хватало.

Вдали мелькнули, а потом и ярко засветились огоньки поселка.

Юрка не выдержал, нажал на сигнал. Он так и въехал на площадку перед жилыми вагончиками — под отчаянный рев клаксона и урчание перегревшегося двигателя. Из вагончиков повыскакивали полуодетые, сонные люди: одни отчаянно ругались, другие хохотали, признавая в этом бедламе обычные Юркины штучки. Шум и грохот так же внезапно стихли, и на приступке кабины выросла небольшая фигура водителя.

— Уважаемые полярники, — закричал Юрка, размахивая кепочкой, — пламенный привет вам от белых медведей! Чтоб мне не видеть Одессы, но я с одним из них уже поцеловался...

Следы пришельцев из океана обнаружили утром. Они вели к снежной яме, куда повар Коля Перминов выбрасывал все, что оставалось от обильных трапез строителей, механизаторов, монтажников. Медведи вволю полакомились куриными косточками, хлебными корками, раздавили зубами несколько банок из-под сгущенного молока. Юрка решил устроить тут засаду.

— Представьте, друзья, один прекрасный момент, — мечтательно рассуждал он. — Моя мамаша получает посылку. Откуда? Обратный адрес: Ямальская нефтегазодочная экспедиция, Харасавэй... Можно еще добавить — 71-я параллель. Это для соседей. «Что же мне достал мой милый Юрасик?» — громко скажет на всю коммунальную кухню моя мама и сама начнет, не торопясь, раскрывать посылку. А там — шкура белого медведя. Два на три — во всю стену нашей скромной комнаты. Вы представляете?

— За эту шкуру с тебя три шкуры спустят, — без улыбки скаламбурил бригадир. — Они же под охраной закона — эти медведи. Где-то читал я, даже в Красную книгу редких животных занесены. А штраф за отстрел одного мишки — тысяча рублей.

Сообща решили, от греха подальше, перенести место сброса пищевых отходов далеко в тундру. Потом видели — приходили туда медведи. Мамаша с отпрыском. Однако к жилью больше не подходили — ни днем, ни ночью. Но чем черт не шутит, и ребята дали радиogramму на соседнюю буровую: «Срочно пришлите нашу любимую собаку Машку. Боремся белыми медведями».

Наш МИ-6 раскачивался из стороны в сторону, словно танцевал на весу в воздухе. Шутка ли: на подвеске — две емкости с дизельным топливом по четыре тонны каждая. Когда поднимались, на Харасавэе была прекрасная погода, тихо. А вот теперь, буквально через десять минут полета, подул сильный боковой ветер. И бочки, висающие под брюхом вертолета на толстенном тросе, заходили кругами, восьмерками.

Турбореактивный МИ-6, на котором я прилетел с мыса Каменного на Харасавэй — почти четыреста километров по воздуху, — доставляет с подбазы на буровые топливо для дизельных установок, запасные части, бурильные трубы. Начало нынешней зимы скорее напоминает затянувшуюся весеннюю оттепель. День-два постоят морозы, а потом снова теплынь. Не промерзает тундра, и в такой ситуации думать о прокладке зимников — сплошная фантазия. А буровики кричат «SOS» — на исходе топливо. Вот

и пришлось подключать МИ-6. Удовольствие, прямо скажем, дорогое, но что делать — лучше это, чем останавливать работы, замораживать скважины...

Ветер так же внезапно прекратился, как и возник. Командир, вздохнув облегченно, щелкнул переключателем вправо — управление вертолетом взял второй пилот, Толя Ющук. Командир что-то сказал по ларингофону, выразительно поднял над головой два пальца. Сзади, из-за перегородки, вытянулась рука с огромным термосом, с пластмассовыми стаканчиками и сухарями в прозрачной обертке. Командир наклонился ко мне:

— Чай будем пить, — услышал я сквозь шум двигателя.

Чай был хорош — крепко заварен, ароматен, но настолько горячий, что стаканчик пришлось обернуть перчаткой. Бортмеханик Геннадий Ялошевский в каждый полет берет с собой туго набитый зеленый рюкзак. Кроме чая, в нем — консервы, шоколад, сгущенное молоко. На всякий случай. Такой случай был: когда забарахлил вдруг двигатель и пришлось пойти на вынужденную посадку посреди тундры, вдали от обжитых мест. Пока пришла помощь — летчиков спасал от мороза тот самый термос с горячим чаем.

Кричит что-то Ющук, показывая вниз, на землю. Приподнявшись с откидной скамеечки, смотрю через лобовое стекло. Далеко к горизонту стелется белая скатерть тундры. Справа поднимаются аспидно-черные увалы туч. Там — незамерзшее Карское море. А прямо по курсу вертолета — оленьи стада, чумы с дымками над верхушками конусных крыш: касаются енцы, кочуют вместе с оленями. До недавних пор одни они обитали на заснеженных просторах Ямала. Теперь вот пришли геологи. Оленеводы — частые гости на буровых. Рассказывают об охоте, рыбном промысле, о повадках коварной тундры. Они же сопровождали первые тракторные поезда, когда началась прокладка зимников.

А вот и буровая под номером 58. Это так называемая Бованенковская площадка. Здесь газ уже обнаружен. По предположениям геологов, более одного триллиона кубических метров!

Пока разгружают вертолет, мы со штурманом Сашей Ворошилиным, устроившись в его застекленном фонаре, в самом низу фюзеляжа, рассматриваем карту — район Харасавэя. Мыс вытянулся запятой на правом берегу Ямала. Рядом — острова Шараповы Кошки.

В книге «Топонимика морей Советской Арктики» так объясняется значение этих названий. «Харасавэй» в переводе с ненецкого означает — «кривая», «кривулиный». Острова значились на русских картах уже в 1609 году. «Шарап» — это призыв, зовущий на захват какой-либо добычи.

Координаты Харасавэя летом 1973 года нанесли на карты штурманы сразу нескольких океанских судов. Всем им впервые в истории предстояло пройти к Харасавэю Северным морским путем, доставить туда грузы. Осторожно лавируя между льдами, продвигались к Ямалу теплоходы «Немирович-Данченко», «Станиславский», танкер «Кунбуш». В огромных трюмах покоились гусеничные вездеходы, «Ураганы» и «Уралы», передвижные жилые домики, буровое оборудование, доски, продовольствие — словом, все то, что потребуется людям на год жизни и работы, до следующей навигации.

Первым, кто встретил суда на Харасавэе, был Александр Александрович Пугачев — начальник участка, ответственный за разгрузку, сохранность, перевозку, обеспечение, гостеприимство. Он очень энергичный и вездесущий человек, умелый организатор. Все зовут его Сан Саныч. Харасавэйские поварахи, втайне обожающие своего начальника, с обидой в голосе жаловались мне:

— Ничего-то он не замечает. Что ему ни приготовишь, шашлык ли, просто ли котлету, пожует-пожует, компот наскоро выпьет и — за шапку.

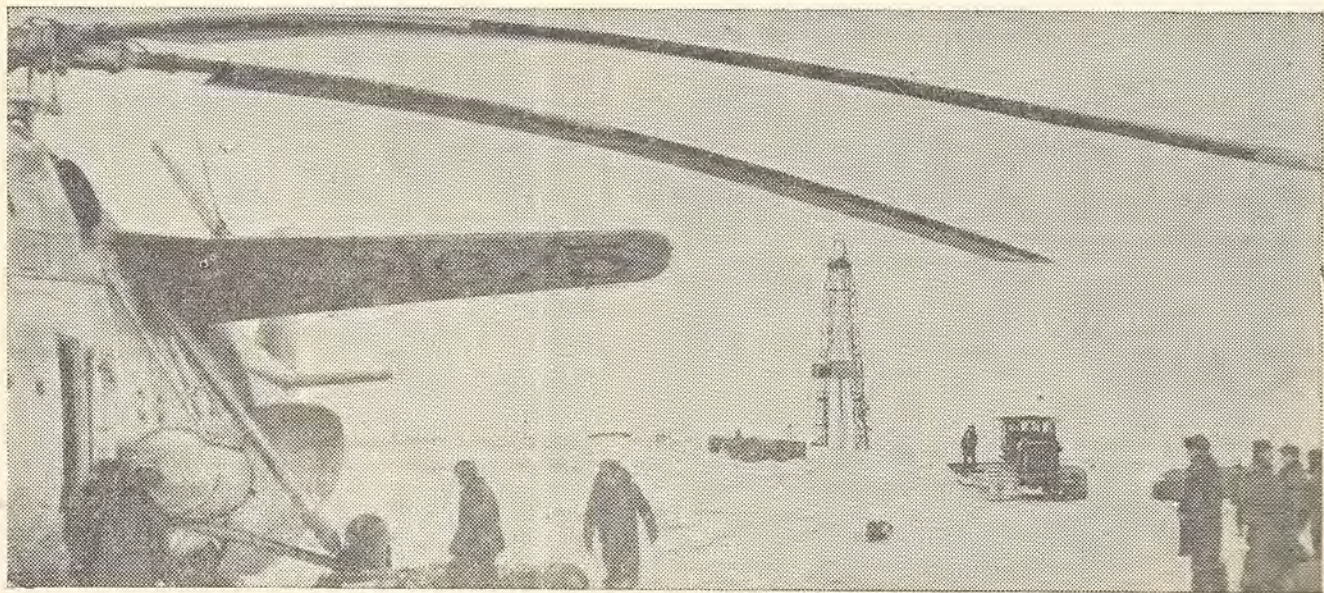
Каждую кочку знает в окрестной тундре Сан Саныч. Десятки километров отмахал пешком, пока не нашел воду для питья, не выбрал площадку для прибывающих грузов.

С тех пор Сан Саныча стали называть Планетоходом. А еще зовут его Северным сиянием: возникнет, дескать, на мгновение, а потом ищи-свищи его.

Лицом он хмур, неулыбчив. Но характером — добрый, отзывчивый. Длинные ноги погружены в черные валенки. На лбу — шрам. Это случилось во время разгрузки судов. Когда подошли теплоходы, выяснилось, что осадка не позволяет им подняться к руслу речки Харасавэй — мешает отмель. Решили грузы перебрасывать на берег самоходками, баржами. Непрерывно штормило. Лебедчики ухитрялись-таки укладывать очередные порции грузов на пляшущие палубы суденышек. А здесь матросам помогал Сан Саныч — крепил ящики, машины, контейнеры, затем сопровождал их к берегу. Но мореходом Пугачев был, к сожалению, начинающим, вот почему с ним и приключился этот курьез. Во время одного из накатов, когда самоходка начала падать вниз между гребнями волн, Сан Саныч привязывал какой-то груз, не подстраховывая себя



**НА СНИМКАХ:
ПЕКАРЬ
ВАЛЯ
ПОПОВИЧ
ЗДЕСЬ
БУДЕТ
ГОРОД
ЭКИПАЖ
МАШИНЫ
ГРУЗОВОЙ
ПЕРВАЯ
БУРОВАЯ**



ничем. И вдруг палуба ушла из-под его ног. Матросы видели, как мелькнули над ними длинные ноги. Благо Сан Саныч не выпустил из рук конец каната — это спасло. Пугачев отделался тогда лишь ударом об угол контейнера — шрам и остался.

С морем не шутят, особенно с Карским — угрюмым, беспокойным.

С последними партиями грузов пробивались к берегу уже через ледовый припай: коротко арктическое лето — в сентябре холода наступают. Пришлось оставить до следующего прихода в заливе самоходки и баржи. Так и стоят они, закопанные в ледовую броню. А рядом на берегу — подбаза. Все грузы, что сняли с судов, да несколько жилых вагончиков-балков. Отсюда Сан Саныч и отправляет все необходимое за 17 километров к северу — туда, где строится поселок геологоразведчиков, монтируется буровая установка. Там сейсмические партии обнаружили огромную площадь, перспективную на газ и нефть — самую северную на Ямале.

Итак, сейсморазведчики, простреляв Харасавэйскую площадь, объявили: найдена новая залежь газа, быть может, не уступающая и Бованенковской — целый океан голубого топлива. А под ним, вероятно, залегают и более тяжелое углеводородное сырье — нефть. Площадь уходит с полуострова к Карскому морю, что значительно облегчит в будущем транспортировку подземных сокровищ. Впрочем, а как, собственно, транспортировать? Вот об этом и рассказывает начальник Главтюменьгеологии, лауреат Ленинской премии Ю. Г. Эрвье.

— В мировой практике уже известны примеры перевозки сжиженного газа в танкерах и нефти — по морским путям со сложной ледовой обстановкой. Можно также прокладывать и трубопроводы в океанских глубинах.

— Юрий Георгиевич, как вы оцениваете перспективы освоения еще недавно пустынного, необжитого полуострова Ямал и какую роль в этом сыграют молодые первопроходцы Заполярья?

— На Ямале работают, в основном, молодые люди — комсомольцы. Значительная часть состава полевых партий, экспедиций — это юноши, отслужившие в армии, закончившие десятилетку. После специальных курсов они получают, по своему желанию, направление на работу в районах Крайнего Севера. Многие из них продолжают учебу заочно.

Что касается освоения Ямала, то уже в этом году разведочные работы там будут вестись более интенсивно. Мы делаем ставку не только на природный газ Крайнего Севера, где уже обнаружены крупнейшие в мире месторождения, но надеемся найти там и промышленные запасы нефти.

— А что вы скажете о перспективах Харасавэя, самой северной точки в стране, где сооружается разведочная буровая?

— На Харасавэйскую площадь геологи возлагают большие надежды. Впервые за историю освоения тюменского Севера было решено доставить все грузы не традиционным путем — по Оби и потом морем, — а через Арктику. Такой способ оказался гораздо эффективнее. В районе Харасавэя создается новая нефтеразведочная экспедиция — Карская. На ее базе мы будем впервые производить эксперимент по новому методу организации работ — вахтовому...

Представьте себе: из Тюмени поднимается в воздух скоростной комфортабельный Як-40. Курс его — на Харасавэй, более двух тысяч километров. В салоне самолета — буровики, дизелисты, механизаторы. Очередная смена летит в Заполярье. Позади — двадцать дней отдыха дома, в городе, две недели проведены в загородном профилактории под наблюдением врачей.

На обратном пути, с небольшого полевого аэродрома, расположенного у самого Карского моря, самолет забирать людей, закончивших свою вахту. Их также ждет 20-дневный отдых.

В экспедиционном поселке на Харасавэе появятся бла-

гоустроенное общежитие, столовая, клуб, причальное и складское хозяйство, механические мастерские.

Так будут работать геологоразведчики на Ямале — и довольно скоро.

Мы сидим в балочке разомлевшие от жары, усталые и вымотанные дальними перелетами на Ми-6. Пьем горячий компот и молча смотрим на электрокамин. Хозяин, Борис Княжницкий, извинившись, убежал по вызову — что-то там не клеилось у монтажников на буровой, не привезли необходимые детали с подбазы на Харасавэе. Теперь это сделать непросто: те 17 километров, что отделяют мыс от строящегося поселка, превратились в непроходимое месиво. Карское море сыграло злую шутку — надвинуло на отлогий берег тяжелое поле торосов, а они выжали на берег вал морской воды. Она заполнила русла рек и речушек, разлилась на многие километры. Вода в этих местах не замерзала, движение на трассе прервалось. Правда, Княжницкий отправил на разведку объездов два «Урагана», но сообщений от водителей еще не поступило.

Оставалась одна надежда — на рацию, единственный пока вид связи в этих местах. Детали может доставить экипаж Ми-6, живший на Харасавэе.

И вот теперь молчаливый радист, в запрокинутой на затылок шапке, забыв о давно потухшей папиросе в углу рта, монотонно отбивал на ключе морзянки одну и ту же фразу. Связи не было. Накануне над поселком отполыхало северное сияние. Теперь сутки не жди связи — пока-то успокоится магнитное поле Заполярья.

Вошел Княжницкий, вопросительно посмотрел на радиста. Тот молча пожал плечами, опять склонился к рации.

Борис Княжницкий — молодой инженер, выпускник Киевского политехнического института. По должности главный механик Ямальской нефтеразведочной экспедиции, фактически руководит, с первого колышка, строительством этого самого далекого поселка и монтажом буровой.

Сибирь-матушку Борис исколесил вдоль и поперек. Родители его, известные геологи Княжницкие, работали в Кузбассе, в Новосибирской области, одними из первых приехали на север Тюменской области. Еще в школе вместе с братом Женькой они твердо решили быть такими же, как их родители. Евгений, кстати, тоже закончил недавно индустриальный институт, работает на разведочной буровой в соседнем Тазовском районе — за Полярным кругом.

Княжницкий рассказывает о том, что предстоит сделать на месте высадки их десанта. После монтажа вышки начнется бурение нескольких скважин. Первая уйдет на глубину до полутора километров. Этого вполне достаточно для того, чтобы выявить мощность верхних газовых пластов — они начинаются порой с шестисотметровой отметки. Вторая скважина будет глубиной 2,5 километра, третья — еще глубже. Вот тогда уже станет ясно — есть ли там, на дне подземного газового океана, нефть.

А потом начнется бурение скважин эксплуатационных, значительно большего диаметра.

За разговорами не заметили, как за окном нависли ранние зимние сумерки. А на часах — лишь начало четвертого. И тут внезапно ожил радист. Впервые я услышал его голос:

— Борис Дмитриевич, связь появилась! — закричал он радостно.

— Давай, дорогой, связывайся с Харасавэем, — засуетился Княжницкий. — Чтобы завтра утром детали подкинули, заодно и топливо.

Была уже поздняя ночь, когда я вышел на улицу. Непривычные, крупные созвездия проплывали над головой, верша свой вечный, медленный хоровод.

И вдруг — началось. Из-за горизонта выплыл светящийся круглый туннель. Обогнув полнеба, он умчался вдаль, оставив гигантский туманный след. Он так и повис в вышине и, казалось, вот-вот промчит по нему с грохотом какой-то инопланетный экспресс. Потом вдали разом вспыхнули десятки прожекторов. Тонкие лучи закачались,

заплясали по всему небосводу, то перекрещиваясь, то вновь расходясь. Так вот ты какое — знаменитое северное сияние!

Что-то лохматое сунулось мне в руку. Еще витая в фантастических миражах, с задранной в небо головой, я не сразу понял кто это. Но вдруг отчетливо представил белого медведя, медленно встающего на задние лапы, чтобы снять с меня скальп. И — отпрянул в сторону. А лохматое существо, радостно повизгивая и скуля, бросилось ко мне. Машка, добродушнейшее из существ! Огромная полярная лайка, общая любимица геологов, та самая собака, которую ребята затребовали у своих соседей по рации. И летела она сюда со мной вместе, не далее как сегодня утром, на вертолете.

По рассказам летчиков, это было ее любимым развлечением: катание на вертолете. Геологи охотно брали в поездки с собой Машку, и она уживалась всюду, поровну деля преданность своего собачьего сердца между всеми обитателями Ямала...

Утром мы с Княгнициком отправляемся осматривать поселок. Прямо на берегу моря, у песчаной отмели, поднимается темный пик буровой. Она уже почти готова. Наверху монтажники обшивают тепляк толем. Все рабочие места буровиков на этой вышке будут утеплены. 50-градусные морозы на Ямале — не редкость, да еще ветер...

Жилые вагончики вытянулись короткой стрункой, образовав первую улицу. Ребята сами придумали ей название — улица Первопроходцев. А что, звучит неплохо, можно бы и узаконить такое название! Вагончики здесь ставят по-особому, блоками — по три балка в каждом, в виде буквы «П». Потом укрывают одной крышей, делают один выход на улицу. Во дворике можно хранить запасные части, провиант. Да и меньше заносит жильё снегом во время свирепых, штормовых метелей.

Есть в поселочке баня, электростанция, гараж, склад. Столовая, она же — красный уголок, место показа кинокартин. Коля Перминов, в белоснежном фартуке, колдует у электроплиты, громыхает дверцей зилковского холодильника. У порога столовой сидит, виляя хвостом и подергиваясь всем телом, кудлатая Машка. Черные глаза ее выражают непередаваемую преданность повару: скоро время обеда.

А вечером почти все обитатели поселка собираются в одном вагончике. Разговоры, байки, маловероятные истории... Гремит музыка из чрева транзисторов — они здесь у каждого. Задумчиво бренчит гитара. Все молоды, здоровы — кровь с молоком, и работа им не работа. Ребята пьют какую-то свою, местную песню. Запомнились слова:

Не обижай меня расспросами
О том, чем Север нас манит.
Харасавэй прикрыт торосами,
А море Карское шумит...

В углу, у столика, притулился парень с могучими плечами. Перед ним — раскрытая книга, общая тетрадь. На шум и разговоры — никакой реакции.

— Кто это? — спрашиваю я у соседа — белесого парнишки с рыжеватой, реденькой бородачкой.

— Пожиратель наук, полуночник-заочник, — отвечает, широко улыбаясь, он. — Наш монтажник Гоша Сабуров.

Я подошел к Георгию. На Ямале он третий год. За это время успел построить десять буровых установок. Приехал из Кировской области, из города Малмыжа. Потянуло на север, многое слышал, читал об этих местах. Недавно вот четверть века стукнуло. Скучно? Нет, скучать некогда. Сейчас готовится к сессии за третий семестр. Да, студент-заочник Тюменского индустриального института, будущий инженер по машинам и оборудованию промыслов. Еще дела общественные — профгруппорг бригады. Работается легко, тем более, что почти все — его сверстники. Как-то подсчитали на досуге: средний возраст их комсомольско-молодежной бригады 23 года. Парни дружные, несмотря на то, что из разных мест — из Москвы и Киева, с Дальнего Востока, из Средней Азии, Башкирии.

— Любого возьмите, — прекрасные люди, — Гоша замет-

но оживляется. — Смотрите: вот сидят наши сварщики Виталий Кищик и Алеша Пакулин. Дальше — мои напарники, монтажники Слава Дымшаков, Гена Щербинин, Володя Ермаков.

Щетинились бороды, дымили папиросы. Разговорчики, шуточки. Но — все тише, замедленной. Пора и спать. За окнами гремел, бесновался бродяга-ветер. Море Карское шумит...

Ждем МИ-6, что улетел на самую далекую буровую и, видимо, там застрял «в связи с присутствием отсутствия погоды», как шутит Сан Саныч. Вечером он приготовил сюрприз: истопил баньку — с ядерным сухим паром и дубовым венником. Для этих мест, где трут-ся о ноги ниже колен верхушки карликовых берез, венник этот — настоящее чудо!

После бани долго гоняем чай в столовой. Люда Панцелюк и Валя Попович — местные шеф-повара — постарались: подали настоящих цыплят «табака» и белоснежный духмяный хлеб, выпеченный в электродуховке. Сан Саныч ел, как всегда, рассеянно, думая о чем-то своем, насущном, о делах на день грядущий. А мы тем временем разговорились с Валей Попович. Выяснилось, что она коренная ленинградка, пришла минувшим летом на одном из теплоходов матросом да так и осталась здесь.

— Вы знаете, — звонко хохочет Валя, — у нас вся семья помещана на Севере. Мама больше полутора десятков лет плавала в Арктике, все поваром на транспортном судне. Такое же время и отец провел на Полярном Урале. Он геолог. Так что, как только весна начинается, мои домочадцы собираются в дальнюю дорогу. Не раз пыталась добиться ответа: что они нашли там, на Севере? А теперь сама поняла. Прекрасно здесь: люди чуждые, природа — суровая, но неповторимая. А дела такие, что и рассказы кому в Ленинграде — не поверят...

Вот и настала пора прощания с Ямалом. МИ-6 стояла на взлетной площадке, окруженной красными флажками и глазастыми фарами прожекторов. Сан Саныч неловко сунул мозолистую ладонь, нетерпеливо переступил валенками: видно, ждали неотложные заботы. Он уже ухитрился до отказа набить вертолет всем тем, что адресовалось в экспедицию, на мыс Каменный, и теперь краем глаза наблюдал за реакцией командира, показавшегося в проеме люка. Но, кажется, обошлось.

В самый последний момент, когда уже готовились запустить винт, бортрадист обнаружил за тюками мирно дремавшую Машку. Лайка, по привычке своей, собралась с нами в воздушное путешествие.

— Нет, Марья, на Каменном тебе делать нечего, — приговаривал летчик, волоча упирившуюся собаку к выходу. — Далековато да и потеряют тебя здесь.

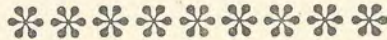
Вертолет вздрогнул, зашелся в сумасшедшей тряске и плавно оторвался от земли. Ушли в сторону штабеля, домики, вмержшие в лед самоходки. Когда открылось побережье, на белом фоне четко вырисовались силуэты машин: «Ураганы» с буровой! Значит, пробилась-таки ребята. Рядом с одной из машин стоит человек и отчаянно машет кепочкой: Юрка?! .

Командир тянет меня за рукав, приглашая посмотреть вниз, на землю. По снежному насту — извилистая колея: след санно-тракторного поезда. Она тянется туда, к Харасавэю. Первый зимник прокладывают механизаторы, первую «дорогу жизни».



ПРОСЫПАЛИСЬ РОСЫ ОТ ЛИВНЯ

**Валентин
СОРОКИН**



Просыпались росы от ливня,
И вновь на поляне моей
Звенит молодая кукушка
И храбро поет соловей.
Хоть лето едва наступило,
И в травы не пролился жар,
Но руки твои огневые
Вчера я над сердцем разжал.
И тихо, под шелест ольховый,
Спросил я: — Ты любишь, скажи!..
И стрелами грома сквозь рощу
Пронзительно взмыли стрижи.
А ныне за пашнею черной
Светло голубеет река,
И в небе, спокойном и теплом,
Куда-то плывут облака.



Не распрямить и не выгорбить
Ливневых струй на весу.
Если березы повырубить,
Станет темнее в лесу.

Что ты ступаешь так вкрадчиво,
Словно бы возле костра,
Тонкая, нежная, младшая
Их, вдохновенных, сестра.

Тихие или шумящие,
В гуще дерев искони —
Верные,
Нет, не гостящие,
А постоянны они.

Наши ли тропы не встретятся
Там, где туманно от рос.
...Ночью особенно светятся
Белые души берез.



По веселым полям
Кувыркается ветер,
И березы шумят,
Зелены-зелены.
Я-то знаю давно —
Ты одна на планете
Родилась для меня
В перезвонах весны.

И шагнула легко
В мир большой и открытый,
Где сегодня весне
Я легенды пою.
Это кто же тебя
Вдруг назвал Афродитой,
Удалую мою,
Золотую мою!

Человек для любви
И для радости создан.
Новой встречей опять
Переполнена грудь,
Осыпаются в ночь
Жаркоглазые звезды,
И в бессмертье ведет
Нашу молодость путь.

Счастье множество раз
Незначай улыбнется,
Коль, сверкая росой
Посреди темноты,
С верой в завтрашний день,
В нашу юность и в солнце
По долинам бегут,
Задыхаясь, цветы,



Синью плачут холмы,
Стонут сосны тугие.
Молодые не мы,
А другие, другие.

Путь-дорога ясна,
Но, как добрая жалость,
Эта наша весна
Незначай задержалась.



Падает сваялым листом,
Можжевельной тихой.
И за каждым кустом —
Соловей с соловыхой.

Вновь над нами звезда
Незакатного лета,
И летят поезда
Во все стороны света.



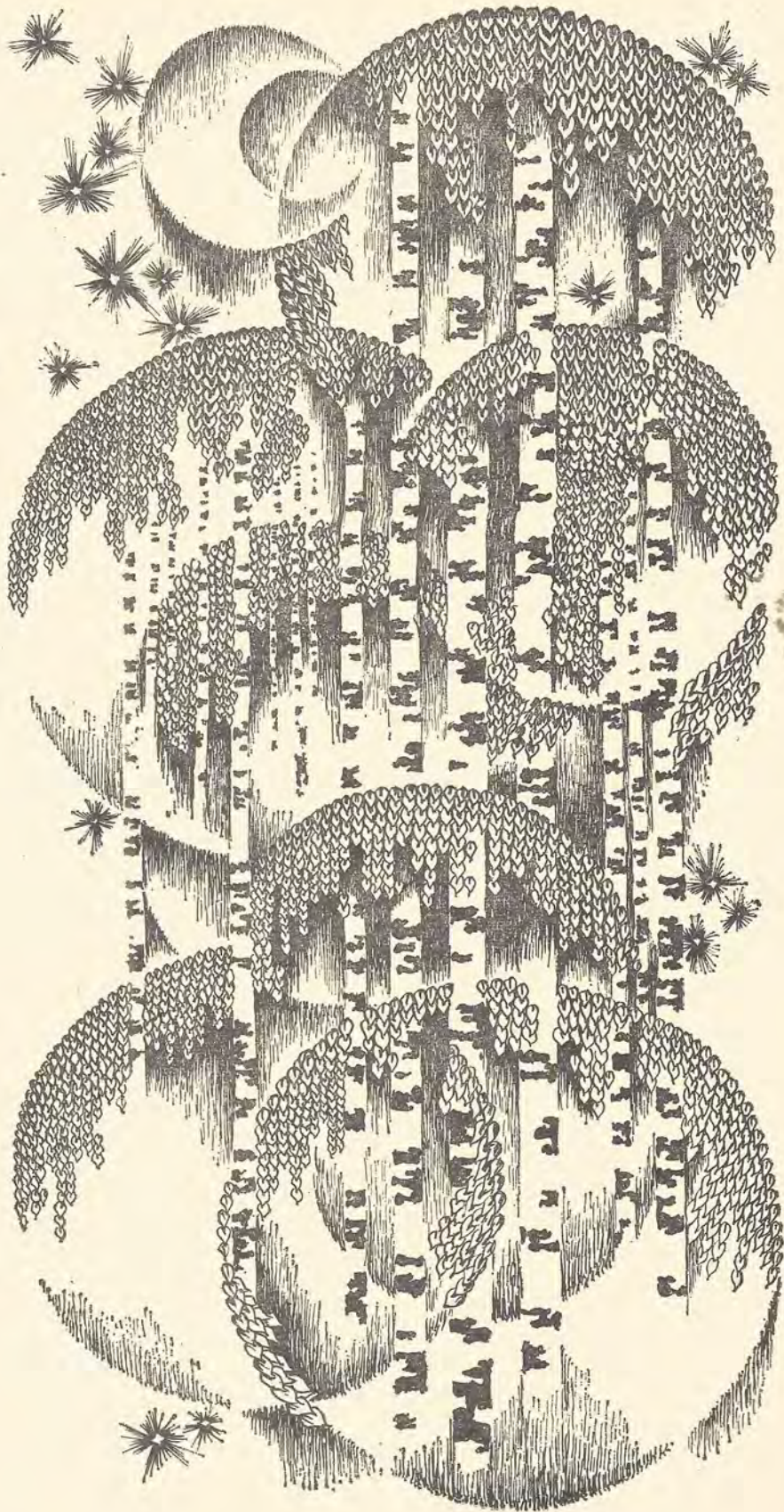
Наша жизнь мгновеннее, чем ветер,
Что осталось от людей на свете:

Голос чувства, поклик лебединый,
Шар земной, багряный и единый,

Звезды во вселенной среди ночи,
Все они пылают, словно очи,

Никнут к океанскому колодцу...
Ты опять со мною, слава солнцу!

Слава травам, яблоням и грому,
И дождю, и миру — молодому!



СПИРАЛЬ САВЕЛЬЕВА- ТРЕТЬЕГО



**Борис
ВАЙСБЕРГ**

*Рисунки
Р. Капчикова*

Вот какую историю рассказали мне про Толю Синичкина, шофера с нашего завода. Будто ехал Толя мимо кинотеатра «Заря» и увидел, как человека сбило трамваем. Мгновенно подрулил, помог погрузить пострадавшего в свою машину, врубил пятую скорость и, нарушая все правила уличного движения, помчался в больницу. По пути шуганул на тротуар милицейский «газик», который, конечно, погнался за ним. Когда работники автоинспекции увидели, как истекающего кровью человека выносят из Толиной машины, они уважительно посмотрели на шофера.



Синичкин не лихач. Три года он ездит на этой машине и — хоть бы царапина. Просто он виртуоз своего дела. Есть у него к этому способности, призвание. Счастливый человек!

А дальше мой рассказ пойдет не об этом парне, хотя, представляете, как было бы интересно — мне о нем писать, а вам читать. Герой мой, лекальщик Коля Савельев, по темпераменту прямо противоположен горячему Толе Синичкину. К сожалению, такие вещи, как темперамент, психология да склонности, пока что мало учитываются, когда молодой человек приходит на завод. Однако Коля Савельев — это уже не тот неумеха, которого надо учить азбуке рабочей профессии: как закрепить сверло в патроне, а патрон — в станке, как держать напильник. Все эти премудрости он освоил еще перед службой в армии, а теперь пришел на производство как бы по второму кругу.

Он кое-что перепробовал в жизни и в работе и вновь пришел на завод. Значит, не случайно.

С другой стороны, он, конечно, еще и не рабочий в полном смысле этого слова. Он только становится рабочим.

Тепло рук

Из нашего технического кабинета хорошо виден инструментальный цех. И окно видно, у которого работает Коля, Савельев-третий, как его прозвали в цехе. Самого Колю мне не видно, но я хорошо знаю расположение рабочих мест. Сидит Коля за верстаком Василия Михайловича Перминова, ушедшего недавно на пенсию. Так и говорят: «верстак Перминова» — не Савельева, а Перминова, потому что старый лекальщик проработал здесь 35 лет и оставил добрую память. Коля — только три месяца, к нему еще не привыкли.

Справа от Коли — Юрий Яковлев, сзади Анатолий Костылев, слева Федор Анатольевич Козлов. Впереди — окно. Устав он напряжения, Коля смотрит в окно на гараж, на выезжающие и въезжающие машины. Потом снова берется за надфиль и пилит свою «подушку». Деталь и вправду похожа на примятую головой подушку.

Когда он рассказывал мне об этой детали, я удивлялся: масса углов, кривых поверхностей — как он управится? Действительно, Коле несколько раз пришлось переделывать работу. И сейчас еще не все получалось, как надо.

...Приложив к профилю шаблон, Коля посмотрел на свет и вздохнул: зазор опять изменился.

— Не суетись, — услышал он голос Козлова, — это свет в окне меняется. Сколько там?

— Десятка-две...

— Ишь ты, десятка! — Козлов взял у Коли шаблон, посмотрел сам. — Три-четыре сотки, не больше. Свет — он, ведь лучом расходится...

Вообще-то у Коли второй разряд, и учить его никто не обязан. Но тут особые обстоятельства. Во-первых, у него разряд простого слесаря, а не лекальщика. Кроме того, — Коля не знает, — мать приходила к Козлову, спрашивала, как там ее Николай, получится ли у него. «Не спеши, Лида, — ответил ей старый лекальщик. — Наше дело требует времени. Вроде, должно получиться: парень спокойный, усидчивый, терпеливый — это уже много. И грамоты хватает, так что не переживай».

И еще вот почему Козлов решил помогать Савельеву-третьему: через год — полтора один из лучших лекальщиков завода Федор Анатольевич Козлов уйдет на заслуженный отдых, и Коля для него вроде преемника. Не знаю, догадывался ли об этом Савельев-третий. Может, и нет. Но усердно пилит надфилем свою «подушку». «Вылизывал», как это у них называется.

Каждый раз Коля удивляется, сколько в лекальном деле тонкостей. Недавно он никак не мог взять размер: стрелка индикатора все ползала и ползала по циферблату. Он не делал никаких движений, даже затаил дыхание, просто держал инструмент и смотрел, а стрелка ползала. Непонятно!

— Тепловое расширение, — напомнил ему школьную премудрость Козлов, — оберни инструмент тряпкой, чтоб тепло от руки не передавалось.

Вот оно что: тепло рук! Николаю знакомо это выражение. Так пишут, к примеру, о медсестрах: тепло их рук помогает людям превозмогать страдания. А в лекальном деле, выходит, оно только мешает, искажает размеры. Потому что счет здесь идет на сотые и тысячные доли миллиметра.

«Подушка» — первая самостоятельная Колина работа. Если не считать личного инструмента. В первые дни ему велели сделать лекальную линейку и угольник. «Зачем? — спросил он у Козлова, — разве нельзя взять в кладовой?» «Можно и взять, — спокойно ответил тот, — но у нас, лекальщиков, традиция такая: каждый сам себе делает инструмент. И опять же испытание, так что надо постараться. Сам сделаешь, сам и работать будешь этим инструментом. И станет он тебе дороже, чем из кладовой».

Месяц провозился Николай с линейкой и угольником, «вылизал», что называется, «ноль в ноль». Лично написал электрокарандашом: «Савельев Н. М.», подышал, потер тряпочкой. И вправду приятнее, чем просто пойти и взять.

— Считаю, что испытательный срок выдержал, — сказал тогда Козлов, — я уже мастеру говорил: дадут тебе «подушку» делать, так что набирайся терпения.

Эта «подушка» и в самом деле уже порядком надоела Николаю. Что делает опытный лекальщик, устав от напряжения? Меняет работу —

берется за простые операции: сверлит или что другое. А молодой Николай встал и пошел по цеху — газировки попить, руки-ноги размять,

На «сыром» участке

По цеху вразвалку не ходят, даже если у тебя перекур. Это размагничивает других. Но Николай и этого еще не знал. Он неспешно шел по проходу. Мимо своего бывшего «сырого» участка. За своим бывшим стареньким верстаком увидел незнакомого парнишку. Наверное, новичок: колотит по железке, на весь цех гремит. Ну, кто так рихтует, салага! Молоток отскакивает со звоном — значит, подкаленный металл, а он бьет по бугру. Николай не выдержал, вернулся, показал новичку, как надо бить: не сильно, но часто и не по выпуклости, а по ямке. Тот шмыгнул носом, слегка обиделся, но застучал, как положено. Неужто и он, Савельев-третий, был до армии таким неумехой?

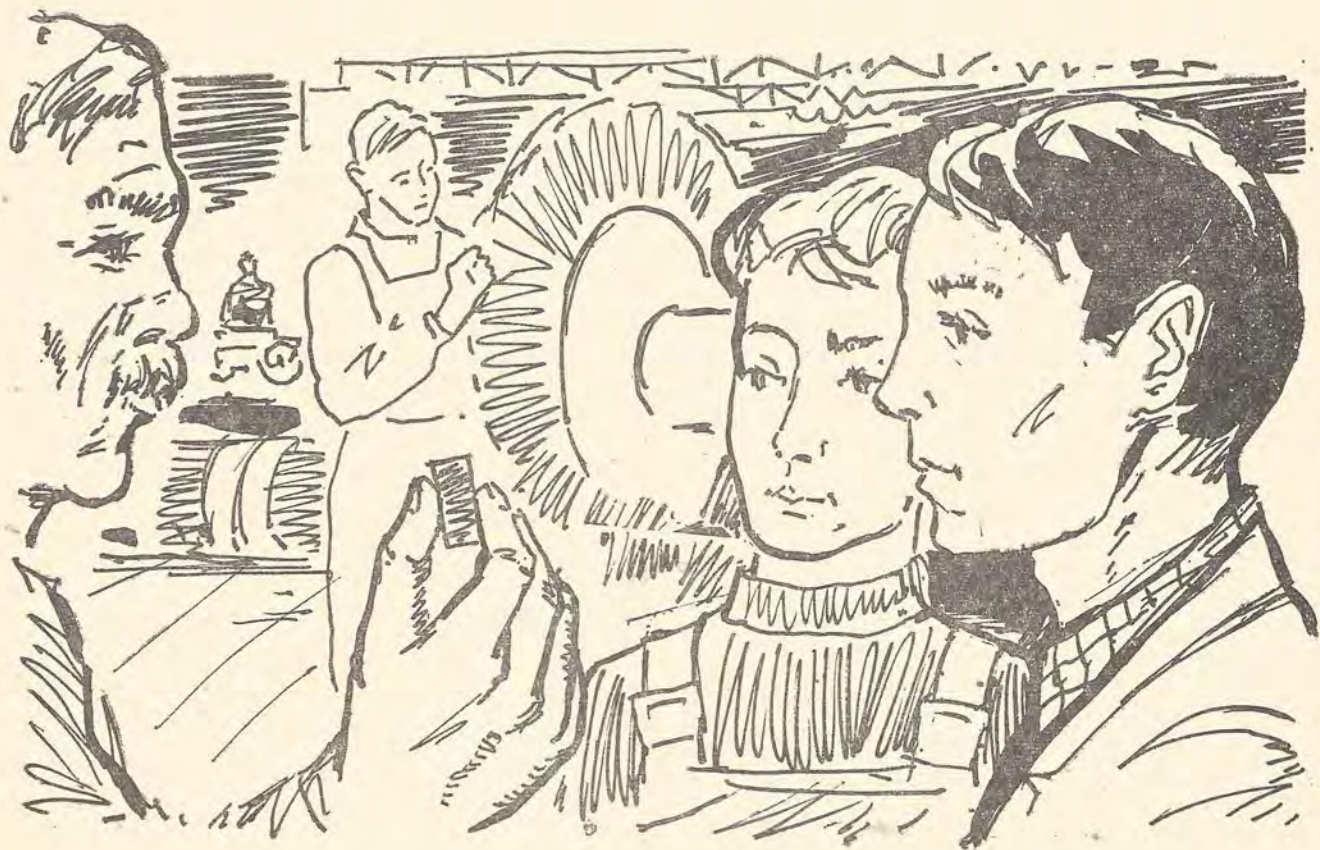
А вот и мама трудится на заточном станке. Увлеклась, не замечает никого.

Николай вспомнил, как мать с отцом впервые привели его на завод. Еще до армии. Не за ручку, конечно, — он и тогда уже был человеком взрослым, десятилетка за плечами. Мать уговаривала

его пойти в инструментальный, «наш семейный» цех. «Неудобно, лучше я в другой цех пойду, — отнекивался Николай, — что люди скажут?» «Да что мы тебя, на теплое место что ли устраиваем?» — смеялась мать. — Очень даже удобно».

Определили Николая слесарем на «сырой» участок. Когда он рассказывал приятелям, где работает, те смеялись: не простудись, смотри, от сырости. Николай тоже поначалу удивлялся такому названию — будто есть еще «вареный» участок. Потом узнал: на машиностроительных «сырой» означает, что здесь обрабатывают изделия до закалки, мягкие. Затем их калят и передают на участок, который так и называется «каленным». Он находится за стеклянной перегородкой, и работают там лекальщики, профессора слесарного дела. В то время Коля Савельев и не предполагал, что после армии сам будет работать вместе с этими профессорами: Козловым, Ляхно, Черкашиным!

Поставили его тогда за старенький верстачок, вот этот самый. Дали немудрящий инструмент: молоток, пару напильников, зубило, остальное — в кладовой. И начал он слесарить. Напротив, в пяти метрах от него, мать стоит у станка. Улыбается: сын перед глазами — на душе спокойно. А Николай хмурится — никак не может разо-



браться в чертеже, и ему кажется, что это из-за матери: зачем она смотрит?

А вообще-то молодец Савельев-третий, что все-таки согласился работать рядом с родителями. Я знаю ребят, которые не захотели идти в тот же цех и даже на завод, где мать или отец. Дома присмотр надоел, еще и на работе. Хочется самостоятельной жизни. Они по-своему правы, те ребята, но и Николай прав по-своему.

С чертежом он все-таки разобрался: надо было нарезать пластины на ножницах. Это вам не бумагу резать — тут целый станок на пневматике. Страшновато к нему подходить, хотя мастер Ляхно и показывал, как работать: ручку вниз — нож режет, вверх — поднимается.

Первые пластины получались косые, мятые, а потом и вовсе перестали отрезаться. Ножи затупились, что ли? «Отца позови, он настроит», — услышал Николай подсказку матери. Отмахнулся: сам хочу понять. Но матери, видно, не впервой наблюдать, как новички возятся с ножницами, — сходила, позвала мужа. Михаил Федорович сразу понял: не отрегулированы прижимные болты. Несколько оборотов ключа, и они плотно прижали металл к нижнему ножу; ручку вниз, и верхний нож отрезал ровненькую пластину.

Так три года назад учился Николай азам слесарного дела: резать, пилить, сверлить, рихтовать. Вот рихтовка. Простое, казалось бы, дело: надо всего лишь выровнять пластину. А поди ж ты, и тут хитрость: если металл сырой, надо бить молотком по бугру, а если каленый, то — по ямке. Новичков это приводит в недоумение: как так — бьешь по углублению, и оно вдруг выравнивается? «Наклеп, — коротко сказал Николаю мастер Ляхно. — Поверхностное натяжение. Физику помнишь?»

Поездка в Кольцово

Где-то Николай читал: жизнь идет витками, по спирали, повторяясь на новом, более высоком уровне. А ведь и у него тоже: начальный виток — это работа на заводе до армии. Получил второй разряд слесаря, понюхал производственного пороха, кое-что понял в жизни. Служба в армии — еще виток, он стал авиационным радиотехником 1-го класса.

После армии вернулся в свой цех, на свой «сырой» участок — можно бы считать и этот период витком. Но тут — Николай даже заскучал — спирали не получилось. Как говорится, откуда ушел, туда и пришел.

В один прекрасный день он сел в шикарный автобус и поехал в Кольцово. Там, в аэропорту, работал парень, с которым Николай служил в авиачасти и который недавно написал Николаю, что в порту нужны радиотехники. Может, и вправду пойти по этой специальности?

В аэропортовском кафе, под рев взлетающих и подруливающих самолетов, состоялся у ребят очень важный разговор. Николай узнал, что здесь, в порту, работа почти такая же, как в армии. «Давай переходи к нам!»

Николай не спешил. «Ты же помнишь, — говорил он, — как нас отбирали в военкомате: кто закончил десять классов — шаг вперед, пойдете в радиотехники. Не больно спрашивали желание. А может, не лежит душа у меня к этому делу? Вот Юрка, младший брат, тот приемники дома собирает-разбирает...»

«Брось ты, — горячился дружок. — У тебя же первый класс! Звучит-то как: радиотехник первого класса! А сейчас ты всего только слесарь на «сыром» участке! Не звучит».

Действительно, смущался Николай, название не того... Но он уже надумал уйти с этого участка. На «каленный». Вот сейчас, в эту минуту, он и решал мучительный вопрос. «Каленый» — звучит!

— Знаешь, как у нас говорят, у слесарей: на «сыром» сначала работают, потом руки вытирают. А на «каленном» протирают руки и тогда уж к работе приступают.

Друг слушал и понимал: это на вид Савельев мягкий да покладистый, на самом деле — упрямый парень.

— А ты турбину видел? — продолжал Николай. — Нет, не авиационную — этих мы насмотрелись с тобой в армии. Паровую, теплофикационную — 250 тысяч киловатт. Машина! Больше, чем, к примеру, вон тот «Ил-18». Лопатки — чуть не в метр длиной. Хороши лопаточки, правда?

Николай рассказывал, как его посылали временно на сборку турбины, «на прорыв». Я помню тот месяц: заканчивали крупнейшую в мире тепловую турбину Т-250. «На прорыв» брали крепких ребят — работа не из легких. А Николай весь в отца: кряжистый, плотный, боксом одно время баловался. Крутили ребята гайки ключом, а ключ — полтора метра длиной. Вдвоем крутили. Еще трубки латунные резали для конденсаторов, каждый из которых с двухэтажный дом, в них пар превращается снова в воду. Из обрезков трубок ребята потом отличные антенны делали для телевизоров. От себя я добавлю, что тот месяц на сборке тоже можно считать витком в рабочей жизни Савельева-третьего.

Но, в общем, и это дело Николаю не приглянулось, хотя интересно было лично участвовать в изготовлении турбины.

— Тогда я не знаю, что тебе нужно, — миролюбиво заключил армейский дружок. — Смотри сам, где лучше. А то как бы опять не пришлось менять работу.

И Николай так считал: выбрать себе специальность — так уж на всю жизнь. Один его знакомый в тридцать лет пошел переучиваться. Чего хорошего?

«Вот и это меня поразило, когда Николай рассказывал мне о поездке в Кольцово: не по годам взрослая основательность, неторопливость в выборе профессии. Чувствовалось влияние родителей, проработавших на одном месте по тридцать с лишним лет, хотя в тяжелые военные годы не очень-то приходилось выбирать дело по душе. Шли работать, куда требовалось...»

Николай вернулся в город, завершив очередной в своей жизни виток. Неважно, что длился этот виток полдня, по итогу он стоил целого года. В автобусе Николай окончательно решил: он остается в цехе, но будет проситься к лекальщикам.

Мать, конечно, обрадовалась: специальность серьезная, уважаемая. Снова все вместе, и она будет видеть за стеклянной перегородкой кучерявую голову сына.

Ответный визит

Как-то я зашел по делам к лекальщикам. Вижу: Николай сидит за разметочной плитой и что-то вычерчивает на металлической пластине.

Оказалось, заболела разметчица, и лекальщики сами ведут разметку. Она не простая, а координатная. Николаю эта работа очень нравится.

— Геометрию помнишь?— спросил у него мастер Ляхно.— Вот и размечай по иксу и игреку.

Мне Николай пояснил, что сейчас делает шаблон и «контрик». Я уже приметил, что он с удовольствием щеголяет профессиональным жаргоном: «соточка», «контрик». Последнее означает контршаблон.

Значит, с «подушкой» Николай разделался. Потратил на нее около двух месяцев. Опытный лекальщик, скажем Козлов, управился бы за пару недель. Козлов уж и сам не рад был, что присоветовал мастеру дать Савельеву эту работу: новичка может отпугнуть такое сложное изделие. Был момент, когда Николай приуныл: «провалил» размеры и решил, что брак неисправим. Значит, полмесяца работы пропало. Выручил Козлов.

— Навари и снова припили,— подсказал он.

«А как же с зарплатой?»— спросит читатель, знакомый с производством. Ведь лекальщики обычно на сдельщине. Николаю «выводили». Есть такое выражение — «выводить зарплату». Это значит: пока человек осваивает новую специальность, ему платят немного больше того, что он зарабатывает. Как бы авансом на будущее. Но этот аванс надо еще заслужить, не в каждого поверят.

Через «каленный» участок проходит много народу, да не всех оставляют, и не каждый сам остается. Двое из десяти закрепятся — прекрасно, один — и это хорошо. Николай остался. В него поверили старые лекальщики, мастер, начальник

цеха. Значит, будут поддерживать, пока не окрепнет.

После «подушки» он получил новое задание: для контроля моторной детали изготовить шаблон и контршаблон, «контрик». К слову я рассказал ему про одного хитреца, который выточил партию деталей, и все оказались с браком. Чтобы сдать их, он подпилил шаблон. Когда приложили к шаблону контршаблон, тотчас и обнаружилась подделка. Вот уж действительно «контрик»!

При мне подошла к Николаю Галя Гришина, секретарь комсомольского бюро. Сказала, чтобы он не забывал — скоро соревнования. Савельев-третий уже имеет комсомольское поручение — помогает спортивному сектору. Правильно, он сам спортсмен, хотя организаторскими способностями пока не блещет.

Вскоре он нанес мне ответный визит: зашел в технический кабинет. Посмотрел на стендах новинки, взял в руки железку и сказал, что в цехе такие штуки называют «слезками». Действительно, по форме железка напоминает огромную слезу. Если слоны плачут, то, наверное, такими вот слезами.

— Наши рассказывали: намаешься, пока шаблон для нее изготовишь,— по-своему объяснил Николай. И вдруг его глаза заблестели:

— А вот этот «контрик» я делал!

Он ошибся, на том стенде были изделия, созданные раньше, чем Николай пришел на «каленный» участок. Он долго рассматривал деталь: «А может, и не я...»

Ошибка примечательная: мой Николай еще не заимел собственного почерка. Опытному рабочему одного взгляда достаточно, чтобы узнать свою работу. Днем раньше заходил к нам в техкабинет Иван Куракин, один из лучших слесарей завода. Тот сразу угадал свои изделия.

Николай рассказал мне, как он заглядывал за перегородку, где работают уже не просто лекальщики, а «оптики», на оптико-шлифовальных станках.

— Там без диплома нечего делать,— закончил он.

По тону, каким это было сказано, я подумал, что в будущем не исключен еще один виток в жизни Савельева-третьего.

Савельев-четвертый

Когда в цехе появился новенький, табельщица, оформляя его, воскликнула:

— Ой, девочки, смотрите — еще один Савельев! Какой молоденький, с пятьдесят шестого года. Сын дяди Миши, что ли? Ну да, Юрий Михайлович. Сколько же теперь у нас в цехе Савельевых? Четверо?

Да, это был Савельев-четвертый — младший брат Николая.

На заводе привыкли к семейным традициям инструментальщиков. Здесь трудятся трое Коршунковых, два брата Ляхно, трое Жориных, еще трое Сергеевых.

Савельевы, таким образом, побили рекорд: их оказалось четверо в одном цехе. Но мне показалось примечательным другое: если Николая привели в цех родители, то Юрий пришел сюда, следуя примеру старшего брата. И захотел сразу за загородку, к лекальщикам.

Правда, тут у него вышла осечка: Юру в лекальщики не взяли. А еще раньше не приняли в техникум — завалил экзамен.

— Давай начистоту, — сказал ему начальник цеха. — Тебе нужно год перекантоваться, до армии или до учебы. И ты не гарантируешь, что вернешься к нам, — верно я говорю? (Тут Юра смущенно кивнул.) Лекальное дело особое — за один год ему не научишься — Николай тебе рассказывал, наверное? (Юра снова кивнул.) Хорошо, что ты по стопам брата идешь, но Николай — другой случай: он уже был слесарем, а после армии пошел по лекальному делу. Можно сказать, закрепился всерьез и надолго. А у тебя еще ничего не известно. Верно я говорю?

— Вот и я ему про то же самое, — сказал Савельев-старший. — Не возражаете, если я его пока к себе в бригаду возьму?

Начальник, конечно, не возражал, даже рад был: за подростками глаз да глаз нужен, а за сыном отец всегда присмотрит. Так Савельев-четвертый стал учеником слесаря-ремонтника. Здесь я хотел бы немножко добавить от себя: настоящим ремонтником стать не легче, чем лекальщиком. Разница в другом: ремонтников требуется в десятки раз больше, а лекальщиков вообще на заводах единицы, и конкурс у них побольше, чем в том же техникуме.

...Как-то Юра пришел к Николаю за перегородку. С любопытством оглядел разные хитрые железки. Спросил, указывая на одну:

— А это чего?

— Контрик, понял? А ты чем занят?

— Да вот шланг несую, будем на станке менять. А чего это — контрик?

Николай популярно объяснил, взял шаблон, приложил к нему контршаблон и, подняв против света, спросил:

— Какой, думаешь, здесь зазор?

Юра долго шурил глаз, вертел головой и наконец неуверенно сказал:

— Миллиметр. Или меньше.

— Ха, миллиметр! — обрадовался Николай. — Чему вас в школе учили? Свет лучом расходится, вот и кажется, что зазор большой. Здесь две-три сотки, понял?



ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ МИКРООТКРЫТИЯ В АРКТИКЕ

Алексей
КОТЮХ

В наше время о крупных географических открытиях в Арктике говорить не приходится. Все моря, проливы, острова в Северном Ледовитом океане уже давно открыты.

Впрочем, что значит — давно? Еще и в XX веке были найдены новые земли. Одними из самых значительных географических открытий XX века следует считать обнаруженные экспедицией на ледокольных судах «Таймыр» и «Вайгач» в 1913 году острова Малый Таймыр и Старокадомского. В 1930 году в Карском море с ледокольного парохода «Георгий Седов» были открыты острова Шмидта, Визе, архипелаг Седова, а в 1935 году экспедицией на ледокольном пароходе «Малыгин» — острова Сергея Кирова.

И все же географические микрооткрытия, существенно уточняющие детали топографической ситуации, делаются в Арктике и сегодня. Так, например, совсем недавно, 27 августа 1968 года, в архипелаге Норденшельда, в районе полуострова Заблуждения (островов Петерсена) у мыса Окончания, капитан дизель-электрохода «Наварин» В. Н. Маков открыл островок. Он получил название по имени судна — Наварин. В 1970 году в этом же районе геодезист С. С. Зверолов обнаружил еще один островок, названный Звероловом.

Почему же эти микроострова не были увидены ранее? В одних случаях это связано с динамикой изменения береговой черты, а в других с погодными условиями в Арктике. Островки в тот или иной момент были покрыты торосистым льдом и их просто не заметили.

К числу значительных географических открытий последнего времени следует отнести обнаруженный в Полярном бассейне большой подводный горный район, получивший название хребта Ломоносова.

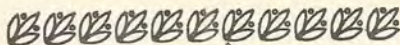
В Арктике возможны не только географические открытия, но и ощутимые географические «пропажи».

На навигационных картах моря Лаптевых в течение многих десятилетий значились острова Семеновский и Васильевский. На одном из них — Семеновском — еще в пятидесятые годы нашего столетия зажигался в навигацию огонь для ориентирования судов. К настоящему времени острова Семеновский и Васильевский, состоявшие главным образом из прессованного льда с вкраплениями глин, песков и илов, совершенно исчезли, а вместо них осталось обширное мелководье, которое довольно интенсивно размывается морем. Такая же судьба, но значительно раньше постигла и остров Диомида в проливе Дмитрия Лаптева.

В ТЕ СЕМНАДЦАТЬ ЛЕТ...

**Владимир
ШУСТОВ**

Свою юность Владимир Николаевич Шустов встретил на фронте в огне Великой Отечественной войны. И тема солдатского подвига осталась одной из ведущих в его творчестве. Немало сил и способностей отдал Владимир Николаевич, отмечаящий ныне свое пятидесятилетие, нашему журналу.



Учителю

*П. В. Даурину,
классному
руководителю*

— Пал Василич, здрасьте!
У меня за «четверть» пробел.
Я — пятно на девятом классе —
Все контрольные «проболел».
Было так, Пал Василич,
Мама...

Врач сказала...
И я умолк:

В глазах, за очками, светился
С лукавинкой огонек,
Да морщин полукружья
Скобками сжали рот...
И вот я — обезоружен:
Ни взад, так сказать, ни вперед.
Пал Василич заранее
Предвидел наш разговор.
И его до сих пор в сознание
Я храню как урок,

как укор
Трусости, что не случайно
Сравнил с озимыми он:
Нынче сеешь, а урожай свой
Пожнешь с лихвой, но потом.
Верно, детство — не осень,
но все же
Оно представляется мне
С озимыми чем-то схожим,
Мужающими по весне...
Наши радости и невзгоды —
То, чем все мы позже живем, —
Это школы озимые всходы,
Урожай их мы жнем и жнем...
Пал Василич на подсвете,
Свой озимый во мне щадя,
За проступки мои ответил —
И вызвал «огонь на себя».
Год спустя я познал заочно
Всю цену его доброте,



Когда сам на себя вызвал точный
Огонь своих батарей...
С той поры, если очень хлестко
Жизнь сечет меня,

бьет гроза,
Вижу я лукавые блески
За очками в знакомых глазах,
И морщины его,
и седины,
И...

Становится душно мне!
— Пал Василич!

Всегда Мужчиной
Вел себя я на той войне.
Я и нынче чуть-чуть дикий,
Но дорогой вашей иду...
И в молчанье кладу гвоздики я
На гранитную горе-плиту.

Солдат

У солдата не стальные нервы.
Воля есть, но слезы тоже есть.
Вспомни лето, хмурый Сорок Первый,
Вой сирен, штыков багряный блеск.

Чадный, непривычный дым пожара
Свет и тьму в одно перемешал...
Он не прятал от друзей, товарищ,
Слез, когда к востоку отступал.

Под лавиной танковых ударов
Мог и сам себе пальнуть в висок.
Трудно нес молчанье комиссаров
И шептал с надеждой: «Будет срок...»

А в минуту горьких поражений —
И не богатырь — он на плечах
Вывесил из охватов, окружений —
Волю, стойкость, силу, но не страх.

Карабин. Патронов два десятка.
Корка хлеба и мешок тоски...
Сорок Первый! Он прошел несладко,
Он осыпал инеем виски.

Он его в семнадцать лет заставил
Пережить за сотни лет вперед.
Испытал его он и прославил,
Сорок Первый, самый грозный год!



Черный соболь

Повесть

Евгений
БОГДАНОВ

Рисунки
С. Киприна

Гурий сидел в полной темноте, даже рук своих не видел, когда подносил их к лицу. Ель и снег, лежавший у ее подножия, защищали от ветра. Пыжьян, свернувшись, прижался своим боком к хозяину. Их обоих стало заносить снегом. Сначала было тепло, но потом холод сквозь полушубок стал пробираться к телу. И ноги начали язвнуть.

Ель раскачивалась и поскрипывала. Ветер гудел по лесу, снег валял валом.

Гурий закрыл глаза, крепко завязав наушки триуха. Ему почудилась запутанная лыжня, бегущий соболь с вытянутым хвостом, передвигающийся крупными прыжками. Потом — белка на дереве. Дерево почему-то было голубым, а белка огненно-красной. Под деревом, кружа и задрав морду кверху, лаял Пыжьян...

Гурий вздрогнул и открыл глаза: мрак. Пыжьян не лаял, лежал рядом, чутко прислушиваясь к вою пурги.

«Задремал, — подумал Гурий. — А спать нельзя — пропаду... Нельзя спать. Надо держаться!»

Сколько времени прошло с начала пурги? Может, сейчас ночь, а может, утро... Кругом темнота.

Гурий похлопал рукавицами, пошевелил ногами. Пыжьян заворочался, сел и опять лег. Собаке что! Свернется в клубок, может под снегом спать сколько угодно.

Почувствовав голод, Гурий развязал мешок, нащупал сухари, мясо. За мерзлый хвост вытащил вяленую рыбину, сунул Пыжьяну. Тот жадно принялся есть. Гурий подкрепился, положил мешок себе в колени.

Снова стала одолевать дрема. Усилиями воли он гнал ее прочь, то закрывал глаза, то, спохватившись, открывал их, глядя во тьму и ничего не видя.

Вроде бы выюга поутихла? Кажется, стало светлее? Может, уже утро?

Но нет, это только кажется.

Как было бы хорошо сидеть сейчас в избушке! В печке пылают дрова, сухо и тепло. Герасим рассказывает свои бывальщины...

Гурий с тоской думал об отце. Сидит, верно, в избе и печалится. И весточки ему не подашь. Да и в какой стороне зимовье — неизвестно.

Пыжьян тихонько заскулил. Но тотчас, словно спохва-

тившись, умолк и виновато ткнулся мордой в бок Гурия. И псу тоскливо.

А спать так хочется! Пурга убаюкивает. Шумит однотонно, скучно. Слышно, как поскрипывают раскачиваемые ветром деревья...

Пурга пробушевала всю эту и следующую ночь и улеглась только с рассветом на второй день. Тосана откинул полог чума и вышел на улицу. Небо было чистым, только вдали, у горизонта, дотавили остатки снеговых туч. Серый без солнца день надвигался неторопливо и однообразно. На чум со стороны ветра навалило целый сугроб снега, шкуры провисли. Тосана стал сгребать снег. Потом он закинул за спину мешок, взял древнюю фузею, стал на лыжи и позвал Нука.

Еване выглянула из чума. Лицо темное от копоти очага, глаза светятся любопытством:

— Ты в лес пошел? Возьми меня!

— Снег рыхлый пока, тяжело. Сиди в чуме. Завтра пойдешь.

— А тебе не тяжело по рыхлому снегу?

— Я привык. Смотри за оленями, чтобы не разбегались.

— Ладно, буду следить, — отозвалась Еване и, проводив Тосану взглядом, скрылась в чуме.

Тосана шел и думал о том, что во время пурги звери наголодались в своих норах и теперь будут рыскать по лесу в поисках пищи. А ловушки замело снегом, их не видно... Надо расчистить снег. Он углубился в лес и по меткам на деревьях стал разыскивать свои ловушки. Они были пусты. Тосана хмурился, что-то бормотал и недовольно кряхтел, склоняясь над ними. В одной кулемке он увидел куницу, понавшую, как видно, еще до пурги. Зверь был прижат давком, заметен снегом. Тосана отряхнул куницу и спрятал в мешок. Потом поставил насторожку, положил в кулемку кусок мяса.

«Начало есть», — подумал Тосана.

Нук, увязая по брюхо, шел за ним по лыжне. Но вот пес остановился, насторожив уши. Из леса донесся собачий лай — тоскливый, призывный. Услышал его и Тосана. Он удивленно покачал головой: «Так собаки лают, чужа беду», — и повернул в сторону, откуда слышался голос собаки...

Окончание. Начало см. в № 5.

Когда Тосана подошел к Гурию, тот беспомощно ворочался в снегу, пытаясь подняться на четвереньки. Лицо парня осунулось, на щеках проступила желтизна. Ноги Гурий подморозил, и они отказали ему, едва он сделал несколько шагов от ели, под которой переживал пургу.

Тосана склонился над Гурием. Тот терял сознание. Пыжьян, замолкнув, настойчиво следил за человеком, который тормозил его хозяина.

— Эй, парень! Откуда тут взялся? Отчего встать не можешь? А ну-ка...

Тосана осторожно потер лицо Гурия меховой рукавицей. Тот открыл глаза и непонимающе посмотрел на склонившегося над ним человека.

— Вставай-вставай! — Тосана пытался помочь парню, но, видя, что это бесполезно, потащил Гурия под ближайшую ель. Принес сухих сучьев и разжег костер. Пока огонь разгорался, Тосана нарубил веток и устроил из них удобное ложе. Гурий снова потерял сознание.

— Вот беда! Шибко обмерз парень. Чум далеко. Совсем пропадает русский... Однако надо тащить его в чум...

Гурий очнулся. Живительное тепло вернуло ему память. Он стащил рукавицы и протянул руки к огню.

— Не близко! — предостерег Тосана. — Руки морозил — нельзя сразу к огню. Откуда ты?

— Пошел посмотреть ловушки... Пурга началась... Сидел долго, а теперь идти не могу. Ноги не слушаются, — тихо рассказывал Гурий. — Как попасть в зимовье? Оно там! — он показал рукой. — У самой реки.

— Река там! — ненец махнул в противоположную сторону. — Совсем ты заплутал. Снимем тобоки, ноги посмотрим...

Гурий морщился и охал, пока ненец осторожно стягивал с него пимы.

— Шибко плохо, — покачал головой Тосана. — Долго, видать, сидел. Тобоки насквозь промерзли. Мои подойдут?

Теплые тобоки Тосаны пришлись Гурию впору. Ненец прогрел у огня его пимы и сам обулся.

— Так-то лучше, — сказал он. — В чум повезу. Жена вылечит тебя. Она знает как...

— Домой бы надо. Отец беспокоится...

— Где дом искать? Я не знаю, ты не знаешь. Потом найдем. Поправись — и найдем...

Тосана вынул из своего мешка сыромятный ремешок и, продев его в дырочки в носках лыж Гурия, связал их. Кинул на лыжи несколько еловых лап:

— Ложись!

Стал на свои лыжи и потянул за собою Гурия.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Тосана притащил Гурия к чуму и крикнул:

— Еване!

Полог откинулся, выбежала Еване. Увидев лежащего человека, всплеснула руками и стала помогать дяде.

Вскоре Гурий сидел на оленьей шкуре у ярко пылающего очага, а Санэ растирала ему ноги белесоватой без запаха мазью, напоминающей застывший гусиный жир. При этом она приговаривала:

— Скоро пройдет. Не горюй. Плясать будешь.

Говорила Санэ на родном языке, и Гурий не понимал ее. Он видел, как старается хозяйка, видимо, от души желая, чтобы он скорее поправился. Невысокая, с худым сморщенным лицом, но черными, как у молодой, волосами, заплетенными в жидкую косицу, женщина быстро и мягко втирала мазь. Затем надела на Гурия меховые чулки и поставила перед ним чашку с мазью.

— Теперь мажь руки и лицо. Вот так, — она показала, как это следует делать.

Гурий принялся натирать лицо и руки. Он чувствовал себя плохо. Все тело ломило. И хотя в чуме было тепло, озноб не проходил, и он не мог согреться.

Молодая девушка — черноглазая, с тонкими бровями —

что-то варила в небольшом медном котле, подвешенном над очагом, перебрасываясь короткими фразами со старшей. «Видно, дочь», — решил Гурий.

Пожилая ненка что-то сказала скороговоркой. Девушка сняла с огня котел, налила в чашку горячей жидкости и, не вставая с колен, протянула ее Гурию:

— Пей. Это кедровый сланник с шиповником. От простуды помогает, — сказала она по-ненецки.

Гурий, ничего не поняв, взял чашку, поблагодарил и стал понемногу пить. Жидкость была терпкая, горьковатая и припахивала травами. Встретился взглядом с девушкой.

— Красивая, — сказал Гурий вслух. — Баскья!

— Паская? Нет, я Еване, значит — Ласковая, — сказала девушка по-русски и села, поджав под себя ноги, на широкие доски, заменяющие пол.

Вошел хозяин, внес охапку дров, положил у очага. Снял с головы капюшон малицы, взял дорожный мешок, скосил глаза на Гурия:

— Ну как? Оттаял, парень?

— Немного оттаял, — Гурий слабо улыбнулся в ответ.

— Пей отвар. Больше оттаешь, — деловито сказал ненец и вытащил из мешка кунницу. Встряхнул ее, передал старой женщине, что-то сказав. Старшая взяла тушку зверя и вскоре, подвесив ее на железном крюке близ входа в чум, стала снимать шкуру, ловко действуя острым ножом.

За несколько минут она управилась с кунницей, и Гурий удивился ее ловкости. Он не знал, что снимать шкурки, выделывать их, шить из мехов одежду и обувь, собирать и устанавливать чум, все это — обязанность ненецкой женщины. Мужчины занимались только оленями, охотой и рыбной ловлей.

Натянув шкуру на правило, Санэ поставила перед очагом небольшой низенький стол и собрала на нем еду. Гурий, немного согрешившись от горячего питья, полулежа на оленьей шкуре, молча наблюдал за хозяйками. Все было для него в диковинку. Они строгажи мороженое мясо, заваривали в чайнике сушеный смородиновый лист, выкладывали из котла вареную оленью грудинку, исходящую паром, на широкое деревянное блюдо, напоминающее поднос.

— Однако, можешь к столу? — спросил хозяин.

— Могу, — Гурий придвинулся.

Хозяин положил перед ним нарезанное тонкими полосками сырое мороженое мясо.

— Ешь. Это дает силу. Больше ешь.

Только сейчас Гурий почувствовал, что очень голоден... Потом, сморенный сытостью, он отполз на шкуры и сразу уснул. Еване накинута на него меховое одеяло.

Гурий спал сном праведника почти сутки. Проснувшись, он не сразу вспомнил, где находится и что с ним произошло. Увидев сидевшую перед очагом Еване с шитьем в руках, он все вспомнил и сел. Ноги вроде бы отошли. Он встал и, прихрамывая, подошел к очагу. Девушка тоже поднялась, отвела рукой волосы со лба и несмело улыбнулась. Гурий ответил улыбкой:

— Здравствуй, Ласковая!

Девушка кивнула:

— Поправился? Совсем?

— Совсем хорошо, — Гурий притопнул ногой и охнул. Боль прошла ногу. Однако передвигаться он уже мог. Жестами попросил свою одежду. Девушка встревоженно метнулась к выходу из чума, приподняла шкуру и позвала дядю.

Вошел Тосана. Пимы его были в снегу.

— Оттаял, парень? — спросил он. — Ладно. Только выходить тебе рано.

— Отец... — пробормотал Гурий. — Отец меня ведь ищет!

— Пусть ищет. Пусть знает, что нельзя одного отпустить далеко в тайгу.

Подумал, смягчился:

— Одейся теплее.

Еване подала Гурию его одежду, просушенную у очага. Он оделся и выбрался из чума.

С громким лаем к нему кинулся Пыжьян. Радости пса не было предела. Но вдруг он насторожился, посмотрел в

сторону леса и побежал к кустам. Вскоре опять донесся его радостный, залихватский лай. Нук сидел возле входа в чум и вид у него был равнодушный. Казалось, он не умел удивляться и радоваться.

Из леса вышли двое на лыжах. Радостно помахивая хвостом, Пыжкян бежал впереди них.

Гурий не сразу узнал отца. Аверьян похудел, скулы заострились. Еще издали, увидев сына, он крикнул:

— Гурий!

Гурий, прихрамывая, заторопился навстречу. Отец крепко обнял сына и поцеловал, елозя по его лицу жесткой вынудевшей бородой.

— Слава богу! Слава богу, — повторял он. — Живо! А мы с ног сблизись.

С Аверьяном пришел Герасим. Никифор остался караулить зимовье.

— Весь лес облазили, — рассказывал отец. — Думали пропал. Совсем пропал! Ни следов, ни меток на деревьях... В одном месте видим — кострище под елью. И след от него широкий, будто волокли кого. Ну, думаем, может, охотники Гурия подобрали. Пошли по следу, и вот — сыскался!..

У входа в чум стояли Тосана, Санэ, Еване и молча смотрели на эту встречу.

Гурий сказал:

— Он меня спас. Зовут — Тосана...

Отец подошел к чуму, снял лыжи и протянул руку венцу:

— Спасибо, добрый человек! Вовек не забуду твоей услуги, — сказал он взволнованно.

— В тайге надо помогать друг другу. Такой закон, — сказал Тосана. — Благодарить не за что. Пойдемте в чум. Отдохнете, поедите. Угощать буду, — и пропустил гостей вперед.

Спустя некоторое время Тосана приготовил две оленьи упряжки. На первые нарты с ним сел Гурий, на вторые — Аверьян и Герасим.

К нартам подошла Еване. На ней — паница¹ с белым песцовым воротником. На голове — пыжиковая шапка с длинными, до пояса наушниками. На ногах — оленьи пимы с полосками из цветных суконных лоскутков в нижней части голяшек. Еване сказала:

— Лакамбой, луца янээм... Харвабта тамна туртнакен? Валакада ниня ханюйнгэ! Сит нгагенггум' мядиманзь².

Гурий не понял слов, но переспрашивать не стал, смутился. Тосана хитровато блеснул глазами, гикнул на оленьей. Те сорвались с места и понеслись. За ними побежала вторая упряжка.

«Могла бы и по-нашему сказать, — размышляла Гурий. — А то пойми: обругала или приветила... Но вроде бы сердиться ей не на что...»

На полпути Гурий вспомнил, что оставил в чуме мешок и подумал: «Бог с ним, с мешком. Видно, бывать там».

Черный Соболь спасся от преследования благодаря тому, что собака и охотник еще были не очень опытны. Продравшись сквозь кусты, он круто повернул влево, за высокой густой ольшаник, и сделал несколько больших прыжков в сторону, в лес. Там он прибежал к своей норе под осиновой колодой. Нырнув в лаз, на брюхе пополз по ходу в гнездо, развернулся там мордочкой к выходу.

Теперь он чувствовал себя в безопасности. В норе было тихо, темно и сухо. Соболь стал вылизывать шерсть.

В убежище он пролежал долго. Слышно было, как зашумел ветер и пошел густой снег. По плохой погоде и охота плохая. Сунув нос в мягкий пушистый мех, Черный Соболь уснул, а когда проснулся и выглянул из своего убежища,



то увидел, что пурга прошла и в лесу стало тихо. Он вылез из-под снега, пересек небольшую полянку, заметил свежий заячий след, затаился под кустом и стал ждать. Заяц пошел кормиться в мелкий осинник, что был поблизости. Он непременно вернется. Черный Соболь, шевеля ушами, смотрел на заячью стезжку.

Послышался шорох, ветка куста чуть дрогнула. Черный Соболь увидел зайца, подобрал под себя большие и сильные задние лапы, передними уперся в снег и вытянул морду. Заяц шел спокойно, небольшими прыжками, не подозревая об опасности. Соболь вымахнул из кустов, сбил беляка грудью и впился зубами в шею около затылка. Заяц отчаянно закричал, но тотчас умолк. Смерть наступила сразу. Черный Соболь, пятясь, оттащил зайца под куст и стал есть.

Насытившись, он взял остатки тушки зайца в зубы и, отнеся подальше, зарыл в снег.

Потом Черный Соболь пошел к своему дуплу и спрятался в нем. Он был сыт, и ему хотелось спать.

На зайцев соболь нападал редко. Они были всегда настороже и умели ускользать от врагов. На этот раз Черному Соболу повезло: во время пурги заяц очень проголодался и, выйдя на кормежку, забыл об осторожности. За это и поплатился жизнью.

Стоит, словно в сказке, избушка на опушке леса. На крыше — сугробы снега, оконце маленькое-маленькое. А листьяницы над ней большие, высокие, разлапистые. Вдали горят неярким заревом отраженные в облаках солнечные лучи. А само солнце вот уже который месяц старается выйти из-за леса, но не может. Полярная ночь крепко привязала его к себе и не отпускает.

В избушке настало время «баюнка».

Там было тихо и темно. Погасив светильник, холмогорцы забрался на нарты. Сквозь рыбий пузырь, которым затянута оконце, едва пробивался голубоватый лунный свет.

— Спите ли, братцы? — спросил Герасим, и, как всегда, «братцы» отозвались:

— Не спим, не спим. Сказывай!

— В одной деревне жил мужик, — начал Герасим. — Жена у него была здоро-о-овая, а сам тоненький. Жена его завсегда колотила. Однажды он просидел у соседа, а когда

¹ Паница — верхняя одежда из меха.

² Прощай, русский парень... Может, придешь еще? Только необмороженным! Я буду ждать тебя в гости.

вернулся, она взяла полено и давай колотить. Он вырвался и кругом дома побежал. Она за ним. Он — раз под бревно. Женка пробежала, не увидела. Он слышит — еще кто-то рядом лежит. Пощупал — человек.

— Кто? — спрашивает.

— Я.

— А ты кто?

— Я.

— Да кто же ты?

— Черт.

— Я от женки.

— Да и я от женки.

— Што делать будем?

— Вот мне, — говорит черт, — женка рог сломала, я домой не пойду.

— Пойдем вместе куда-нибудь.

Ходят день, второй, третий, неделю. Хлеба не достали, не работают и не воруют. Голодом плохо жить. Черт и говорит:

— Ты заделайся лекарем, а я буду ходить к богатым боярам. В утробу заберусь и буду мучить. Они не умрут, болеть будут. А ты лечи. Пошепчи чего-нибудь для виду, я и вылезу.

И вот они денег насобирали много...

Пыжьяна на ночь впустили в избу: на улице лютая стужа. Лежал пес под лавкой и будто тоже слушал сказку, подремывая, но вдруг вскочил, кинулся к двери, оглушительно залаял. Мужики зашевелились, слезли с нар. Никифор отворил дверь. Пыжьян выскочил на улицу и там залился лаем.

— Кого нелегкая принесла? — Аверьян выбежал с топором, Герасим с фузеей. Никифор схватил стоявшую у дверей увесистую дубинку. Гурий взял отцовское ружье, насыпал пороху, опустил пулю, забил пыж, а когда вышел наружу, там была полная суматоха.

Никифор неподалеку от амбара колошматил кого-то, подмяв его под себя. Огромные кулачищи так и ходили. Отец с топором бегал вокруг амбара, дверь которого была настежь распахнута, и к порогу приставлена сучковатая лесина, по которой, видимо, и забрались воры в амбар. Ге-

расим кинулся по тропе к реке, преследуя двух чужаков. Видя, что ему их не догнать, он стал на колени, приложился, выстрелил. Гурий присоединился к нему, пальнул по маячившим впереди двум темным фигурам. Но оба впопыхах промазали. Пыжьян, который вертелся около Герасима, осмелел, и после выстрелов пустился с лаем вдогонку бегущим.

Снова зарядили фузеи, Гурий сбегал за лыжами. Оба помчались вслед за лихими людьми, но догнать не смогли. На льду чужаков поджидали сани с лошастью. Когда холмогорцы выбежали на дорогу, сани уже были далеко.

Герасим и Гурий вернулись к зимовью. Никифор, успев связать руки вору, вел его к избе. Чужак был избит, на скуле темнел синяк, из носа бежала кровь. Его шапка валялась на снегу.

Отец, приставив лестницу, осматривал амбар. Провиант — вялая рыба, мороженое лосиное мясо, битая птица — был нетронут. Но все перерыто, все не на месте. Воры, видимо, искали шкурки.

Однако меха поморы выделывали и хранили в избе, в мешках под нарами, а «сырые», невыделанные шкурки — в подполье.

Засветили огонь. Отец велел Гурию затопить камелек — в суматохе-то избу выстудили. Гурий щепал лучину и поглядывал на вора, которому Аверьян учинял «розыск».

Мужик среднего роста, непримечательный с виду, с хальными навывкате глазами, стоял посреди избы. Связанные руки — за спиной. Никифор, прислонясь к косяку, сторожил у входа. Герасим хорошенько присмотрелся к незваному гостю и сказал:

— Сдается мне, что этого человека мы видели. Не он ли рыбой нас угощал на берегу, когда пришли?.. И нам с Гуркой собаку продавал. Большую, с телка!

Бармин поднес плوشку к лицу мужика и удивленно протянул:

— Стреле-е-е-ц? Вот те и на-а-а...

Это был Лаврушка. Изгнанный со стрелецкой службы, он с двумя отпетыми головами, друзьями-приятелями, эту зиму решил промышлять не кулемками, а раз-



Наведывался в зимовья и станы, расположенные по берегам Таза, и, высмотрев, где можно пожить, внезапно нападал на охотников, забирая у них меха. До сих пор сходили воровские дела, но на этот раз попался в крепкие руки. Поморы — не остяки и ненцы, которые были запуганы и не всегда умели постоять за себя.

Просчитался Лаврушка. Сам полез в амбар, оставив товарищей на улице. Те скрылись, а он, спрыгнув, увяз в снегу. Тут и схватил его Никифор.

Лаврушка молчал. Аверьян прикрикнул:

— Разбоем решил промышлять? С кистенем? А еще стрелец, на государевой службе!

Лаврушка глянул зло, щека дернулась:

— Хошь бы за прошлую-то уху руки мне развязал да ноги позволил. Ноги не держат. Этот ваш облом меня не помял. Не кулаки — гири! — Лаврушка кивнул на Никифора.

— Ладно, развяжем. Все одно не уйдешь. Снег глубокий, догоним. И лошади нет. Твои дружки тебя бросили. Хошь ишь хошь? Некогда было пожрать-то на деле... Гурий, дай ему поесть. Он нас как-никак ухой кормил.

Гурий положил на стол вареное мясо и пресную лепешку, поставил кружку с водой и соль.

— Так и быть отведаю ваших харчей, — невозмутимо сказал Лаврушка и стал неторопливо жевать, будто делал домашнее.

Аверьян меж тем спрашивал:

— Знал ведь, что мы тут зимуем?

— Знал.

— И все-таки пришел в воровской час!

Лаврушка пожал плечами.

— А я давно тя раскусил. Когда ты с берега ушел, а дожились в коче спать, я думал: жулик мангазейский. По глазам ты узнал, мазурик! Да ты ешь, ешь, волкам не гляди. Меха у нас думал пожить?

— Меха, — откровенно признался Лаврушка. — Чем боле? За деньгами в избу к вам не сунешься — вас четверо медвежатников. А амбар оказался пустой. Жаль...

— Ну, боле нам говорить не о чем. Хотя и далеко до Мангазеи, да поведем ты к воеводе.

— Не поведете, — Лаврушка отодвинул от себя пустое блюдо. — Ленъ будет. Сорок верст на лыжах — не шутка. Да еще по дороге я и убечь могу.

— Верно, далековато, — обронил Аверьян.

— Чего вести, — подал голос Никифор. — Расколоть ему башку — да в прорубь. Пешней недолго лед пробить...

— Не-е, лучше повесить. На осине. Есть тут неподалеку осина. Я приметил, — сказал Герасим.

— И в прорубь не спустите, и на осине не повесите. Прорубь делать — лед толстый. А на осину — как залезешь? — рассуждал Лаврушка. — И еще скажу: сердца у вас добрые, хоть на вид вы разбойники почище меня. Казнить не будете.

— Ишь, догадлив вор, — с упреком сказал Аверьян. — Ладно, обратайте его по рукам-ногам — и под лавку до утра.

Мужики связали Лаврушку, бросив на пол лосиную шкуру, и положили на нее бывшего стрельца. Сами, выставив караульного на случай, если дружки Лаврушки вернуться, легли досыпать.

Сказку Герасим так и не кончил рассказывать — не было охоты.

Утром неожиданно к зимовью подкатила упряжка Тосаны. Еще холмогорцы не успели протереть глаза, еще Лаврушка, опутанный веревкой, ворочался и постанывал во сне, а гость уж на пороге.

— Дорво! — сказал он, войдя в избу. — Как мороженый парень? Проведать приехал. И мешок твой привез, — Тосана подал Гурию забытый в чуме мешок.

— Спасибо, — сказал Гурий.

— Руки-ноги ходят? Не болят? — осведомился Тосана.

— Все прошло.

— Проходи, садись. Будешь гостем! — пригласил Аверьян. — Сейчас поесть соберем. Для тебя чарку водки найду.

— Поесть можно. Огненной воды не надо. Подводит шибко. Один стрелец летом угощал — до сих пор голова болит. А это кто?



Тосана заметил на полу связанного. Лаврушка проснулся, но не подавал голоса, видимо, не хотел, чтобы Тосана его узнал. Руки и ноги от веревок затекли, Лаврушка морщился и потихоньку вздыхал.

— Это тоже гость, — ответила Аверьян.

— Гостей связывать — русский обычай? — спросил Тосана.

— Нет, гости разные бывают. Этот провинился перед нами.

Аверьян рассказал Тосане о ночном воровском нападении. Ненец слушал и удивлялся:

— Ай-й-й! Русский русского грабит! Неладно. Дай глянуть на него, может, знаю? — Тосана склонился над связанным и удивился еще больше: — Лаврушка? Ты ведь купец. Мне кое-что продавал. Неужто грабить умеешь?

— Дело нехитрое, — усмехнулся Аверьян. — Я вижу вы с ним друзья?

— Пошто друзья? Не-е-ет, — протянул Тосана. — Он мне товар продавал, я ему продавал. Мы не друзья. Однако по делу виделись.

— Ну, ладно. Ты в Мангазее бываешь, не диво, что встречались, — успокоил Аверьян Тосану, который явно забоялся, что поморы примут его за Лаврушкина приятеля. — Садись, поешь с дороги.

Тосана сел за стол, а сам все косил глазом на пол. Наконец не выдержал:

— Покормите его. Развяжите, не убежит.

— Так и быть. Для тебя только развяжу, — сказал Аверьян. — Уважаю Тосану. А этого лиходея хотели в прорубь.

— В прорубь? Ай-й-й! Зачем так? Пусть живет. Вода холодная... Вы его, вижу, маленько били. Ученый теперь будет.

— Ладно. Отправим его к воеводе. Пусть судит. Только вот как отправишь? Пешком — далеко. Не стоит того, чтобы идти ради него пешком. Может, ты, Тосана, отвезешь его в Мангазею?

Тосана замахал руками:

— Нет, нет! Боюсь. Он меня зарежет, олешков уведет. Не могу я с ним ехать.

— Ну тогда побудь у нас и дай олешков. Никифор сгоняет быстро. Он с упряжкой умеет обращаться.

Тосана вышел из-за стола, забежал по избе. Лаврушка сидел в углу на лавке и молчал, исподлобья поглядывая на всех. Наконец Тосана сказал:

— Не могу олешков дать. Не могу Лаврушку выдать воеводе. Ох, не могу! — а сам стал спиной к Аверьяну, заложив руки назад, и помахал кистями, скрестив запястья. Аверьян понял, чего хочет ненец. А тот, опустив руки, снова бегал по избе: — И воеводы боюсь. Он меня быстро выпорол. До сих пор спина больно...

Аверьян вдруг сказал отрывисто:

— Герасим, дай конец.

Недоумевая, Герасим подал ему веревку. Аверьян продолжал:

— Держите Тосану! Оленей не дает — сами возьмем. Руки ему вяжите, да быстро! Дай-ка я...

Тосана рванулся было к двери, но его удержали. Аверьян для вида — не крепко — связал ему руки и посадил на лавку. Забормотал Тосана, словно рассердился:

— Зачем руки вязал? Это русский обычай — дорогому гостю руки вязать? Олешки мои, я им хозяин...

Его, однако, никто не слушал, кроме Гурия. Гурий недоумевал, зачем отец связал Тосане руки, но молчал, боясь что-либо возразить. Холмогорцы одели Лаврушку и повели к упряжке. Никифор прихватил крепко-накрепко к нартам Лаврушкины ноги, руки веревкой стянул, сел в передок с левой стороны нарт и взял вожжу:

— Я скоро обернусь. Дайте дубинку. Там, у порога стоит.

— Возьми фузею, — сказал Аверьян.

— Не надобна. Дубинка лучше.

— А вдруг его дружков встретишь? У них, поди, ружья!

— Ну, тогда давай и пищаль.

Вскоре упряжка помчалась по Мангазейской дороге. Аверьян, вернувшись в избу, освободил руки Тосане.

— Я тебя верно понял? Ты не обиделся?

— Верно понял. Не хочу, чтобы Лаврушка мне враг был... Вы уйдете домой — я останусь.

Гурий хотел спросить о Еване, как она живет, здорова ли, чем занимается. Тосана словно догадался, о чем думает парень, похлопал его по плечу:

— Еване привет передавала.

— Спасибо, — отозвался Гурий. — Ей тоже передай привет. И вот подарок.

Он вынул из кармана стеклянные бусы, которые выпросил у отца еще в Мангазее, надеясь на них что-нибудь выменять в торговом ряду. Но не выменял, хранил, и теперь решил подарить девушке.

Тосана некоторое время сидел молча, перебирая бусы коричневыми сухощавыми пальцами, потом сказал:

— Еване — сирота. Мать-отец у нее утонули. Хорошая девушка. Мне племянница будет. Обижать ее нельзя...

— Разве я ее обидел? — удивился Гурий.

— Нет, ты хороший парень. Думаю, дальше будешь хороший, — сказал Тосана и, помолчав, переменял тему разговора. — Я твой лук видел. Не понравился мне. Принеси.

Гурий принес лук и стрелы. Тосана повертел лук в руках, потрогал тетиву, примерил стрелу и покачал головой:

— Шибко плохой лук. Из такого кошку бить только...

— А я белку стрелял, — сказал Гурий.

— Мимо?

— Бывало, что и мимо летела стрела, — признался Гурий.

— Давай смотри, как делать хороший лук, — Тосана, мешая родные слова с русскими, принялся объяснять молодому охотнику, как выбирать дерево для лука, как и из чего делать тетиву, выстругивать стрелы.

Олени неслись быстро, и за какой-нибудь час Никифор отмахал почти половину пути. Как заправский ясовей¹, он сидел на нартах с левой стороны, крепко держал вожжу от передового оленя-быка, а в другой руке — хорей, шест, которым подгоняют оленей. Лаврушка молча горбился в задке. Но чем ближе подъезжали к городу, тем он становился беспокойнее. Наконец подал голос:

— Што за корысть тебе везти меня к воеводе?

Никифор молчал.

— Награды не получишь. А мои дружки вам за меня отомстят!

На Никифора и это не подействовало.

— Пожгут зимовье. И коч ваш пожгут. Смолевый, хорошо гореть будет.

Холмогорец невозмутимо дергал вожжу и взмахивал хореем.

— Вы по весне уйдете, а я останусь. Мне тут жить. Женька у меня, хозяйство. Воевода плетью измочалит, в железа закует, в Тобольск отправит в воровской приказ. А за што? Вам-то ведь я зла не сделал! Довольно и того, што ты избил меня. За науку спасибо... — Лаврушка помолчал. — Пожалел бы.

Наконец Никифор отозвался:

— Отпусти тебя — завтра же со своей шайкой налептишь! Как воронье нападет! Знаем таких. Не-е-ет, воеводе сдать — надежнее. Будут пытать тя... Друзей своих выдашь...

— Так им и выдал! — зло огрызнулся Лаврушка. — Слушай, холмогорец, отпусти христа ради! Ко мне заедем — угощу на славу. С собой вина боценок дам.

— Мы в походе в чужедальних местах не пьем. Вино нам ни к чему.

— Ну, тогда денег. Сколь есть — все отдам!

— На што нам воровские деньги?

¹ Ясовей — проводник, управляющий упряжкой.

— Чего тогда тебе надобно? Экой ты непокладистый! Неужто вы все такие, двинские?

— Все такие. Отпусти тебя — как перед товарищами свет буду держать?

— Скажи — я упробил, — у Лаврушки появилась надежда. — Ни разу ваше зимовье не потревожу! Вот те арест, святая икона! Клянусь!

— Других будешь грабить. Не утерпишь.

— И других не буду! Стану охотой жить, по зимовьям тебе не пойду ночами...

— Днем будешь ходить?

— Тьфу! Неужто не веришь? Отпусти, в ноги поклонись!

Никифор остановил упряжку, обернулся к Лаврушке, посмотрел ему в глаза испытующе, поиграл желваками, вздохнул:

— Ладно. Жаль мне тебя. Иди с богом. Только помни: придешь к нам с воровством али с мстостью — не сносить головы. Двинской народ добрый до поры до времени. Разознаешь его — берегись. У тя изба тоже не каменная. Запластает — будь здоров!

— Спаси тя Христос! Век буду помнить, — лепетал Лаврушка.

Никифор, вынув нож, перерезал веревку у рук, а ту, которой были связаны ноги, хозяйственно смотал и спрягал.

— Иди, да помни!

— Помню, холмогорец! Век не забуду твою доброту, — в голосе Лаврушки неподдельная искренность. Он даже прослезился на радостях. — Прощевай.

— Прощай. Тут недалеко. Сам добежишь. А я — в обрат. Тосана оленей ждет.

Лаврушка долго махал Никифору вслед, а когда тот отъехал на порядочное расстояние, вспомнил о побоях, в сердцах сплюнул и погрозил в сторону упряжки кулаком...

Войдя в избу, Никифор хмуро снял шапку и хлопнул ее о пол:

— Судите меня, братцы. Отпустил я этого лиходея.

Аверьян напустился:

— Пожалел?

— Пожалел. Но не в жалости одной дело... — он обвел всех взглядом, ища сочувствия.

— Ну, говори, в чем еще дело?

— Мы тут одни в чужом месте. А ну, как дружки его будут мстить? Подождут и зимовье и коч — на чем домой уйдем? Разве будешь все время караулить? Да и напасть могут большой артелью — нам не осилить... Вот и отпустил. Он клялся-божился зла нам не чинить...

Аверьян подумал и смягчился:

— В этом, пожалуй, есть резон. Мы хоть и не робкого десятка, а все же... Места чуждальные, друзей у нас нету, а недругов полно. Может, так и лучше. Не кручинься, Никифор.

Тосана заявил о себе:

— Говоришь, друзей нет! А я кто вам? Разве не друг? Отпустил Лаврушку — не жалею. Я еще с ним поговорю. Меня он послушает. У нас с ним торговые дела. Ему без меня не обойтись.

— Ну, ладно. За дружбу твою, Тосана, спасибо, — Аверьян крепко пожал руку ненцу.

Потом Аверьян стал расспрашивать ненца, нельзя ли у местных охотников купить меха на деньги либо в обмен на товары. Тосана ответил:

— Ясак пока не собирали — нельзя... Но, если подумать, может, и можно. Давай я подумаю, через три дня тебе ответ дам. Кое-кого, может, увижу.

Когда Тосана собирался домой, Аверьян подарил ему три новеньких серебряных рубля. В благодарность за спасение сына.

Гурий снова подумал о Еване: стал бы на лыжи и помычался к ее чуму.

Сутки за сутками, недели за неделями прятала полярная ночь в свой волшебный сундук, окованный серебром чистого инея, быстро идущее время. И чем больше прятала, тем ближе становился ее конец: дни светлели. Там, за ле-

сами, за долами, за реками и озерами, солнце все ближе подвигалось к горизонту. В начале февраля оно, освободившись от ледяных пут, победно засверкает над лесом, сокращая путь к бессменному полярному дню, к белым ночам.

А пока еще лютуют морозы, и в ясную погоду в небе по-прежнему стоит, будто дежурный стрелец в дозоре, круглолицая, ясная луна.

Посреди чума на железном листе жарко горит очаг, подвешенный к шестам-перекладинам вляется над ним мясо. Час поздний. Старая Санэ завернулась в оленьи шкуры и уснула. Тосана бодрствует перед очагом, поглядывает на уголья, подернутые серым пеплом. Его рубаха из тонкой замши кажется красной, лицо — тоже. В руках у него острый нож и кусок дерева. Тосана мастерит себе новые ножи. Обычно ненцы оковывают их полосками из латуни и привязывают на цепочку моржовый зуб, украшение-амулет. У Тосаны до амулета еще дело не дошло. Он только обстругивает заготовку и старательно шлифует ее.

Еване при свете очага шьет себе саву — головной убор из меха. Сава почти готова. Спереди по краю она обшита пушистым собольком. Еване старательно привязывает на тонкие ремешки к той части савы, которая опустится на плечи и спину, металлические украшения — латунные кольца, медные пластинки овальной, ромбовидной, прямоугольной формы. Девушка шьет праздничный головной убор.

Гурий, полулежа на оленьей шкуре, молча наблюдает за ней.

Аверьян завернулся с головой в меховое одеяло и спит богатерским сном. Завтра они с Тосаной поедут в ненецкое стойбище в междуречье, в тундру, менять товары холмогорцев на меха. Тосана уже побывал у своих знакомых оленеводов и охотников, те пожелали видеть «русского купца из Холмогор» и, быть может, приобрести то, что им нужно и что найдется у Аверьяна.

Тосана старательно скоблит ножом свое изделие и мотает головой, словно отгоняя назойливых комаров:

— Однако поздно, а спать не хочу. Отчего? — он оборачивается к Еване.

Та пожимает плечами, чуть улыбаясь. Гурий смотрит на ее яркие губы, на ямочки возле них в уголках. На чистом лице девушки пляшут отблески пламени. Все это — и чум ненцев, и очаг, и тишина, и хозяйка в непривычных взгляду Гурия одеждах — кажется сказкой. Грудь парня согревает незнакомое, неведомое доселе чувство.

— Стар становлюсь, потому и не спится, — ответил Тосана на свой же вопрос...

Утром, едва рассвело, Аверьян с Тосаной умчались на оленях в тундру. День был ветреный, облачный, без снегопада. Ветер тянул по сугробам длинные хвосты поземки, мороз отпустил, и было не так холодно, как в предыдущие дни.

Аверьян велел сыну возвратиться в зимовье. Гурий, проводив отца, медленно счистил с лыж налипший снег, надел их, но уходить не спешил. Он все поглядывал на чум, ждал Евану.

Она, наконец, вышла и направилась к нему, неся лыжи. Еване знала немного по-русски.

— Ты уходишь, Гур? — спросила она, старательно выговаривая каждое слово.

— Отец велел возвращаться в зимовье.

— Я тебя буду про-во-жать...

Она надела лыжи и побежала вперед. Гурий пошел следом. Однако догнать девушку было не так-то просто — она бежала быстро, легко и бесшумно. Маленькие резвые ноги в мохнатых пимах так и мелькали. Гурий был тяжеловат, не так ловок, лыжи у него проваливались в снег, хотя и были широкими. Еване, забежав далеко вперед, крикнула:

— Луца ходит тихо, как брюхатая важенка!¹

Гурий, досадуя на себя за свою неловкость, пошел широкими сильными шагами и стал догонять девушку. А она опять начала ускользать от него и вдруг куда-то

¹ Луца — русский; важенка — олениха,



пропала... Часто дыша, Гурий остановился. Лыжня Еване вела в сторону от дороги, по которой на оленях ехали от зимовья. Гурий тоже повернул в сторону и опять пошел быстро, сколько хватало сил. Но лыжня тянулась, а девушки не было видно. «Что такое! Не могла же она в воду кануть!» — подумал он.

Лыжня снова вывела его на оленью тропу. Еване нигде не было видно...

Гурий остановился, озираясь по сторонам, но лес был пуст. Гурий закричал во всю мочь:

— Еване-е-е!

— Зачем так громко? Еване — вот, — услышал он голос позади. Обернулся — Еване чуть не наступила ему на пятки.

— Ты, как колдунья, куда-то пропадешь, — сказал Гурий. Она не совсем поняла, и он добавил: — Ты — шаман!

— Я шаман? — Еване расхохоталась. — Какой я шаман! Шаманы бывают старые, страшные...

Гурий приблизился к ней вплотную. Девушка перестала смеяться, посмотрела на него в упор. Но глаза ее в продолговатом разрезе век — черные, блестящие — продолжали искриться смешинками. На Еване сава — шапочка, которую она шила вечером. Круглое белое лицо, чистое, как свежий снег, обрамленное собольим мехом, было и впрямь привлекательным. Белый воротник, расшитая панида, красивые пимы — все сидело на ней ладно, ловко.

Еване сняла варежку и протянула ему руку:

— До-сви-данья!

Гурий развел руки, хотел обнять ее, но она, пригнувшись, ускользнула и побежала обратно к чуму. Остановилась, еще раз сказала:

— До-сви-данья! — и помахала рукой.

Вскоре она скрылась за поворотом. Гурий, постояв, нехотя пошел в другую сторону, к зимовью.

— Солнце, солнце! — закричал Герасим, открыв дверь избы. Все вскочили и выбежали на улицу. Герасим стоял повернувшись к востоку. Над голыми лиственнымицами, над колючими зубчатыми елями медленно восходил тускловатый, красный диск солнца, сказочно огромный, какой-то неземной. Холмогорцы за зиму так привыкли к полярной сумеречности, что, увидев даже такое тускловатое, не очень яркое солнце, шурились и отводили взгляды. Глаза, привыкшие высматривать в синеватой полутьме звериные следы и запорошенные снегом самодельные ловушки, заслезнились от света...

Все сразу преобразилось. Небо казалось более высоким, лес стал не таким уж непроходимым и высоким, как раньше, по снегу заструились багровые отблески и обозначились синие тени.

— Слава богу, весна близко! — сказал Аверьян.

Он был в одной полотняной рубахе, но не замечал холода. Никифор снял шапку, словно приветствуя день. Герасим обеими руками провел по лицу, обдеченно вздохнул, как после долгой и трудной работы. Гурий будто играл с солнцем в гадялки, смотрел, не мигая, на его золотисто-медный лик. Потом, не выдержав, закрывал глаза и улыбался, силясь ощутить тепло кожей лица.

Сезон добычи пушных зверей кончался. Соболя стали лиять: зимнюю одежду износили, а летнюю еще не приобрели. В марте соболиные пары, резвясь и играя, бежали по насту, радуясь окончанию полярной ночи, а вместе с ней и зимы.

Не без сожаления расставались холмогорцы с охотничьими тропами: рассчитывали на богатую добычу, на несметные пушные вороха, но каждая шкурка доставалась с большим трудом, и добыли их они не так уж много. На всех — восемьдесят шесть соболей, шестьдесят кунит, тридцать два белых песца, полсотни белок.

В стойбищах ненцев и хижинах остяков, куда возил Тосана Аверьяна покупать меха, приобрести удалось немного. До сбора ясака охотники боялись продавать шкурки, да и товары, которые им предлагал Аверьян, мало привлекали местных жителей. Если раньше высоко ценилась каждая побрякушка, металлическая поделка, лоскут цветного сукна, то теперь все это стоило дешево. У заезжих промышленников появился могущественный и богатый соперник в торговле — Мангазея с обилием самых разнообразных товаров, привозимых купцами с верховьев Оби, с Енисея, из Тобольска и Березова. В торговых рядах можно было купить даже китайский фаянсовый сосуд, перстень с агатом, сердошком, бирюзой или серебряную иномезную монету для ожерелья туземной модницы, не говоря уж о других ходовых товарах. Все это проникало в Златокипящую торговыми путями через множество рук, неведомо откуда и от кого.

В один из дней вынужденного безделья, перед самой распутицей, холмогорцы перетряхивали свою добычу. Жарко пылала печь. Настежь отворили дверь на улицу, в избы хлынул яркий свет. Соболи мех переливались золотом, искрились. Гурий осторожно потрогал пушистый ворс и разочарованно сказал:

— А черного соболя так и не поймали...

Герасим, складывая в мешок беличьих шкурки, заметил: — Спрятался от нас твой черный соболь. Видно, чуток что мы прихлеще люди.

Гурий вспомнил выюжную ночь, когда чуть не погиб в лесу.

— Сдается мне, что тогда перед пургой мы с Пыжьном шли по следу черного соболя. Я видел, он был темней, чем эти... Он и закружил меня в лесу. Не только я, Пыжьян дорожку потерял.

Пыжьян, услышав свое имя, перемахнул через порог, и, подойдя к столу, посмотрел на Гурня.

— Да, Пыжьян, потеряли мы с тобой дорогу!

Пес, став на задние лапы, передними оперся на край стола и гавкнул.

— Ишь, какой понятливый! — рассмеялся Герасим.

Все меха были в целости-сохранности. Холмогорцы старательно завязали мешки и спрятали их.

— Теперь посчитаем нашу мошну, — Аверьян поставил на стол небольшую окованную медью ларец. В нем лежали три холщовых мешочка с деньгами — Аверьяна, Никифора, Герасима. — Не прозевать бы пушной торг в Мангазее. Как лед тронется — сразу и пойдем. Тобольские кочи, верно, уж после нас придут.

— Думаешь, купцы опоздают? — спросил Никифор. — Да у них, поди, в Мангазее приказчики зимуют с деньгами. Все заберут на торге еще до прихода хозяев.

Никифор был близок к истине: тобольские купцы с осени оставляли в городе своих доверенных, которые выдавали промысловикам вперед деньги и продукты и заранее закупали еще не добытых соболей.

Наступил апрель. Снег стаял. В лесу стало по-весеннему сыро и неприятно, с веток, с еловых лап капала вода — ни пешком, ни на лыжах никуда не сунешься. Холмогорцы готовились в обратный путь.

Разобрали ограду, за которой хранился коч, впряглись в лямки и поволокли судно по талому снегу к берегу. Там на самом обрыве расчистили площадку, перевернули судно вверх днищем на плахи, развели костер, разогрели остатки смолы. Решили перед дальней дорогой еще раз осмолить днище. Герасим вытесывал из ели запасные весла, Никифор проверял и чинил парусное полотно. Гурий помогал отцу: когда смола застывала, снова разогревал ее в ведерке.

Ночью ударил заморозок и образовался крепкий наст. По нему прилетела к зимовью упряжка Тосаны. Позади него на нартах сидела Еване. Тосана, видимо, был в хорошем настроении.

— Как мороженный парень? Руки-ноги целы? — весело спросил он.

— Целы! — улыбнулся Гурий. — Пойдем в избу.

Тосана вошел, а Еване осталась возле нарт и с любопытством рассматривала зимовье — избушку, амбар на куриных ножках, баню под деревом. Гурий вышел из избы к ней. Еване спросила:

— Зачем вам столько чумов? — она показала на постройки. — Раз, два, три...

Похоже было, что она упорно училась русскому языку у дяди. Гурий стал объяснять:

— Это амбар. Тут мы храним провиант. Ну, еду. А это — баня. В ней мы моемся, — он показал, как моются. Еване кивнула.

— А мы моемся так, — она сломала наст, взяла в горсть снега и сделала вид, что трет им лицо. — У нас бани нет... — и расхохоталась, видимо, представив, как моются русские в бане.

— Пойдем, покажу тебе коч, — предложил Гурий.

По пути к реке он сказал Еване, что скоро пойдет домой, на Двину, что ему очень хотелось поймать здесь черного соболя, но не удалось.

— Черный Соболя? — спросила девушка. — Они попадают очень мало... совсем ничего... Я знаю место, где живет Черный Соболя. Его самого не видела, только шерсть на сучьях. Он оставил... Это не далеко отсюда... А это что? — спросила она, увидев судно. — Такая большая лодка? Ваша?

— Наша. Называется коч. Понимаешь? Коч!

— Понимаю. Коч...

Гурий стал объяснять устройство коча, рассказал про парус, весла, руль, говорил о том, что при сжатии льдов судно выходит на поверхность и потому не гибнет.

— Хороший коч, — заметила Еване.

Гурий умолк, тепло посмотрел на девушку. Она опустила взгляд, стоя в настроенной, выжидательной позе.



— Пойдем со мной в Холмогоры! — предложил он.

— В Хол-мо-го-ры? Это далеко?

— Далеко. Сюда мы шли все лето...

— Там большие деревянные чумы, да?

— Там много изб. Пойдем, а? Я возьму тебя в жены.

Ты согласишься? Ты мне сразу... поглянулась, еще зимой, когда я обморозился...

Еване вспыхнула, посмотрела на него и, вздохнув, покачала головой:

— И ты мне... поглянулся. Но... ехать не могу. У меня дядя Тосана, тетя Санэ. Как их оставляю? Я тут — дома. И ты оставайся...

Гурий долго молчал, смотрел на реку. Он много думал о том, что высказала сейчас Еване. Девушка была очень хороша собой, приветлива, и он ее по-настоящему полюбил. Но у него и раньше не было уверенности в том, что она может покинуть родные места и поехать с ним на Двину.

Он подумывал о том, чтобы ему остаться здесь, жить в семье Тосаны, научиться обращаться с оленями, привыкнуть к лесным тропам. Он стал бы хорошим звероловом. Ведь живут же некоторые русские промышленники в становищах, поженившись на ненках.

Наконец Гурий ответил:

— Я бы, наверное, остался. Но позволит ли отец?

Еване заговорила горячо по-своему, потом, спохватившись, стала подбирать русские слова:

— Твой отец? Ты попроси его. Хо-ро-шень-ко попроси!

От зимовья донеслось:

— Гу-у-урий!

Они вернулись к избе.

— Что же ты гостью куда-то увел? Зови за стол! — сказал Аверьян.

Еване вошла в избу только тогда, когда позвал ее сам Тосана. Поморы усадили девушку за стол и стали угощать ее.

Потом Гурий и Еване, воспользовавшись тем, что муж-

чины заняты разговорами, незаметно ушли на улицу. Еване взяла с нарт лыжи, надела их.

— Снег подмерз,— сказала она.— Надень свои лыжи. Пойдем туда, где живет Черный Соболь. Тут недалеко.

Ненцы на перекочевках привыкли к большому расстоянию, «недалеко» Еване оказалось далеким. Около часа они быстро шли на лыжах, изредка проваливаясь в снег, где наст был некрепкий. Но вот девушка замедлила ход, подала знак Гурию, чтобы шел тихо. Потом остановилась, отвела рукой ветку, подождав Гурия знаком.

— Вот его нора,— прошептала она.— Видишь? Лаз.

— Вижу,— шепотом ответил он.

Они стояли так близко, что Гурий ощущал дыхание девушки. Мех савы касался его щеки. Стояли долго, не сводя глаз с соболевой норы.

— Может, он не дома?— прошептала Еване.— Следов не видно. Не выходил давно...

Но вот из норы показалась темная мордочка зверя. Он повертел головой туда-сюда. Парень и девушка замерли. Рука Гурия стала тихонько поднимать лук. Но Еване остановила его.

Соболь вылез из норы и побежал по поляне. Темный на снегу, большой, с пушистым хвостом, он в несколько прыжков достиг кустарника и скрылся в нем.

— Вот ты и посмотрел Черного Соболя,— сказала Еване.— А стрелять не надо. Он шкурку меняет. Мех у него сейчас совсем худой.

Явившись Гурию на мгновение словно по волшебству, с тем, чтобы паренек полюбовался им, Черный Соболь исчез...

Тосана заезжал на зимовье попутно. Он выбирал место для чума на берегу Таза. В лесу теперь делать нечего — охота на зверя кончилась, и после ледохода ненец, как всегда, собирался заняться рыбной ловлей. Он посмотрел подходящее место верстах в трех от зимовья холмогорцев и уехал, увезя Еване. Гурий затосковал. Чистое темноглазое лицо Еване, ее нарядная паница и красивая шапочка, опущенная соболям мехом, все время стояли у него перед глазами.

Аверьян признание Гурия рассудил по-своему.

— Знаю, знаю. Сам молод был. Как увижу пригожую девку — душа огнем горит. Ночами не спится, днем не сидится. Все это очень даже бывает... Но вот что в толк возьми. Не нашей она крови, хоть собой и хороша. Жить ей в Холмогорах будет несвечно. Родных никого, затоскует. В избе будет душно. Пища наша не придется по вкусу. Кругом живут русские, перемолвиться по-ихнему не с кем. А разве можно родной язык забыть? И от великой тоски по дому зачахнет девка. Стало быть, твоя любовь погубит Еване.

Гурий, слушая отца, все больше клонил голову.

— Теперь прикинем, есть ли резон тебе оставаться тут,— продолжал Аверьян.— Мы уйдем — ты останешься. Будешь жить в ихнем чуме, вместе с ними кочевать — то в лес, то в тундру, то к реке. Сначала, конечно, все будет тебе в диковинку, все вновь. И любовь у вас... А потом, верь мне, заболеешь злой тоской по дому, по отцу-матери, братьям, друзьям-приятелям, по двинским волнам, по Студеному морю. Во сне будут грезиться наши поля, пожни, люлька, где качался маленьким... И еще вот что. Без тебя нас останется трое. А путь не близок. В дороге нам будет не сладко, прямо скажу, тяжело. А что я отведу матери, когда приедем в Холмогоры? Променял, мол, Гурий тебя, родную мать, на тазовскую девицу, остался там...

Так что выбрось из головы все это. Забудь. У нее своя жизнь, у тебя — своя. Да и женихи для Еване найдутся. Тосана сказывал, что скоро к племяннице будут свататься, калям готовят, выкуп...

Гурий вздрогнул, в груди заворочалась ревность. А отец повысил голос и закончил уже строго:

— Родительской волей я тебе благословения не даю. Обязан ты идти с нами домой. А эти сердечные дела из головы вон!

Несколько дней Гурий не находил себе места от переживаний. Он привык беспрекословно повиноваться Аверьяну. «Эх, Еване, Еване! — повторял Гурий имя девушки. — Не судьба нам, видно, жить вместе!»

«Забудь!» — сказал отец. А легко ли?

Хитрый Тосана, конечно, заметил, что Еване и Гурий не равнодушны друг к другу. Однако он ничего не сказал племяннице, а решил больше не приезжать с нею в зимовье и Еване из чума не выпускать. Уйдут холмогорцы — все само собой уладится...

Третьи сутки продолжался на реке ледоход. Лыдины торопились в Тазовскую, а там — в Обскую губу, обгоняя друг друга, сталкиваясь и ломаясь. С реки доносился шум, всплески. Солнце нет-нет да и проглядывало из-за низких верес туч. Холмогорцы готовились в путь. Спустили на воду коч и стали укладывать в него свое добро.

С грустью расставались с зимовьем. В лютые морозы, в пургу оно спасало от холода, стало вторым родным домом. Как хорошо было, измотавшись на лыжне, прийти из леса, посидеть у камелька, поесть горячей похлебки, а после, укрывшись оленьими шкурами, подремать под неторопливый говорок Герасима, рассказывающего свои байки.

По обычаю поморы, уходя, оставили у камелька охапку сухих дров, на столе кремень, огниво, холщовый мешочек с сухарями, соль. Случайный путник, выйдя неожиданно к избе, найдет тут кров, тепло и пищу.

Герасим прибил над входом в избу памятную надпись, вырезанную на лиственничной доске:

Строил избу Аверьян Бармин
со товарищи из Холмогор
1610 от Р. Х.

..Большие льды пронесло, пошли более мелкие. Холмогорцы отпихнули коч от берега и со льдом побежали вниз, к Мангазею.

Вскоре она открылась на высоком правом берегу, такая же молчаливая, загадочная и величественная, какой явилась поморам в день прибытия. Только стены, в которых бревна набухли от весенней влаги, чуть потемнели, да крутые берега кое-где осыпались. Небо над городом было блеклым, облачным. Однако золоченые купола церквей блистали и были видны издалека.

Расталкивая шестами льдины, холмогорцы подвели коч к берегу, в то место, где причаливали осенью. Его узнали по корявой маленькой лиственнице на пригорке. Вешняя вода разлилась широко, затопив берег на добрый десяток саженей. Из воды торчала макушка кола, который осенью вбил Никифор, чтобы закрепить причальный конец. Пришлось забивать другой, повыше, на сухом месте.

Промышленники прибыли в Мангазею в полдень. Аверьян с Герасимом и Никифором сразу же отправились в крепость узнать, как обстоят дела на торге. Гурия опять оставили скучать возле коча. Завернувшись в оленью доху, он сидел на носу и глядел на берег.

Людей почти не видать. Берег мокрый, скользкий, неуютный, делать тут совершенно нечего. Маленький старик в овчинном желтом полушубке с рваными подмышками возился у лодки. Наверное, собирался ловить рыбешку. Двое мальчишек в обтерханных кацавейках с взрослого плеча старались забросить камешки на плывущую льдину.

Пыжьян, которого поморы привезли с собой, некоторое время сидел рядом с Гурием, но потом, видно, почуввав родные места и запахи, прыгнул на берег. Побегал по жухлой прошлогодней травке, обнюхал причальный столбик, оглянулся на Гурия, помахал виновато хвостом и опрометью помчался в город. Напрасно его звал Гурий. Пес потянуло домой. Гурий заволновался. Следовало бы, конечно, передать Пыжьяна хозяину с рук на руки да отблагодарить. Всю зиму пес верно служил поморам, в пургу чуть не замерз с Гурием под елкой. И если бы не Пыжьян, вред ли нашел бы их, полузамерзших, Тосана...

Гурию снова вспомнились зимовье, чум Тосаны, Еване. Неужели он больше не увидит ее? Отец говорил, что в Мангазее они пробудут не больше трех дней и пойдут домой вслед за ледоходом.

Холмогорцы удивились, увидев множество оленьих упряжек возле крепости. Казалось бы — распутица: ни троп, ни дорог. Ни пройти, ни проехать. А тут — упряжки. Прибыли, видимо, из становищ на торг. «Прозевал меха, ой прозевал!» — встревожился Аверьян. Поморы прибавили шагу, прошли воротами въездной Спасской башни.

В крепости у торговых рядов немалое скопление людей. Среди них ненцы, остяки. Они толпились возле прилавков. Тут же шныряли приказные дьяки и требовали у охотников показать бумагу об уплате ясака. «Безбумажных» тащили к ясачной избе.

На плечо Аверьяна легла чья-то рука. Бармин обернулся и увидел высокого, благообразного дьяка в нарядном серо-зеленом кафтане.

— Когда прибыл, холмогорец? Каково промышляя? — спросил дьяк.

Аверьян повнимательней всмотрелся в лицо приказного и вспомнил, что это — Аверкиев, тот самый, который осенью помогал ему советами.

— Припомнил? — дьяк улыбнулся тонко и хитро. — Ясак-то внесли в казну?

— Не успели. Только пришли с зимовья. Куда вносить ясак?

— Пойдем, укажу, — дьяк деловито зашагал по тесовым мосткам, холмогорцы за ним.

У ясачной избы была очередь. Стояли в ней охотники. У всех мешки с добычей — у кого меньше, у кого больше.

— Вот здесь, — сказал дьяк.

— Нам бы поскорее, — неуверенно проговорил Аверьян. — Надо домой. Коч под берегом стоит. Экой хвост выстоять — день пропадет.

Дьяк склонился к его уху: — Соболька дадите — вмиг улажу.

Аверьян переглянулся с товарищами. — Давай улаживай.

Аверкиев повел их на зады ясачной избы, где никого не было, и постучал в маленькую узкую дверь. Она открылась, высунулась чья-то борода. Аверкиев пошептался и позвал холмогорцев.

— Заходите.

В небольшой кладовушке, где свету, слабо сочившемуся в узенькое зарешеченное окно, помогала сальная свеча, низкорослый и коренастый приказной мигом пересчитал шкурки, вынул каждую десятую в пользу казны и тут же выдал грамоту о сдаче ясака.

— Теперь торуйте, с богом! — сказал он и отворил дверь. Аверьян сунул ему в руку двугривенный. Приказной поморщился:

— Маловато.

Пришлось добавить.

На улице Аверьян снова развязал мешок и, пошарив в нем, вытащил рыжего соболька для Аверкиева. Дьяк взял соболька, встряхнул, подул на ость, чтобы лучше видеть подшерсток.

— Благодарствую. Хорош! — он сунул шкурку за пазуху. — Теперь, значит, на торг? Соболей покупать? Охраняйте свой коч лучше. В эту пору лихие люди руки ко всему тянут, — дал совет дьяк. — У воеводы побывайте. Вам ведь через него обратную подорожную грамоту брать. Иначе задержит вас стрелецкий караул на мысу.

— Сколь дать воеводе? — прямо спросил Аверьян.

— С вас он ничего не возьмет. Люди дальние, малокотные. Однако нелिшне будет, ежели пару хороших соболей через караульного передадите. Не прямо воеводе, а через караульного. Тот у него доверенный. Не утаит, передаст.

Аверьян распрощался с дьяком и поторопился с товарищами в торговые ряды...

На свои капиталы им развернуться как следует не

пришлось, израсходовали деньги мигом. Шкурки здесь стоили вполонину дешевле, чем в Холмогорах. Аверьян купил восемь собольков. На куниц, белок и песцов не тратился: эти меха в поморье можно достать без особого труда. А вот соболя... Герасим и Никифор тоже приобрели по десятку шкурок. Купили, правда, не лучшее — хорошие шкурки промышленники давно запродают тобольским купцам. Но на Двине соболей нет, и то, что здесь шло вторым сортом, там могло сойти за первый.

Повезло Аверьяну с продажей медных луженых котлов. Их было у него два. Цена за котлы сохранилась древняя: в каждый из них ненцы накидали шкурок, сколько поместилось. Хозяин котлов забрал меха, а хозяева мехов — котлы. Аверьян пожалел, что не прихватил котлов побольше.

— Вот, брат, дал маху! — сокрушался он. — Надо было побое таких сосудов набрать!

— Ишь, разохотился! — шутиливо заметил Герасим. — Эдак всех мангазейских соболей подметешь.

Остальные товары — бусы, наконечники стрел, цветное сукно — пришлось продать подешевле. Мангазейские кузнецы делали отменные наконечники, сукна на прилавках лежало много, бус и разных побрякушек на торге — сколько угодно. И все-таки Аверьян изловчился променять все, что можно было: путь прошли не близкий, поход надо оправдать.

Перед отъездом Аверьян заходил в воеводский приказ. Передал, как советовал дьяк, двух соболей караульщику. Однако воеводы на месте не оказалось, и проездную грамоту поморам выправил дьяк, сидевший в приемной палате. И тому пришлось дать. Выйдя из приказа с грамотой, скрепленной восковой печатью, Аверьян подумал: «Воевды нету, не передаст, видно, караульный соболей. Жалко... Ну да, бог с ним! Без подачек, видно, нигде не обойтись».

Затем поморы ходили в церковь ставить свечи перед образом Николы — своего мужицкого покровителя.

Вечером, перед отплытием, устроили себе прощальный ужин. Аверьян достал заветную баклажку, налил по чарке...

Трое легли спать, караулить вызвался сам Аверьян. Помня предостережение дьяка, всю ночь не сомкнул глаз, держа на коленях заряженную пищаль.

Рано утром, когда развезло тучи и низкое солнце заиграло на куполах церквей, Аверьян поднял артель. Наскоро освежились ледяной водой из реки, поели.

— Ну что, братцы, в путь? — спросил Бармин.

— Пора! — отозвались товарищи.

Хотели было уже отчаливать, но тут увидели, что к берегу мчится оленья упряжка. Холмогорцы уставились на нее, как на диво: ни пути, ни дороги, ни снега, ни льда, а сани летят по голой земле — только комья грязи брызжут из-под широких оленьих копыт. Нарты остановились, с них встал Тосана, помахал рукой:

— Эге-е-ей, Аверьян! — он поднял с нарт большой мешок, взвалил его на плечи и пошел к судну. Следом за ним встал Тосана, помахал рукой.

Поморы встретили гостей.

— Уходите? — спросил Тосана, сбросив мешок на землю. — Домой в Холмогоры? А попрощаться забыли?

Аверьян улыбнулся приветливо, похлопал ненца по плечу.

— Мы бы рады попрощаться, да как вас найдешь? Ехать не на чем, оленей нету...

— Давай-давай, ври! — добродушно отозвался Тосана. — Хороший друг пешком придет. Птицей прилетит! Ладно. Верю, что не могли в мой чум прийти. Нате вам на дорогу, — он передал мешок Аверьяну. — Оленья мясо. Пригодится. Сразу не съедите — засолите. Соль-то есть?

— Найдем. Спасибо тебе!

— А теперь давай попрощаться. — Тосана стал обнимать всех по очереди.

Гурий подошел к Еване. Она с грустью посмотрела ему в глаза, и он почувствовал, как щемящая тоска подбиралась к самому сердцу.

— Остаться не можешь? — спросила Еване.

Гурий беспомощно развел руками.



— Отец не разрешил.
— Понимаю... Отца слушать надо. Прощай... Помни меня. Будешь помнить?

— Буду, — прошептал Гурий.

— И я буду помнить, — отозвалась Еване и неуловимым движением вынула из рукава пушистую темно-коричневую шкурку. — Вот, на память тебе... Черный соболь. Не тот, какого мы видели. Другой. Мне дядя дал. Береги...

— Сберегу. Спасибо, Еване! — Гурий взял мягкую шкурку и приложил шелковистый мех к своей щеке. — Спасибо...

Еване поднялась на цыпочки и потерлась носом о щеку Гурия. Никто этого не заметил. Девушка убежала к нартам.

Одарив Тосану тем, что нашлось, Аверьян распорядился:

— Весла на воду! Отчаливай!

Герасим отвязал причальный конец. Шестами оттолкнулся от берега, помахали ненцам и взялись за весла.

Берег стал удаляться. Гурий смотрел на Еване, пока она не села в нарты и дядя не погнал упряжку от берега прочь.

Провожали поморов не только ненцы. Издали, с крыльца избы, за ними следил Лаврушка, который опасался, что холмогорцы выдают его воеводе, и на торге незаметно отирался возле них. Когда коч отчалил, он облегченно вздохнул:

— Ушли, слава богу!..

Провожал судно и Пыжьян, который до этого пропал неизвестно где. С громким лаем он бежал по берегу — пес просился, чтобы взяли его на коч. Но взять Пыжьяна холмогорцы не могли — слишком далек и долог был путь.

Грести почти не пришлось. Быстрая внешняя вода подхватила коч и потащила его в низовья. Оставалось только следить за льдинами и отталкивать их шестами.

В последний раз холмогорцы посмотрели на Златокипящую. Отвесно и грозно нависли над водой высокие бревенчатые стены крепости. Они словно старались скрыть от людских глаз рубленые терема, купола церквей. Но все спрятать стенам не удалось. И золоченые маковки с крестами, и островерхие кровли выглядели из-за стен, словно грибы из переполненного лукошка.

Коч стремительно резал носом серые волны Таз-реки и быстро шел по течению. Город оставался позади, уменьшался и словно бы уходил в небыв.

— Прощай, Мангазея-я-я! — крикнул Гурий.

Эхо хлестнуло по берегам и замерло вдали.

Златокипящая степенно и величественно скрылась за поворотом.

СПУСТЯ ДЕСЯТЬ ЛЕТ

Летом 1621 года из Холмогор в Пустозерский острог шла под парусами лодья Василия Гуменика, груженная зерном для пустозерских торговцев. В команде той лодьи были Гурий Бармин и Никифор Деев, крепко подружившиеся после похода в Мангазею, несмотря на разницу в возрасте. Гурию исполнилось двадцать семь лет, Никифору — сорок три.

За десять лет, минувших со времени плавания с Аверьяном Барминым, утекло много воды. Гурий женился на сероглазой девушке из Матигор, имел уже четырехлетнего сына, жил своим хозяйством, срубив избу и отделившись от братьев. В прошлом году он похоронил отца. После мангазейского похода Аверьян зимовал на Новой Земле, привез оттуда неизлечимую хворь и не мог больше подняться с постели. Сыновья продолжали дело, начатое

отцом, — стали удачливыми промышленниками, ловили рыбу, били тюленей в Белом море. Опытным и расчетливым помором стал Гурий. Никифор, неразлучно разделявший с ним тяготы всех морских плаваний, также занял крепким хозяйством. Кроме морских промыслов, он занимался еще и хлебопашеством, и теперь вез в Пустозерск для продажи тридцать мешков ржи и ячменя.

Гурий взялся помогать ему. Но хлебная торговля была у них делом попутным. Они решили побывать на месте, где терпели бедствие, возвращаясь из Мангазеи, где погиб Герасим Гостев.

Придя в Пустозерск, продали зерно и стали искать на подержанье небольшое суденышко — морской карбас либо шняку. Искали долго: у пустозерцев, живущих речным промыслом, имелись только малые карбаса да лодки. Наконец у одного рыбака-ижемца сыскали морской карбас с мачтой для паруса и двумя парами весел, и, не мешкая, курсом на северо-восток пересекли Печорскую губу, миновали устье реки Черной, которую ненцы называли Каменной из-за обилия порогов, и, пройдя от Пустозерска около ста тридцати верст, свернули к берегу.

Гурий издали заметил на косогоре покосившийся деревянный крест, а за ним — другой, поменьше. Тот, что поменьше, стоял прямо, непогоды его, казалось, не тронули, и время тоже.

— Наши кресты! — сказал Никифор. — Все еще стоят. И верно, долго стоять будут...

Карбас вошел в устье маленькой тундровой речки и ткнулся носом в черный, осыпающийся грунт обрыва. Закрепив суденышко на врытом в землю якоре, холмогорцы вышли на плоский берег, поросший мелкой травой и испещренный кочкарником.

Сняли шапки, постояли в молчании перед памятным крестом, потом подошли к могиле Герасима-баюнка. Опять помолчали, поминая товарища. Вернулись к памятному кресту. Грубо вытесанный из плавника, он стал серым от времени и непогод. Основание его не подгнило, покосился он, как видно, от собственной тяжести и непрочности грунта. На поперечной доске все еще была заметна вырезанная ножом Аверьяна надпись:

Горевал Аверьян Бармин
со товарищи
из Холмогор
лета 1611

Долго стояли перед памятной заметой Гурий и Никифор, вспоминая, что произошло десять лет назад.

...Обратный путь Аверьяна был трудным. Уже в Обской губе коч попал в шторм. Борясь с волнами, со льдами, еле добрались поморы до берега, пережидали непогодь больше недели. Много муки приняли, перетаскивая судно ямальским волоком. Не раз попадали в ледовый плен, пока добрались до пролива Югорский Шар. Проломив и дальше, к мысу Варандей, прошли беспрепятственно. Но едва завернули за Песяков остров, с севера налетел шквальный ветер со снежным зарядом. Море словно поднялось на дыбы. Парус убрать успели, но не удержались носом против волны, свирепый вал ударил в правый борт, потом налетел другой, и перевернулось судно вверх килем. Гурий, вынырнув, увидел перед собой лопасть руля, уцепился за него. Рядом плавал отец, силится дотянуться до кия. Он, округлив глаза, кричал:

— Выбира-а-а-айся на днище! За киль держись!

Троим — Гурию, Аверьяну и Никифору — удалось таки уцепиться за киль и спастись. Герасима отмыло от судна и после, уже мертвого, выбросило на берег...

Море долго трепало судно с бедствующими поморами, висящими на киле, то опуская его в бездну, то выбрасывая на гребни волн. Холмогорцы были на краю гибели: заочечнели от холодной воды и резкого ветра, силы стали иссякать. Отец уже бормотал отходную молитву...

Вдруг перевернутое судно перестало швырять. Гурий увидел неподалеку темную полосу берега. Он уже не помнил, как, разжав руки, сполз вниз и ощутил под ногами песок. Вода — по грудь.

Кое-как выбрались на берег. Поминутно падая, бегали

по земле, стараясь разогреться. В полном изнеможении повалились на землю. Лежали, пока не отдышались.

Коч прибило к берегу. Борт у него повредило, часть обшивки оторвалась от шпангоутов.

Безуспешно пытались развести костер. Дров насобирали, но трут в кармане у Никифора вымок. Коротали на пустом неприятном берегу ночь, потом день, еще ночь, без корки хлеба, без надежды выбраться из этого гиблого пустынного места.

И неожиданно пришла помощь. На реке ненцы ловили рыбу сетями, не без опаски подошли к бедствующим, подобрали и отвезли их в стойбище. Обогрели, обсушили, накормили. Ненцы же нашли и вытащили из воды тело Герасима...

Кое-как залатали коч и на нем добрались до Пустозерска. Весь груз, в том числе и меха, взяло море... На Печору пришли пустыми, голодными и оборванными. Но радовались тому, что хоть живыми вышли из беды...

Расставаясь с берегом, оставили поморы могилу Герасима и этот памятный крест, вырезав на нем надпись.

Сейчас Гурий с Никифором поправили его, обложили дерном и камнями могилу и пошли обратно в Пустозерск.

Карбас хорошо держался на волне и шел ходко при боковом ветре. Волны набегали с кормы, шумя и плескаясь. Гурий сидел у руля. Никифор, сморенный усталостью, спал на настиле днища, на досках.

Гурий вспоминал поход в Мангазею, зимовку на берегу Таза, черноглазую и белолицую Еване. Шкурку, которую она подарила ему, он, несмотря на беды, сохранил, потому что держал ее под одеждой, на груди, для тепла.

Вышел Аверьян из Мангазеи богатым, с пушным товаром, а добрался до Холмогор — ни с чем. Да еще потерял в походе и товарища.

Как тут не вспомнишь поговорку: «Кого море любит, того и наказует». И еще одну пословицу старопрежнюю: «Где лодья не рыщет, а у якоря будет».

Всякому путешественнику рано или поздно приходит конец. И нашему рассказу о плавании Аверьяна в Мангазею — тоже.



ГЛАЗОВ, СТУДИЯ ЮНЫХ

Дора
ЧЕРАШНЯЯ



КОРОЛЕВ САША
СИВКА-БУРКА

В мае этой студии исполнилось 14 лет. В ней занимаются школьники города Глазова Удмуртской АССР, самые обыкновенные ребята. Но то, что делают юные художники, известно далеко за пределами Глазова. Рисунки ребят отмечены дипломами нашей страны и международных детских художественных выставок.

В прошлом году книжное издательство «Удмуртия» выпустило альбом с гравюрами глазовских ребят. Он открывается теплыми словами известного мастера книжной графики, заслуженного художника РСФСР В. Н. Горяева. А в каталоге «Художники СССР — авторы экслибриса», изданном в Вильнюсе, рядом с именами знаменитых советских мастеров экслибриса стоят имена восьми глазовских студийцев.

Связи глазовцев с Вильнюсом возникли года три назад. Прочитав в журнале «Юность» статью о студии, страстный коллекционер экслибрисов и эстампов В. М. Манжуло отправил руководителю студии Игорю Георгиевичу Спорису письмо с просьбой прислать экслибрисы юных художников для его коллекции. И вскоре гравюры школьников были представлены на выставке «Мир глазами детей», организованной В. М. Манжуло в Вильнюсе.

Теперь восемьдесят шесть работ глазовских школьни-

ков радуют посетителей Всесоюзной выставки детских иллюстраций к произведениям А. П. Чехова, открывшейся в Мелихове в июле прошлого года. К этой выставке ребята готовились с особенной тщательностью. Ведь их работы были выражением и любви к творчеству великого писателя, и чувства уважения к своей знаменитой землячке О. Л. Книппер-Чеховой, жене Антона Павловича.

«Дорогие товарищи! — писал юным художникам директор Музея А. П. Чехова, — ваша посылка была для нас чудесным подарком».

Ближайшие выставки студийцев — «Экслибрис для детей» и «Пушкинская тема в экслибрисе». Обе — в Воронеже.

В этом номере публикуется несколько линогравюр юных художников из Удмуртии.

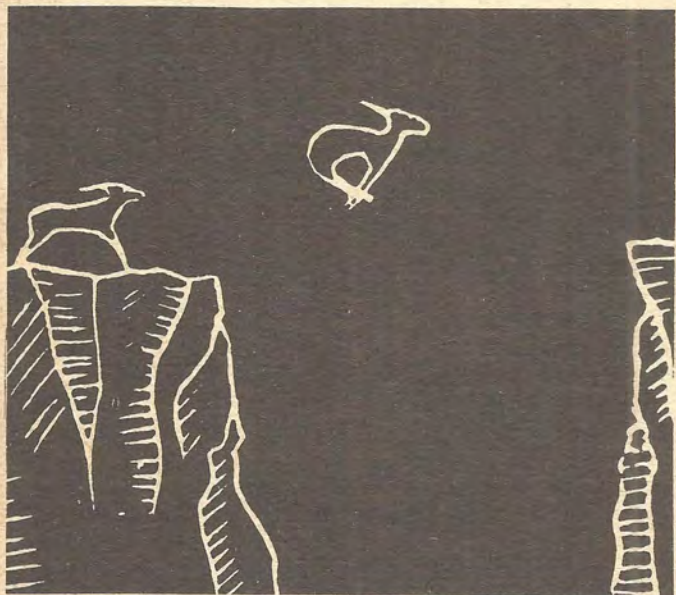


ВЕРЕТЕННИКОВ ВОВА
ДЕВУШКА С РУЖЬЕМ





МАЛИНИН ЛЕША
НА ПРИШКОЛЬНОМ УЧАСТКЕ



АРСАГОВ ИГОРЬ
ПРЫЖОК



КОРОЛЕВ САША
НА ЧУЖОЙ ПЛАНЕТЕ

*Картины
Георгия Попова*



СЕНОКОС



*Вокруг любви моей
Непобедимой
К моим лугам,
Где травы я косил,
Вся жизнь моя
Вращается незримо,
Как ты, земля,
Вокруг своей оси...*

ОЗАРЕНИЕ



Леонид
ЩЕТНЕВ



ВЕЧЕР. ТОТЬМА
(фрагмент)

*Деревья, избы, лошадь
на мосту,
Цветущий луг — везде о них
тоскую.
И, разлюбив вот эту красоту,
Я не создам, наверное,
другую...*

ИЮНЬСКИЕ СНЫ

*Давай, земля,
Немного отдохнем
От важных дел,
От шумных путешествий!
Трава звенит!
Волна лениво плещет,
Зенит пылает
Солнечным огнем!*

...Здесь каждый славен.
Мертвыи и живой!
И оттого, в любви своей
не каюсь,
Душа, как лист, звенит,
перекликаясь
Со всей звенящей солнечной
листвой.

Эти строки из стихотворения «Старая дорога» принадлежат покойному поэту Николаю Рубцову.

Судьбе было угодно, чтобы Николай Рубцов и художник Георгий Попов родились и росли в одной и той же области — Вологодской, в одном и том же районе — Тотемском, в селах, расположенных поблизости: Рубцов — в селе Никольском, Попов — в селе Красном.

Но и на этом совпадения не кончаются. У того и у другого — сиротство, детдом, ранний трудовой путь, служба во флоте, оба немало побродили по нашей великой стране, но нигде ни разу не встретились.

Им суждено было встретиться духовно.

Георгий Попов родился 15 сентября 1939 года. Отца почти не помнит. Что-то стряслось у них в семье, разладилось, отец ушел из дома, уехал на Урал, и поныне ни слуху, ни весточки. Детский дом заменил Гоше семью. Рос он замкнутым и нелюдимым. Уже тогда проявилась его тяга к природе и краскам. Георгий любил рисовать. Изображал на бумаге, когда хотелось, самолетики, танки, дома и деревья. И не придавал этому особого значения. Просто брался за карандаш немного чаще, чем другие ребята, чуть пристальнее вглядывался в родные пейзажи, в людей, которые ему нравились...

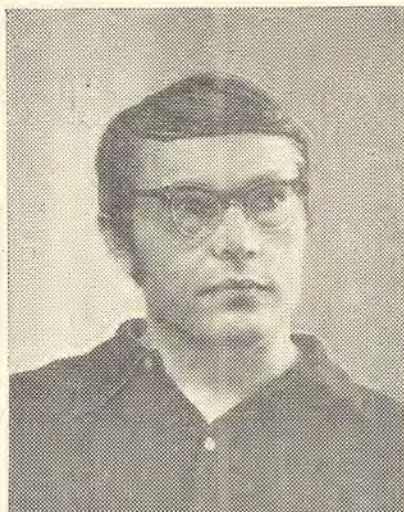
До того, как судьба привела его в Ленинград, работал Георгий несколько лет бетонщиком в Заполярье. И все искал свое призвание. Душа не лежала вроде ни к тому, ни к другому, ни к третьему...

В Ленинграде он стал часто бывать в Эрмитаже, в Русском музее, в Академии художеств. И однажды, в 1963 году, оказавшись в зале Родена в Эрмитаже, впервые подумал о том, как хочется ему только одного — стать художником.

Как будто все в нем ждало этого дерзкого решения: жизнь приобрела смысл и цель.

Рисовать доводилось на чем придется (и на клеенке тоже); выкраивал творчества редкие часы в комнатах общежитий, где, конечно, своим чередом шла жизнь, мало способствовавшая художественному уединению.

Много мест переменил Георгий: родная Вологодчина, Красноярск, Ар-



хангельск, снова деревня и снова Ленинград, затем Калининград и опять деревня. Это было время раздумий и колебаний...

Начал с копий Кента и Рериха, допуская некоторые вольности. Перешел к свободным композициям, ставя перед собой задачи сложнее и масштабнее.

Где бы он теперь ни был, чем бы ни занимался, все мысли его были об искусстве. Однажды читал стихи Ахматовой и вдруг осенило: не нужно в новой картине неба. И сразу все встало на место... А ведь стихи были совсем о другом...

В 1968 году Георгий Попов появился с семьей картинами в Вологодской организации художников. Картины начинающего художника многим понравились. Были и такие, у которых он своими необычными, «неграмотными» картинами вызвал острую неприязнь и недоумение.

Но шло время, молодой художник выставлял новые, все более яркие и оригинальные полотна на областных выставках, и число поклонников его таланта росло год от года. Заметили его и в столице. В 1973 году Попов во второй раз был представлен на Всероссийской выставке самодеятельного искусства.

И вот в январе 1974 года в Вологодской картинной галерее состоялась персональная выставка, где было представлено около ста произведений живописи и графики Георгия Ивановича Попова.

К сожалению, далеко не все работы удалось собрать, некоторые частные владельцы отказались представить картины на выставку.

Тотемский краеведческий музей, располагающий 26 картинами художника, дал лишь несколько работ Попова. Картины же, наиболее характерные для него, дающие более полное представление о его творчестве, остались в Тотеме.

Но и то, что удалось собрать, создает ощущение праздника, которое бывает тогда, когда видишь произведения самобытного художника.

Он никогда не учился рисовать профессионально (и это — не похвала ему), но работы его трогают зрителя своей удивительной образностью, внутренней организованностью, ярким сочетанием красок и простотой композиции.

На его картинах костры и тени, вечер и ночь, гроза и пожар...

Художник любит деревню, болезненно переживает утрату некоторых ее обычаев и традиций, любит ее песни и народное творчество.

Есть у Георгия Попова и спорные картины. Художник не идет проторенными, искоженными дорогами — он ищет дорогу свою, а это всегда было, есть и будет делом нелегким. Никто не застрахован на этом пути и от ошибок. Но верно и другое, что искусство не может жить без поиска новых средств выразительности, новых мыслей.

Удивительные ощущения испытываешь, когда ходишь по первой персональной и, не побоюсь этого слова, редкостной выставке самобытного и самодеятельного художника из Тотемской земли. Смотришь на его картины, переходишь от одной к другой, и в душе звучат и звучат стихи земляка его Николая Рубцова, строками из которых и сопровождаются в этом номере журнала картины Г. Попова.

Так родная земля объединила в любви к ней двух разных характерами и темпераментами людей, объединила в звуке, в музыке слов и красок, еще раз доказав, что исток поэзии, душа художника неразделимы с землей своей, и в ней, именно в ней начало всех начал!..

О самих картинах Георгия Попова рассказывать не будем. Пусть публикуемые репродукции — малая часть созданного им — скажут сами о себе.



Здравствуй!

Во втором номере «Уральского следопыта» прочитала очерк «Самостоятельный парень» о молодом ювелире Викторе Гребенщикове. Вы помогли мне узнать, где получают эту профессию — в Свердловском ГПТУ. Напишите, пожалуйста, адрес этого училища.

Мне уже шестнадцать лет, я учусь в десятом классе. Я решила идти в ГПТУ и ни от кого этого не скрывала. Учителя же считают мое решение малодушным, ведь у меня с первого класса только «хорошо» и «отлично». Родители и учителя отговаривают меня, говорят, что не стоило заканчивать десяты классов для того, чтобы идти в училище. Они неправы. Мне очень нравится профессия ювелира, я стараюсь побольше узнать о ней. Пусть говорят о малодушии. Я вправе выбирать ту профессию, которая мне по душе.

Жду вашего ответа.

С комсомольским приветом Наташа.

Здравствуй, Наташа!

Вот адрес училища: Свердловск, ул. Блюхера, 5.

Прочитала твое письмо и захотелось написать тебе...

Вспоминаю рассказ очень хорошей писательницы Виктории Токаревой. Человеку больше всего на свете нравилось белить потолок. Потолки у него получались такой чудной белизны, кисть в руке была так послушна и легка, что душа пела у человека. Но потолки белить ему приходилось редко. Приходилось сидеть за столом в своем учреждении, писать бумажки...

Замечательно, что ты, Наташа, в свои шестнадцать лет уже выбрала себе профессию по душе и твердо знаешь, что она — единственная для тебя. Это прекрасная профессия — ювелир и очень нужная. Может быть, кому-то она кажется не очень серьезной? Ювелиры не создают грандиозных машин, не строят города, не выращивают леса. Их труд воплощается, если можно так выразиться, не только в материальном: тот редкий случай, когда создаются вещь и произведение искусства одновременно. А разве красота нужна людям меньше, чем удобное жилище, машина для передвижения, одежда?

Недавно, перебирая альбом фотографий экспонатов Алмазного фонда СССР, остановилась на одной. Как будто сердце дрогнуло при взгляде на

простую вещицу — брошку, с несколькими камнями. Эту вещь сделал Леонид Федорович Устьянцев на нашем Свердловском ювелирном заводе. Вещь удивительная!..

Может быть, и тебе, Наташа, когда-нибудь удастся сделать такое же неповторимое...

Мне хочется сказать тебе еще одну очень, на мой взгляд, важную вещь, и твоя серьезность кажется мне гарантией того, что поймешь меня правильно. Твое письмо — оно, по правде говоря, чуточку категорично... Уж очень решительно ты пишешь о родителях: «Они неправы». Все-таки хоть ты и говоришь, что тебе «уже» шестнадцать, это ведь скорее «еще» шестнадцать. Категоричность в твоём возрасте иной раз бывает чем-то сродни упрямству, а не воле. А решение, принятое лишь из желания во что бы то ни стало доказать свое право на самостоятельность, не всегда самое верное. В конце концов, чиновником стать можно в любой профессии, даже в той, которая поначалу казалась самой желанной.

Быть может, ты просто не сумела убедить родителей, что выбор твой не случаен? Не обижайся, но мне кажется, если ты очень серьезно настроена поступать в ГПТУ, ты давно могла бы попросить в любой библиотеке справочник, узнать адрес училища, написать туда, а потом рассказать своим родителям, что это учебное заведение высокого класса, что профессия эта уходит глубокими корнями в древность, что ее можно назвать истинно уральской, так как Урал издавна славился замечательными мастерами, известными не только в нашем государстве, но и далеко за его пределами. Ты могла бы доказать родным людям, что сможешь продолжить свое образование в вузе — это даже необходимо, чтобы стать настоящим мастером. Может быть, именно этот вопрос волнует твоих родителей больше всего — они, вероятно, хотят, чтобы ты получила хорошее образование. При упорстве и настойчивости ты сможешь его полу-

чить. Многие из ювелиров нашего Свердловского ювелирного завода после окончания училища становятся студентами вузов, так, например, собирается поступить и Виктор Гребенщиков, о котором ты читала в «Уральском следопыте».

Думаю, что если твои родители увидят в твоём непреклонном желании преодолеть их сопротивление не только упрямство, если убедишь их, что выбрала правильный путь — они станут, может быть, твоими союзниками, помощниками.

Твоими союзниками должны бы стать и учителя. Откровенно говоря, непонятно, почему они настроены против учёбы в ГПТУ. Возможно, это идет от незнания сущности профессионально-технического образования, той роли, которую эта система играет в выборе профессии. В одной только Свердловской области открыто около ста профессионально-технических училищ, хорошо оснащенных, укомплектованных квалифицированными преподавательскими кадрами, они помогают выбрать любимое дело, овладеть им, посвятить ему жизнь, достичь заветного.

Свердловское городское художественное ПТУ № 42, в которое ты собираешься поступить, одно из лучших в области. Здесь можно получить профессию ювелиров-алмазов и ювелиров-монтировщиков. Подробно об этом учебном заведении сообщат, если ты напишешь по адресу, который я назвала в начале.

От всей души желаю тебе, чтобы мечта твоя сбылась, и ты стала настоящим ювелиром, таким, какими издавна славилась наша уральская земля.

О. Богуславская

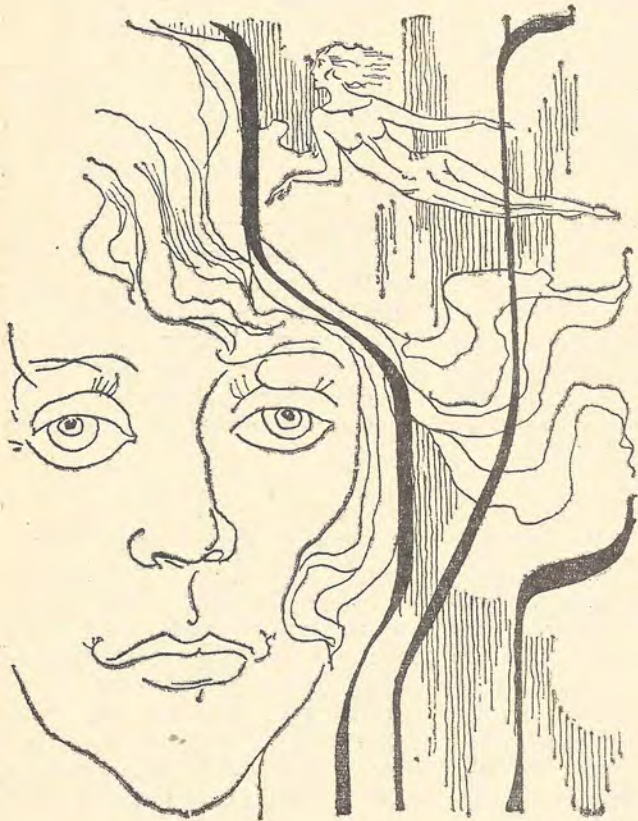


МАЛЬЧИШКИ, МАЛЬЧИШКИ...

Фантастический рассказ

**Михаил
НЕМЧЕНКО**

Рисунки
Е. Стерлиговой



Еще три года назад коконы обнаруживали чуть не каждую неделю, и Гусеву приходилось месяцами безвыездно жить на Земле. Но потом количество обнаружений резко пошло на убыль. За весь прошлый год было найдено всего одиннадцать коконов, а за три месяца нынешнего — ни одного. Гусев уже решил было, что на всем этом можно поставить точку и миссия его наконец-то завершена. Но именно в этот момент пришло сообщение о том, что на Алтае в только что раскопанной пещере обнаружен хорошо сохранившийся кокон. И, бросив все дела, Гусев опять полетел на Землю.

Сейчас он сидел в квадратном зале без окон перед прозрачной камерой киберреаниматора, глядя, как тонкие, словно веточки, манипуляторы легкими, осторожными движениями снимают слой за слоем коричневую желеобразную массу, под которой уже начинают вырисовываться очертания человеческого тела. Вот обнаружился известково-белый, будто высеченный из камня, локоть, вот очищается лицо, — и уже видно, что это мальчишка. Лобастый, еще не успевший раздаться в плечах мальчишка с курносый носом и чуть оттопыренными ушами.

Мальчишки, мальчишки, отчаянный народ... Когда-то вы забирались в трюмы кораблей, отплывающих к неведомым берегам. Потом корабельные трюмы сменились крышами и подножками идущих на фронт поездов. Потом космическими лайнерами, куда вы тоже не раз ухитрились забираться. А в начале двадцать первого века вдруг вспыхнула эпидемия побегов в будущее.

Ну, эпидемия — это, пожалуй, слишком громко. Как свидетельствуют документы того времени, во всем мире было зафиксировано около четырехсот побегов. В общем-то не так уж много — в среднем по одному беглецу на двадцать миллионов землян. Несколько десятков коконов было найдено сразу же, по горячим следам, и «путешественники во времени», лежавшие в них, были благополучно возвращены к жизни. Но остальные продолжали лежать где-то в потаенных гротах, пещерах, заброшенных штольнях...

Считалось, что все они безнадежно мертвы. И лишь когда, спустя целую эпоху, удалось оживить мальчишку из случайно обнаруженного



кокона; по всей Земле начались энергичные поиски с применением новейшей аппаратуры.

Да, наделали они дел, эти коконы... Хотя создатели их меньше всего были в этом повинны. Цель исследователей из Всемирного Центра космической медицины была совершенно конкретной: найти надежный способ сохранения жизни и транспортировки на Землю тяжело заболевших космонавтов. Тех, кого окажется невозможным излечить в звездных рейсах и на дальних планетных станциях. Именно для этого и предназначалась разработанная группой химиков, врачей и биоинженеров «капсула биоконсервации», прозванная потом в просторечии коконом.

Управляться с коконом было предельно просто. Даже опасно раненный или заболевший космонавт мог при необходимости «законсервироваться» без посторонней помощи. Для этого надо было только лечь в капсулу и нажать кнопку. Все остальное совершалось автоматически: и герметизация захлопнувшейся крышки, и криоинъекция, в считанные секунды охлаждавшая тело, и мгновенное заполнение капсулы анабиозной массой из вделанного в дно резервуара.

Эта густая, клейкая коричневая масса и была главным чудом. Сколько десятилетий считалось аксиомой, что полностью подавить активность ферментов можно лишь при глубоком замораживании организма. Но «анабиозное желе» в коконе, всасываясь в кровь и пропитывая ткани, подавляло эту активность и усыпляло клетки при температуре на полградуса выше нуля! Наперекор всем теориям анабиоз был достигнут без вторжения в рискованную зону замораживания. Причем идеальным теплоизолятором являлась сама анабиозная масса.

Коконь быстро получили самое широкое распространение. И не только в Космосе, но и на Земле. Оказалось, что «временное небытие» помогает при лечении многих болезней, особенно у пожилых людей. Возникли целые анабиозные клиники. Туда помещали и больных, надежные средства для лечения которых вот-вот должны были появиться. Нередко, пока завершалась разработка нового многообещающего лекарства, такие больные ждали в коконах по пять-шесть лет.

Но не больше. Создатели «капсулы биоконсервации» опасались, что уже на седьмом году могут возникнуть трудности при возвращении больного к жизни. Однако нашлись ученые, не разделявшие этих опасений. Разгорелась дискуссия.

Спор шел о том, допустимо ли продлить предельный срок пребывания больных в анабиозе еще на несколько лет. Но один известный биофизик, выступая в дискуссионной видеопрограмме, высказал мнение, что возможности ко-

конов вообще недооцениваются и что, если поместить в «капсулу биоконсервации» не больного, а безукоризненно здорового и, главное, молодого человека,— его, при благоприятных условиях, вероятно, можно будет оживить даже через много десятков лет.

Разумеется, это было всего лишь предположение, именно так оно и было всеми воспринято. Но, увы, на планете Земля проживали еще и мальчишки, бедовые и отчаянные мальчишки, бредившие фантастическими приключениями. Уже спустя несколько дней со складов и из клиник стали исчезать коконы...

Те, кто в старину пытался переплыть океаны на плотках и в утлых лодках, имели куда больше шансов уцелеть, чем юные безумцы, очертя голову бросавшиеся в океан времени, чтобы доплыть до сказочных чудес грядущего. Но лобастый узкоплечий мальчишка, лежавший сейчас за прозрачной стенкой, судя по всему, был одним из тех немногих, кому довелось доплыть. Он еще не дышал, и веточки манипуляторов еще счищали с его каменно застывшего тела остатки студенистой массы, но приборы на пульте перед креслом Гусева уже свидетельствовали, что клетки начинают оживать.

Вечером воскресаящий сделал первый вздох. Температура была пока на четыре градуса ниже нормальной, но сердце билось ровно, кровообращение после переливания и введения гемостимуляторов полностью восстановилось. И, убедившись, что все идет хорошо, Гусев покинул реанимационный зал, передав дежурство роботам.

Когда он пришел через три дня, камера киберреаниматора была задернута голубым занавесом. Мальчишка спал на низком белом ложе у стены. Пушистый розовый халат оттенял бледность лица, но это было уже лицо выздоравливающего, вернувшегося к жизни человека.

Едва Гусев подошел к своему креслу, мальчишка открыл глаза. Несколько секунд он смотрел на Гусева каким-то неосмысленным, словно невидящим взглядом — и вдруг рывком поднялся на локтях.

— Где я?.. — выдохнули губы.

— Разве ты первый раз открыл глаза?

Мальчишка отрицательно покачал головой.

— Эти роботы... Кормили меня, давали лекарства, но ничего не отвечали... — Он с усилием встал со своего ложа, порывисто шагнул к Гусеву, но сделать второй шаг ему что-то мешало.

— Тут вроде стенки, — сказал Гусев. — Дальше тебе пока нельзя. Адаптация...

— Где я? — повторил мальчишка.

— Далеко от дома, — Гусев опустил в кресло, стараясь держаться подчеркнуто спокойно. — В общем, посылка получена.

— Какая посылка?

— Та, в которой ты себя послал, не спросив, правда, согласия адресата. Впрочем, и адрес был весьма туманным. Между нами говоря, посылка чуть не затерялась на почте. Но ее разыскали. И, как видишь, вскрыли.

— Но... какой сейчас год?

— Цифра тебе ничего не скажет: теперь совсем другой отсчет. А сколько лет тебе было там, в той жизни?

— Четырнадцать... В 2023-м...

— Значит, сейчас тебе в некотором роде четыреста тридцать шесть.

— Четыреста?!..— в этом восклицании, в широко раскрытых мальчишеских глазах были и восторженное изумление, и испуг, и недоверие.

Не сводя глаз с Гусева, мальчишка молча сел на свое ложе, весь напрягшийся, разом неуловимо повзрослевший. Может быть, впервые ожгла мысль о невозвратности потерянного? Или еще не пришел в себя от этой громом грянувшей невероятной цифры?..

Гусев нажал клавишу, и из прорези в пульте высунулся маленький серый диск фиксатора. Не спеша, ровным негромким голосом Гусев начал задавать вопросы. Имя? Фамилия?.. Место жительства?.. Где учился?.. Вопросы следовали один за другим, и тихий шелест лент в диске словно подчеркивал будничность, обыденность всей этой процедуры.

— Как-то вы... странно,— с неловкой усмешкой проговорил мальчишка, воспользовавшись короткой паузой.

— Обычный распорядок,— пожал плечами Гусев.— Так опрашивают всех дезертиров.

— Кого?!.

— Ты не ослышался,— Гусев посмотрел ему прямо в глаза.— Я сказал: дезертиров. Слово, конечно, не слишком благозвучное, но зато точное. Как иначе назвать тех, кто улизнул из своего времени, чтобы явиться на готовенькое в фантастически всемогущее будущее?

Мальчишка молчал, низко опустив голову. Нетрудно было представить себе, что творится сейчас в его душе. Чудом перенестись через четыре столетия— и услышать такое... Но Гусев знал, что не имеет права поддаваться чувству жалости. Он должен, обязан сказать ему все это именно сейчас. И именно вот такими обнаженными, безжалостно-жесткими словами. Так надо. Чтобы этому курносому четырнадцатилетнему пришельцу из прошлого легче было понять и принять то, что он узнает чуть позже.

— Что же тебя все-таки заставило залезть в кокон?— спросил Гусев.— Разве тебе плохо жилось в двадцать первом веке?

Не поднимая глаз, мальчишка покачал головой.

— Мне было хорошо. Но... — Он говорил медленно, трудно подбирая слова.— Просто очень

хотелось увидеть будущее... Тогда только что расшифровали первую весть с Унны. О том, что через сто лет прилетит их корабль. И, когда мама погибла в экспедиции, решил...

«Как все похоже,— подумал Гусев.— Разные страны, разные судьбы— и все то же неодолимое желание заглянуть за грань...»

— Пускай я виноват... перед всеми...— в растерянных, по-детски беззащитных глазах мальчишки, казалось, вот-вот покажутся слезы.— Но почему вы... эти слова?.. Чтоб больней?..

— Почему? Потому что я такой же мальчишка из кокона. Только извлеченный девятью годами раньше. А теперь вот встречаю новичков... И каждый раз, когда говорю эти слова, я говорю их прежде всего себе.

Отвечом было молчание.

А потом мальчишка задал вопрос, который задавали на этом месте почти все:

— И вас... И нас много таких?

— Ты будешь семьдесят четвертым. Трестам не смогли вернуть жизнь... Мы обитаем на Плутоне. Все вместе. Полетим туда с тобой, как только окрепнешь.

— На Плутоне?!.. Они не захотели, чтобы вы... чтобы мы жили на Земле?..

— Нет, они приняли нас хорошо. И не хотели отпускать. Но... сначала взгляни сам.

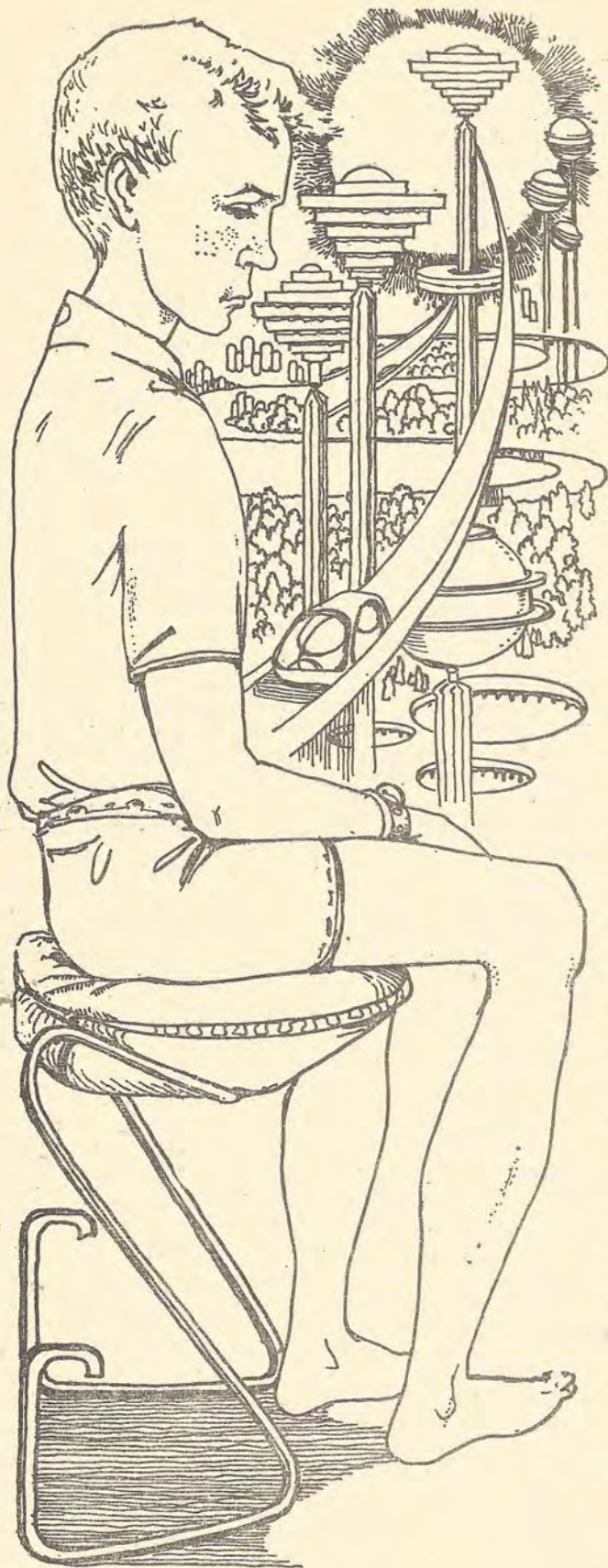
Гусев поколдовал на пульте кнопками— и правая стена словно растаяла. И точь-в-точь как все его предшественники, мальчишка инстинктивно отпрянул от разверзшейся в двух шагах бездны.

Гусев смотрел в распахнувшиеся дали и почти осязаемо чувствовал рядом горящий, изумленно впитывающий взгляд мальчишки. Вот так же девять лет назад застыл он сам, увидев с высоты это неоглядное, прошитое голубой лентой реки пространство лесов, эти белые, розовые, золотистые здания, повисшие в солнечной синеве высоко над деревьями...

— Летающий город!..— зачарованно пробормотал мальчишка.— И дом, где мы, он— тоже?

Вместо ответа Гусев пробежал пальцами по кнопкам, и одно из зданий разом приблизилось, будто оказавшись под огромным увеличительным стеклом. Стали видны уходящие к земле круглые опоры из какого-то полупрозрачного синеватого материала, плавные изгибы стен, опоясанных широкими, оплетенными зеленью галереями.

Вот, раздвинув листья, к парапету подошла высокая девушка в голубом костюме. Постояла и, неощутимо легким движением перемахнув через барьер, нырнула в воздух. Не было ни крыльев, ни аппарата за спиной— просто, раскинув руки, без малейшего усилия плыла над лесами темноволосая девушка в голубом. Но Гусев знал, что не это кажется сейчас мальчишке самым удивительным.



Самым удивительным было лицо. Возникшее перед ними крупным планом тонкое красивое девичье лицо, выражение которого все время неуловимо менялось. То оно улыбалось, то становилось задумчиво сосредоточенным, вслушивающимся во что-то, то вдруг в широко распахнутых глазах мелькало недоумение, брови поднимались, а через секунду снова трогала чуть шевелившиеся губы улыбка, и глаза лучились радостью. Столько оттенков чувств выражала каждая черточка этого лица, так чутко и раскованно отражалось на нем любое тончайшее душевное движение, что было даже как-то неловко на него смотреть — будто подглядываешь за чем-то сокровенным... И невольно думалось: какими, наверно, напряженными и застывшими показались бы сейчас рядом с этим отточенным до такого трепетного совершенства лицом — даже самые выразительные лица людей, живших всего четыре века назад.

— Точно разговаривает сама с собой... — почему-то полусшепотом проговорил мальчишка.

— Не с собой, — отрицательно покачал головой Гусев. — С кем-то. Мыслесвязь для них так же обыденна, как в нашем с тобой детстве телебраслеты. Но нам это недоступно. Да и не только это... Понимаешь, этому нельзя научиться: вся психика должна стать иной. И вообще тебе надо с самого начала...

Он не договорил. Лицо девушки внезапно исказилось болью. Встревоженно глянув вниз, она стала быстро спускаться. Не прошло и минуты, как голубая фигурка скрылась за деревьями. А вслед за ней, стремительно ныряя с галерей, уже неслись к земле еще несколько фигур.

Мальчишка вопросительно посмотрел на Гусева.

— Видимо, кто-то нуждается в помощи. — Гусев выключил обзор, и стена снова стала непроницаемой. — Они узнают об этом без слов и сигналов. Просто чувствуют чужую боль, как свою. Если кому-то плохо, те, кто вблизи, не могут думать ни о чем другом. А мы... Мы чувствуем себя в этом мудром и тесно сроднившемся мире глухими, недалекими и толстокожими чужаками. И именно потому попросились на Плутон. Жить там нелегко. Но зато мы не ощущаем себя изживденцами. Работаем вместе с другими добровольцами на рудниках и плантациях кристаллов, и нам легче от мысли, что мы — на переднем крае. Наверное, настанет время, когда мы научимся понимать этот мир и войдем в него, как равные. А пока...

Гусев помолчал и поднялся с кресла.

— В общем, отдыхай и набирайся сил. Завтра я покажу тебе город. А дней через пять — полетим на Плутон.



КАПИТАН НЕМО В РОССИИ

**Виктор
ГУБИН**

— В России, капитан Немо?!.. — удивитесь вы и, возможно, добавите, поразмыслив: — Ну, разве что в переносном смысле! Книга о его приключениях с давних пор популярна в нашей стране...

Но мы говорим не о книге, а о ее герое. Вы будете абсолютно правы, утверждая, что капитан Немо не бывал в России: Жюль Верн не раз избирал нашу страну местом действия своих романов, однако никогда не приводил сюда героев знаменитой трилогии, которую составляют «Дети капитана Гранта», «20 000 лье под водой» и «Таинственный остров».

И тем не менее...

...Из гамбургских газет капитан Немо узнает об удивительном человеке, поселившемся на русском Севере — где-то на Новой Земле, в окрестностях пролива Маточкин Шар. В газетах сообщалось, что этот ученый, по имени Фиц-Рой, устроил себе нечто вроде обсерватории, физический кабинет, химическую лабораторию, различные приборы и аппараты; что машины его исполняют обязанности едва ли не пастухов и молочниц, доставляют ему всякую пишу и шьют платья; что фрукты созревают у него искусственно; что ураганы, пронсящиеся над ним, дают ему энергию гораздо большую, чем энергия Ниагарского водопада; что даже краткие северные сияния — и те подвергаются концентрации и «работают» на Фиц-Роя, когда ему это нужно...

Капитан Немо заинтригован, он рассчитывает увидеть в лице Фиц-Роя человека, по учености близкого себе! И потому, не имея каких-либо срочных дел, он отправляется к северным берегам России.

Путешествие среди льдов Северного океана не таит в себе особых сложностей для изумительного подводного корабля и его создателя. Правда, некоторое неудобство капитан Немо все-таки испытывает: люк «Наутилуса» оказался узковат... для того теплого одеяния, какое капитан должен был навьючить на себя. Температура, несмотря на июнь, не превышала семи градусов, а ветер держался пронизывающий и резкий. Немо, не привыкшему к этому, пришлось надеть даже шапку с науш-

никами и меховые рукавицы... Впрочем, не сущие ли это пустяки для опытного морского волка?!

В три дня пройдя от Кольского полуострова до Маточкина Шара, капитан оказывается в затруднении: на каком же из бесчисленных мысков и островков искать таинственного Фиц-Роя? Впрочем, затруднение — лишь кажущееся, ведь Немо давно уже имел все нужное для переговоров на дальние пространства без посредства проводов!

«Если Фиц-Рой человек действительно ученый, он должен будет ответить мне при помощи такого же аппарата», — рассуждает капитан.

И не обманывается в своих ожиданиях. Более того, Фиц-Рой, оказывается, видит и всплывший «Наутилус», и — на его мостике — самого Немо; видит, несмотря на солидное, в 25 миль, расстояние! Видит — разумеется, с помощью новейшего прибора.

— А разве у вас нет его? — простодушно удивляется ученый-отшельник.

— Был у меня этот прибор, да потерял в пути, — совсем как хвастливый школьник, отвечает раздосадованный Немо...

Но вот пройдены и последние 25 миль, и уже автоматически управляемое Фиц-Роем с берега суденышко, на суше превратившееся в автомобиль, доставляет капитана Немо во владения «северного волшебника».

Чего только здесь и в самом деле нет! Оранжерея с кактусами и пальмами, с беседкой из плющей и небольшим фонтаном; парники и теплицы в прибрежных скалах; незримая электрическая изгородь, по желанию окружающая все хозяйство; наконец, обширный и уютный жилой дом, который высечен в массивном — 700 тонн весом! — куске камня, явно оторванном от вершины ближайшей скалы. «Это мое первое обзаведение, — скромно поясняет приветливый хозяин. — Вся трудность состояла не в том, чтобы оторвать скалу, а в том, чтобы заставить ее упасть так, как мне хотелось...»

Впрочем, пробудившийся в капитане дух изобретательского соперничества мешает ему объективно оценить увиденное: любое достижение

Фиц-Роя он теперь уже воспринимает чуть ли не как личное оскорбление. К тому же пребывание в гостях тяготит его — даже три дня трудно усидеть на одном месте этому скитальцу морей.

Взамен чудесных очков, позволяющих отлично видеть не то что в тумане, но даже сквозь непрозрачные предметы, капитан Немо дарит Фиц-Роя аппарат, усиливающий звуки. Тот искренне рад ответному подарку: ведь благодаря этому аппарату вернется слух к полуглохому помору Бруту, слуге Фиц-Роя.

Жена Фиц-Роя — Мерн — еще с восторгом рассказывает капитану о том, как это чудесно — нестись по бесконечной заснеженной тундре со скоростью вихря (по версте в полминуты!) на экипаже, оснащенном электрическим двигателем... а неумная страсть к странствиям уже вновь овладевает капитаном. Торопливо распрощавшись с гостеприимными отшельниками, он возвращается в каюту родного «Наутилуса».

Как известно, капитан Немо только в пути намечал себе ближайшую цель дальнейшего следования. На этот раз он, почти не колеблясь, решил плыть прямо на Одессу — с тем, чтобы познакомиться с Россией с другой стороны...

Этим многообещающим прогнозом и заканчивается несомненно любопытная «глава из Жюль Верна, никем и нигде не напечатанная». Кстати, она так и называется — «Капитан Немо в России». А обнаружил ее в 1898 году известный в прошлом русский писатель К. К. Случевский, истинный ее автор. Впрочем, в том, что «глава» эта — не что иное, как полужутливое подражание Жюль Верну, вы уже, вероятно, и сами убедились из краткого ее пересказа.

Слова же Случевского о том, что едва ли может и на самом крайнем Севере существовать глушь для человека, что «от него самого зависит населить эту глушь всеми созданиями своего труда, знаний, опыта», — сегодня, спустя три четверти века, звучат пророчески.

ГОРОД СТАЛЬНЫХ СТРЕЛ

Алексей
НАГИБИН
Фото-автора



АРКАЛЫК

Мугоджары... Кажется, разъяренные каменные валы изготовились к прыжку на пустыню, да так и застыли. На восток от Мугоджар простирается великая Тургайская степь. Недобрая слава шла о затерявшемся в ней пустынном глиняном плато. Сюда не смогли



пробиться реки, караваны издревле обходили его, здесь не селились люди...

Теперь тут вырос город Аркалык. Ему всего восемнадцать лет. Но на его улицах уже появилась тенистая зелень, вода пришла из далекого Тургая по водоводу. Каждый день

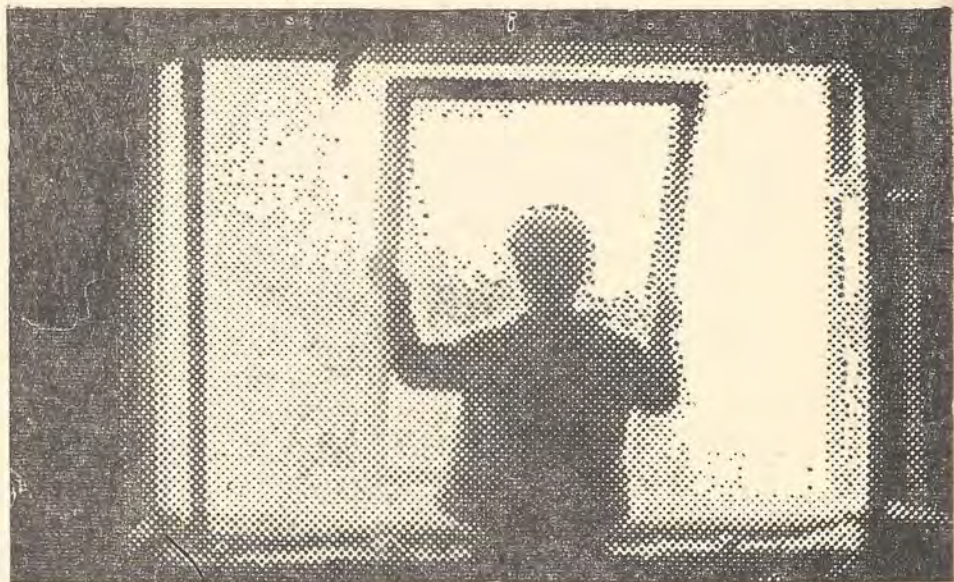
несколько самолетов привозят новых жителей города. А вот Гульсум Мажитова и Мырзамсейт Толеуов всего на год моложе родного города. Только что закончили они среднюю школу и теперь поступают в педагогический институт. Для этого им, как и их сверстникам,

не надо ехать в далекие края — институт на той же улице, что и их родная школа.

Но Аркалыку сегодня нужны не только учителя, но инженеры-строители, геологи, механики. Такие же специалисты, как Николай Аштарович Бигадилов.

Николай Аштарович

Бигадилов — один из старейших жителей Аркалыка. Когда он приехал сюда, здесь стояли лишь палатки и землянки геологов, шедших по следам Елены Николаевны Великовской. Это она еще в 1932 году нашла выходы ценнейшего сырья для получения



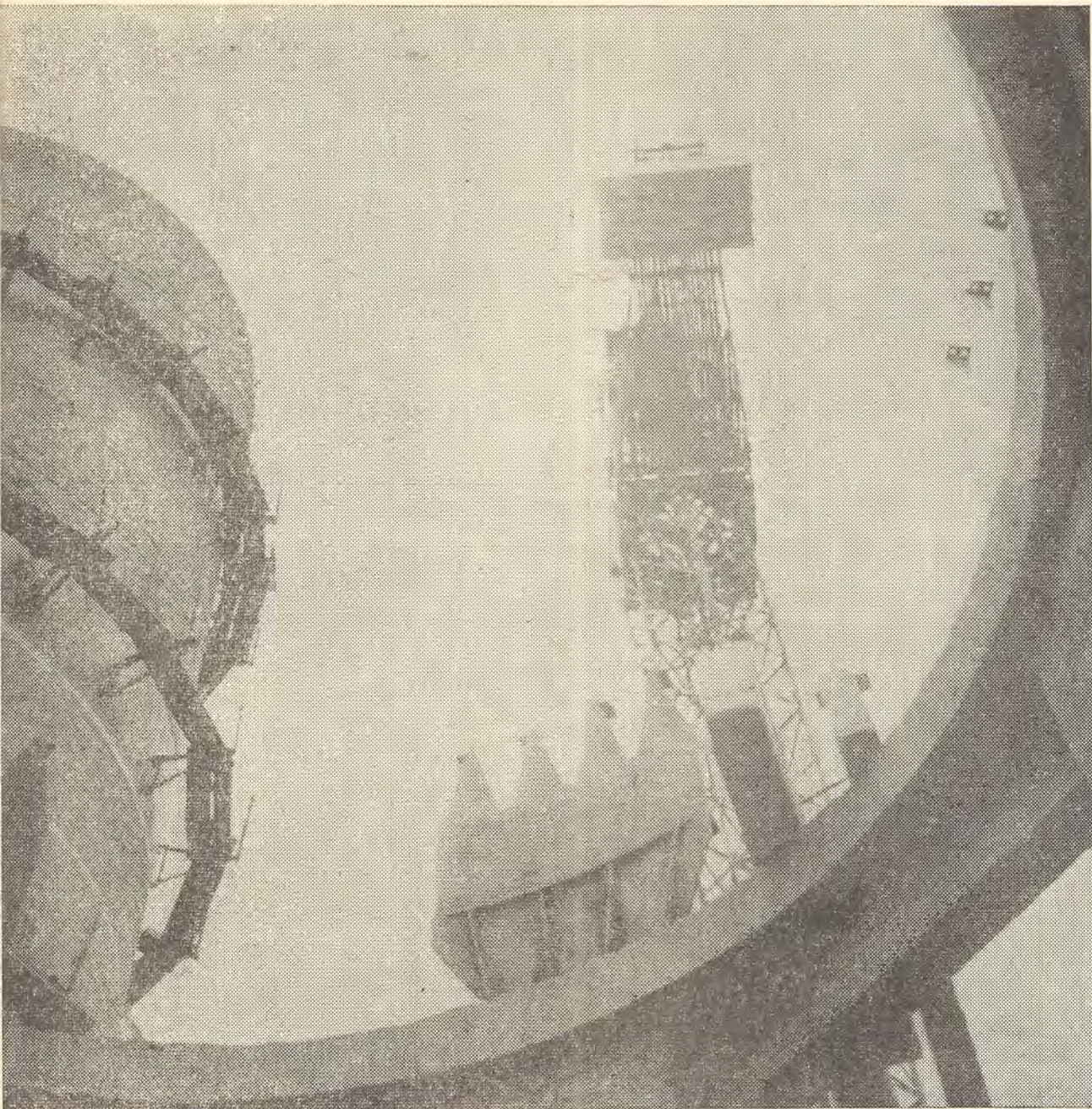
АРКАЛЫК

алюминия — бокситов. Но тогда считалось, что эти залежи очень похожих на глину бокситов вряд ли имеют промышленное значение. Лишь через пятнадцать лет геологическая партия Алексея Николаевича Волкова начала детально изучать месторождение и

предсказала ему большое будущее.

Этот снимок сделан одиннадцать лет назад. За сотни километров от Аркалыка, на берегу полноводного Иртыша, в Павлодаре, вырастает гигант — глиноземный завод.

Давно получил Павлодар бокситы Тургай



АРКАЛЫК

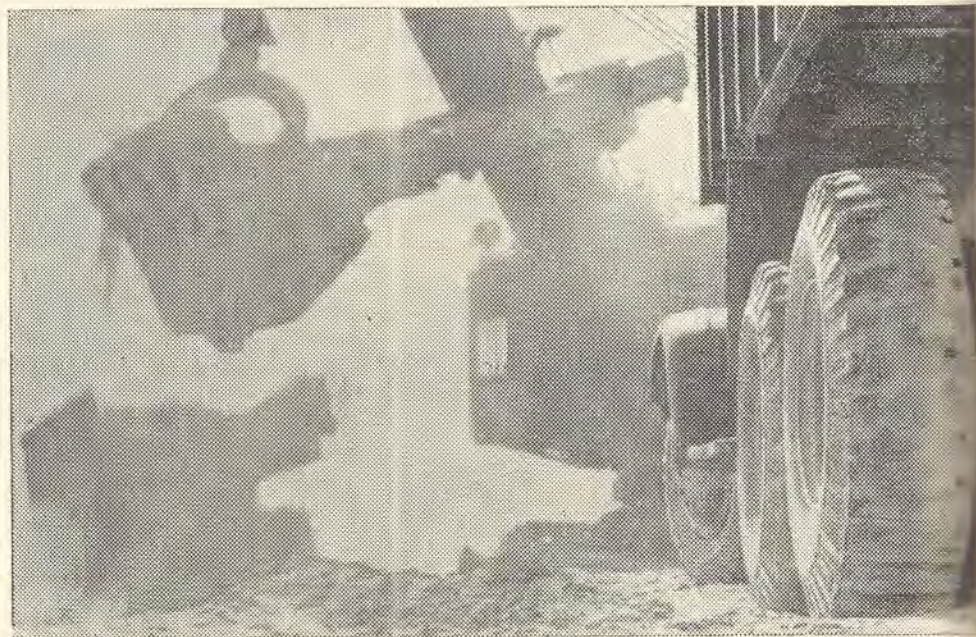
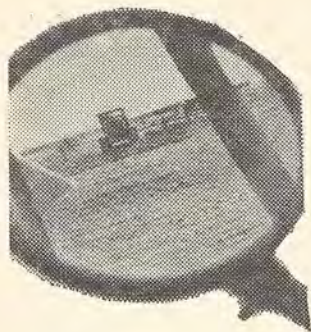
А город Аркалык продолжает расти и уже стал центром Тургайской области. Он объявлен Всесоюзной ударной комсомольской стройкой. Редко где увидишь столько стальных стрел шагающих экскаваторов и строительных кранов.

Памятником трудо-

вой доблести стал и ковш уралмашевского экскаватора, вынудившего первую тонну боксита.

А огнеупорные глины Аркалыка идут, в основном, на Урал, чтобы помогать уральским металлургам плавить высококачественные стали.

Ныне Тургайская об-



АРКАЛЫК

ласть — край большого хлеба: недаром она награждена орденом Ленина.

И снопы золотой пшеницы, принесшей новую славу Тургаю, занимают почетное место в экспозиции областного краеведческого музея, самого молодого в Казахстане.

Пройдут годы, и кто знает, не откроет ли геологам Тургайская степь новые свои богатства?..

По вечерам строители города отправляются в музыкально-драматический театр. Выпускникам высшего театрального училища имени Щепкина Раши-



АРКАЛЫК

де Алкуловой и Шолпан Айткужановой по-счастливилось сыграть роли героинь самого первого спектакля театра по пьесе Мухтара Ауэзова «Айман-Шолпан».

...Удивительны по цвету бокситы Тургая: они то зеленоватые, то голубоватые, то буро-

красные, то молочно-белые, то, как яшма, изукрашены причудливыми прожилками. Похож на бокситы и сам город, которому они дали жизнь. Многоцветны его трудовые будни...

УТВЕРЖДАЯ

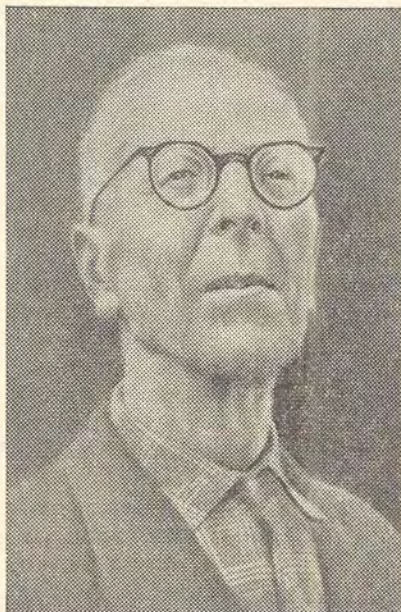
Александр
ВОЛОВИК

...Мы были отрядом борцов за жизнь!
Э. ВЕВЕРИС.
«Утверждаем жизнь».

Я хочу рассказать одну человеческую жизнь, все факты которой укладываются в историю двадцатого века, все главные события которой можно прочитать по узловым датам нашего времени. Эйжен Августович Веверис... Латышский поэт старшего поколения. Год рождения — 1899. Вся его сознательная жизнь прожита нога в ногу, шаг в шаг с великим двадцатым веком. Эйжен Веверис — поэт. Жизнь поэта — в стихах. И поэтому я хочу рассказать о жизни поэта, пройдясь, как по лесенкам, по строчкам его стихов. Я верю, что история этой жизни может подсказать что-то очень верное и необходимое молодому человеку, у которого все еще впереди.

ЦЕНА

Воет пила, ноет пила, поет пила,
На лесопилке хороши дела —
Деньги платят,
и пальцев много
У работаг.
Больше одним,
меньше одним:
Подумаешь,
что за пустяк!
Только бы не остаться при четырех,
А то за ворота — вон!
А там толпятся со всех сторон
Те,
кто пальцы и руки свои продает...
По улицам тьма бредет,
Стучат шаги —
счастливцев идет:
Его заводской гудок зовет.
Воет пила, ноет пила, пила поет —
Доски давай!
Планки давай!
Жизнь давай!
Еще,
еще,
еще!
А у моего отца:
Все десять пальцев еще,



Эйжен Веверис вырос в семье рабочего. И сегодня это понятие — «семья рабочего» — объясняет многое: образ жизни и идейная закалка, устремления и друзья. Тогда, на переломе двух веков, в царской России классовое происхождение определяло все.

Это было на рабочей демонстрации в Риге в 1905 году. Эйжен шел с дядей по набережной Даугавы к дворцу генерал-губернатора. В рабочей колонне пели песни, которых мальчишка раньше не слышал. Демонстрацию рабочих разогнали пулями. Так в шесть лет он получил первый урок классовой борьбы. Впереди было еще много уроков, но и тот, детский, он не забыл. Многие вымыло из памяти время, но свист пуль над мирной рабочей демонстрацией Эйжен Веверис запомнил. За-

нарядные, каменные, в полтора (с мезонином), а то и в два этажа, гаражи из кирпича, новая школа, клуб, магазины, столовая, куда пообедать приезжают на машинах даже из Риги, так вкусно здесь готовят. Правда, рыбу в столовой не поешь — рыбакам она и дома надоела. Богатое село, центр колхоза-миллионера «Селга», который известен в Латвии не только рыбой: «Селга» выставляет свои розы на всех республиканских выставках. Но это сегодня...

А в Латвии буржуазной никто не бывал беднее рыбака. Если улов небольшой — голод, если улов обильный — опять голод, потому что тогда цена на рыбу падала. Сколько рыбы зарыто в дюнах! Лишь бы не сбивать цены. Лодочки рыбацкие маленькие, с парусом. Если ветра нет, рыбу не добудешь, если ветер сильный, на таких лодках в море не выйдешь... Школа в Лапмежциемсе была крохотная, начальная. Ее открыли в старой, полуразвалившейся от времени корчме. Эйжен Веверис вел несколько предметов — немецкий язык, пение, рисование, физкультуру. Четыре урока до обеда за жалование, а еще четыре после обеда — бесплатно. Дело в том, что лапмежциемские учителя написали письмо в министерство образования в Ригу, попросили открыть старшие классы для способных ребятшек, и министерство милостиво разрешило, но денег на старшие классы не выделило. И тогда учителя стали вести старшие классы без жалования.

Жизнь в Лапмежциемсе навсегда вошла в поэзию Вевериса. Здесь в его стихи вошли море, скорбные фигуры рыбацких жен, стоящих на дюнах и всматривающихся в синий горизонт, прибрежные сосны... Здесь он стал Учителем. Нет-нет да и встречу я его учеников — то старого рыбака в Лапмежциемсе, то медицинскую сестру в Тукумсе...

Ребятишки Лапмежциемса, посмотрите на дедов своих: в далекие двадцатые годы они бегали в свою школу, она стояла там же, где нынче висится новенькая ваша школа. Они были голодные и очень хотели учиться. Их учил грамоте, искусству, доброте и смелости Эйжен Веверис.

СКОЛЬКО РАЗ РАССТРЕЛИВАЮТ ЧЕЛОВЕКА?

1940 год... Латвия снова стала советской. Веверис учил латышских солдат русскому языку, русским — латышскому, командиров — немецкому. Тогда, в сороковом, еще не знали, что война придет так скоро, но

то, что она придет, и с кем воевать — знали.

И вот они пришли, первые страшные дни войны. Новое, еще непривычное слово — эвакуация. Эвакуация населения, заводов, архивов... Скорее! До самого последнего мгновения Эйжен Веверис думал, что успеет и сам уйти, и увезти семью. Но не успел. Ему пришлось скрываться. Через полтора месяца его выдала квартирная хозяйка. Впереди — четыре страшных года, семь фашистских лагерей и тюрем. Скорбный и величественный путь смерти и мучений. В 1941 году Эйжена Вевериса расстреливали четыре раза. Четыре раза он стоял перед рвом, куда падали тела убитых. Но пули свистели, пролетая мимо — фашисты развлекались. Он потом написал об этих расстрелах удивительные стихи, полные мужества и горечи. Рядом с ним стояли его товарищи — по работе, по убеждениям, его земляки, его современники, бесстрашно смотревшие в черные дула винтовок. И в цепи карателей тоже были его соплеменники, латыши, «сыновья дубов» — так называли себя латышские националисты, пособники германского фашизма. Со страхом искали глаза учителя Вевериса, нет ли среди расстреливавших его учеников...

...Нет.

Ну, конечно, нет!

И тяжесть упала с плеча —

Да будет благословен

Мой учительский труд:

Я не вырастил палача!

Он остался жив после этих четырех расстрелов, чтобы пройти через камеры тюрем и лагерные бараки, сквозь виселицы и крематории, душегубки и аэропланы фабрик смерти. Чистая седина покрыла голову поэта, пристальнее стали смотреть глаза, но ни разу не потерял он веры в доброту человека...

ШНИЦЕЛЬ ПО-ВЕНСКИ

Это было в 1942 году. Тюрьма в Валмиере, в Латвии. Однажды всех заключенных в камере, где сидел Веверис, отправили на работу в соседний маленький городишко. Когда-то до войны он часто в нем бывал: работал директором школы, расположенной неподалеку, и по делам службы приезжал в город на велосипеде. В городе директора Вевериса знали, как обычно всегда всех знают в маленьких городах. Бывая здесь, директор всегда в конце дня заглядывал в один ресторанчик. И заказ всегда делал один и тот же:

шницель по-венски — огромный ломь мяса с кружочками лимона и золотистой жареной картошкой. Владелец ресторанчика сам готовил, сам подавал.

Теперь же, когда колонна заключенных шла по улицам городка, встречные отворачивались от арестантов. Больше никто не узнавал директора Вевериса, а может, он действительно так изменился? Щуцман, здоровенный детина, вооруженный автоматом, шел по тротуару. Заключенные плелись по мостовой. Вот и знакомый ресторанчик. Колонна сворачивает во двор. Хозяин подходит к щуцману. Вот пилы, вот топоры, нужно напилить и наколоть дров для ресторана на всю зиму. Заключенные делятся на пары, всем хватает инструмента, кроме Вевериса. «Пусть этот пойдет со мной, работы и в доме хватит. А это вам, господин щуцман!» Щуцман доволен: шнапс, пиво, свежий хлеб, охотничьи сосиски. А этот заморенный арестант никуда не убежит... Веверис идет в дом за хозяином. «Неужели и он меня не узнал?» Хозяин молчит, идет по комнатам, открывается дверь еще в одну комнату — пусто, только стол накрыт, горячий душистый чай в тонком стакане, хлеб мягкий, нарезанный душистыми дольками, блюдо — большой, хорошо обжаренный ломь мяса, с кружочками лимона, картошка... Шницель по-венски! Чем расплатиться с тобой, хозяин? Когда учитель Веверис сможет заплатить тебе за память, за то, что узнал, за то, что встретил, как старого друга? Героизмом это не назовешь. Честность. Порядочность. Это не так уж мало, особенно во времена, когда платят за ложь, подлость, ненависть, убийство. Ты тоже войдешь в поэзию, иностранное блюдо из ресторанного меню...

НА ВЕРЕСКОВОМ ПОЛЕ

Вереск... Это слово я впервые встретил в стихах, переведенных Маршаком. Помните шотландскую балладу о вересковом меде?

Потом я увидел луга, заросшие лиловатым кустарничком, ростом с невысокую траву.

Потом увидел поле Саласпилса, где теперь мемориальный ансамбль на месте лагеря смерти, где торжественная тишина нарушается, а может быть, подчеркивается стуком метронома. Здесь был самый большой на территории Советского Союза фашистский концентрационный лагерь.

Тысячи людей лежат под вереском.



...На поле,
где вереск лиловый,
мои друзья стоят...
Какими вы стали большими!
А годы летят...
Сердце,
 полное грусти,
сердце,
 полное муки,
прямо к солнцу могут поднять
ваши тяжелые руки.
Перед величием вашим
седины свои
склоняю.
К человечности вашей
человечество
созываю.



Саласпилс. Тогда, в сорок третьем, повинувся пулеметной башне, по всему периметру лагерного поля кружилась знаменитая саласпилская «карусель» — тысячи людей с носилками, полными земли, бежали по кругу... час, два, три, четыре... Перерыв на лагерную бурду... и снова круг за кругом. Остановившихся били, забивали насмерть... Дни, недели, месяцы под прицелом пулемета кружились люди... Эйжен Веверис прошел эту «карусель» и остался жив. Выдержал, выстоял. Его не сломили доморощенные латышские палачи. В декабре сорок третьего две тысячи заключенных из Саласпилса были переведены во внутренне лагеря немецкого райха. Штутхоф, Мелк, Эбензее... И самый страшный лагерь — Маутхаузен.

ФИЛОСОФИЯ ПО-ФАШИСТСКИ

Маутхаузен был лагерем штрафным. Из Освенцима и Майданека в Маутхаузен направляли для «исправления». Сюда привозили тех, кого фашисты перед уничтожением хотели сломить морально, поставить на колени, победить. Лагерь этот охраняли эсэсовцы из дивизии «Мертвая голова». Один эсэсовец приходился на десять заключенных. Лагерь был относительно небольшой — не больше ста тысяч заключенных во всех филиалах. Здесь были свои газовые камеры, свой крематорий, свои душегубки, свои лазареты, где фашистские убийцы в белых халатах впрыскивали заключенным в вены бензол. Но самым

страшным была Лестница. СТО ШЕСТЬДЕСЯТ ТРИ ступени в Штейнбрух — каменоломню. Со дна гранитного карьера несли заключенные по этой лестнице глыбы камня. Через десять ступенек — капо с дубинкой в руках. Если ты несешь камень, на взгляд убийцы, недостаточно тяжелый — удар; если лицо твое, на вкус убийцы, недостаточно весело — удар. Если удар пришелся на пятнадцатой ступеньке, падающий сбивает своим телом четырнадцать идущих за ним, если на семидесятой — валятся все семьдесят. Кровь и стоны, крики проклятий и — смерть. Это Лестница. Немногие добирались доверху. Сто шестьдесят три ступеньки вверх и вниз с утра и до вечера. Каждый день. Эсэсовцы искали себе жертвы. Каждый в меру своей фантазии решал судьбы заключенных. Среди них был и «Философ».

...В памяти не осталось его имени. Только кличка. Это был сухощавый мускулистый человек. Чемпион Германии по боксу в юные годы. Выпускник философского факультета, доктор философии, руководитель кафедры в одном из знаменитых немецких университетов. Молча ходил он по лагерю, спокойно, бесстрастно рассматривал заключенных. Но этого бесстрастного взгляда боялись. Знали, что он выбирает жертву. Один раз в день он подзывал к себе заключенного и, когда тот подходил, убивал его тренированным ударом кулака... Однажды он подозвал к себе Вевериса. Но вместо удара последовал вопрос:

— Ты учитель и должен многое знать. Объясни, что происходит со мной. Если днем я не убью одного из вас, меня ждет тяжелая бессонная ночь. Мне обязательно надо убить кого-нибудь, тогда я сплю спокойно и вижу прекрасные сны. Отвечай, учитель.

И Веверис ответил так, как нужно было ответить и как отвечать было нельзя:

— Эту проблему можно разрешить только выстрелом в лоб.

— Я должен вас стрелять, а не убивать кулаком?

— Нет, вы должны пустить пулю себе в лоб...

— Почему?

— Потому что скоро кончится война, и мы победим, и мы будем вас судить...

— Ты смелый, учитель, а я уважаю смелых людей. Иди работай...

Смерть отпустила его.

— Учитель, подойди ко мне! На, возьми!.. — Эсэсовец протянул Веверису полбуханки хлеба. — Это тебе, за смелость. Но больше никому так не отвечай! Другие не поймут, — и «Философ» ушел.

Но скоро, очень скоро он подозвал другого заключенного и убил его одним ударом кулака. Потому что и

сегодня «Философ» не мог так просто уснуть...

Сколько их было — этих случаев, когда смерть играла с Веверисом в свою страшную игру? Не сосчитать, потому что каждый шаг его по гранитному аду Штейнбруха, по лагерным улицам, по барачным переходам — каждый шаг был в тени виселицы, и дым подымался из крематория, и тихо шуршала шинами машина, очень похожая на те фургонь, в которых возят хлеб.

ДРУГ

В кровати — рождаются люди,
В кровати — они умирают,
В кровати — сердца сжимаются
От счастья любви без границ,
В кровати вкушают люди
Награду за труд высокий —
Глубокий и нежный сон.
Но все это было давно.

А нынче наши кровати
Обыскивает инквизитор,
Кладет на постель линейку —
Прямо ли все лежит?
И если...

Неделями он отталкивал
Крематория жадные лапы,
Но руки его не умели
Выворачивать так постель,
Чтобы была она идеальна,
Лежала горизонтально.
И, словно нож гильотины
И словно бы меч Дамоклов,
Висела над ним смерть.

И вот настала его пора.
«Чья, — спросил инквизитор, —
эта нора?»

На три миллиграмма больше
Было силы у друга,
И когда крематорий лапы
К слабому протянул опять,
Друг вышел вперед и сказал:
«Это моя кровать».

САМЫЕ СИЛЬНЫЕ ИЗ НАС

Сколько удивительных людей встретил Эйжен в лагерных блоках Маутхаузена. В их числе — два Героя Советского Союза: генерал Дмитрий Михайлович Карбышев и полковник нашей разведки Лев Ефимович Маневич.

С Маневичем Эйжен Веверис был в одной подпольной организации, выполнял его задания, стал его дру-

гом, и до самого последнего дыхания Маневича был с ним. В лагере советский разведчик был известен под фамилией Старостин. За его спиной была тяжелая работа разведчика во многих странах Европы, в самом логове фашизма. 5 мая 1945 года Маневич повел заключенных лагеря на восстание. Начальство лагеря, выполняя инструкции из Берлина, собиралось не только снести лагерные сооружения, но и уничтожить всех оставшихся в живых заключенных. Была заминирована штольня, в которую заключенных должны были завести под предлогом спасения от бомбардировок.

Маневич разоблачил гитлеровцев прямо на апельплаце. И лагерь восстал. Эсэсовская охрана сбежала. Лагерь сам освободил себя еще до подхода войск союзников. Это было пятого мая. А девятого, в День Победы, Лев Маневич умер на руках у Вевериса... Мы сидим с Эйженем Августовичем на лавочке над морем.

— Почему он умер? — спрашиваю я. — Была свобода, победа, можно было лечить, кормить...

— Есть такая русская поговорка, — отвечает медленно, тщательно выговаривая слова, поэт. — О душе, которая еле-еле в теле держится...

— Есть такая поговорка...

— У Маневича все было наоборот: у него была сильная душа и очень слабое тело. И пока нужно было сражаться, бороться, сопротивляться, сильная душа держала тело и не давала ему умереть... А когда настала победа, свобода и сопротивляться больше было не нужно — тело умерло... — руки поэта делают неуловимое движение, как будто отпуская что-то...

В одном из своих ранних стихотворений Эйжен Веверис назвал Маневича и таких, как он, самыми сильными из нас. Мне думается, что и сам поэт относится к таким же людям. Самым сильным.

ПОЧЕМУ ТЫ ОСТАЛСЯ ЖИВ?

Из двух тысяч латышей, отправленных в Германию из Саласпилса, осталось в живых тридцать четыре человека. Веверис вернулся в свою желанную Ригу, он снова был на Родине, он принес ей всю нестраченную нежность, сохранившуюся в альпийских каменоломнях. И снова школа, снова ребятишки, здесь, в Пардаугаве, на рижской окраине. Он — директор школы. Сколько работы свалилось на его плечи. В 1946 году он подал заявление о приеме в партию. На совещании в районе кто-то задал ему вопрос:

«В Маутхаузене многие погибли?» — «Большинство». — «Почему же ты остался жив?..» Веверис пошатнулся, как от удара. «А вы воевали на фронте?» — «Конечно». — «Там погибли люди?» — «Да». — «Почему же вы остались живы?»

На этом совещании Веверису отказали в праве работать в школе. Он не помнит, как вышел тогда на улицу и куда пошел. Его остановил секретарь райкома партии. «Что с тобой, Эйжен? Ты сам на себя не похож». — «Меня спросили, почему я остался жив в Маутхаузене». — «Такой вопрос мог задать только болван... Скажи, ты подал уже заявление?» — «Подаю...»

Запишите строку в анкету:
В пространстве четырех ветров,
Когда заговорил тот,
кто долго молчал,
Я вступил в Партию!

САЖАЙТЕ РОЗЫ В ПРОКЛЯТУЮ ЗЕМЛЮ!

В свободные часы директор школы писал поэтический дневник узника Маутхаузена, книгу «Сажайте розы в проклятую землю!», которая стала событием в нашей литературе. Она вышла в 1969 году, когда автору было уже 70 лет, и была удостоена Государственной премии республики.

Так Эйжен Веверис стал профессиональным поэтом. Но это случилось в семьдесят лет. Вторую книгу ему пришлось начинать на больничной койке. Рядом в палате лежал старый знакомый, тоже бывший директор школы, ныне пенсионер. Он тоже попросил принести ему бумаги и тоже начал что-то писать. Потом он дал Веверису прочитать написанные им стихи. Веверис попытался как можно деликатнее объяснить, что поэзии в стихах соседа по палате нет. «Как это так нет?! Я тоже был директором школы!» Как сказать старому хорошему человеку, что совпадение профессий и должностей — это не совпадение судеб и дарований? Веверис, рассказывая это мне, мягко, извиняюще улыбается. Он вообще очень мягкий и добрый человек, этот старый воин. Он очень много работает. Каждодневно. И когда здоров, и когда болен. Он по многу раз переписывает свои стихи. Он пишет не только о выстраданной им теме — борьбе с фашизмом. Пишет о любимой Латвии, о друзьях своих — латышских стрелках. Пишет удивительные, молодые, жизнерадостные стихи о любви.

В его стихах правда нашего века,

правда честного и мужественного человека, правда борца, победившего самое страшное, что встречалось в истории человечества, правда коммуниста.

Эйжен Веверис имеет право на самые высокие слова. Они им выстраданы, завоеваны в смертельном бою, за них он заплатил кровью.

ПЛАТА

Есть плата за страх
И смелость,
Есть плата за горе
И радость.
Мы платим золотом сердца
За первый звонок,
За последний урок.
За соловьиную песню
В парке Аркадия,
За буквы В Э Ф
Над заводской аркой.
За осенние звезды
Над нивой сжатой,
За теплую руку друга,
В руке моей сжатой.
За гордый паспорт Маяковского
Платим.
Лежу на скамейке удобно
Под дождем цветущей липы.
Тысяча и одной каплей
Пота и крови
Заплатил я за это место.
И то,
за что я плачу так дорого,
Я никому не отдам!
Никогда!



ЭНЕРГИЯ ВРЕМЕНИ

Наши интервью

С каждым годом все более пристально вглядываются в Луну ученые, внимательно изучают материалы побывавших на Луне автоматических станций и первых лунных экспедиций.

Как недавно выяснилось, значение исследований Луны особенно велико еще и потому, что на считавшемся безжизненным спутнике Земли были открыты современные тектонические процессы, очень сходные с земными. С помощью сейсмографов, доставленных экспедициями «Аполлонов», были зарегистрированы сильные лунотрясения. И в результате пошатнулась метеоритная концепция. Отчеты вернувшихся с Луны космонавтов показали, что определяющая роль в формировании лунной коры принадлежит не метеоритам, а процессам тектоники и вулканизма.

Между тем, первое бесспорное доказательство современного вулканизма на Луне было получено советским ученым Н. А. Козыревым еще 15 лет назад. Открытие Н. А. Козырева было сенсационным тогда.

Как показали последние факты, добытые советскими «Луноходами» и американскими космонавтами, исследования пулковского астронома Н. А. Козырева весьма актуальны, находятся на острие современной науки.

Корреспондент «Уральского следопыта» Л. Баньковский побывал в Пулковской обсерватории, где встретился с доктором физико-математических наук Н. А. Козыревым.

— Расскажите, пожалуйста, Николай Александрович, как вы открыли действующие лунные вулканы?

— В Крымской астрофизической обсерватории я изучал спектральные особенности лунной поверхности. В надежде обнаружить на Луне люминесцентные явления, я пользовался спектрографом, установленным на 50-дюймовом телескопе-рефлекторе.

Впервые в ноябре 1958 года, а потом и в 1959 году мне удалось зарегистрировать выделение газа из центральной горки кратера Альфонс. Научный сотрудник Пулковской обсерватории А. А. Калинин, проделав кропотливую работу по измерению спектрограмм, подтвердил, что из кратера извергались газы. Самая яркая полоса спектра указывала на присутствие

углерода. Другие полосы давали основание предполагать, что на Луне есть хлористая медь — вещество довольно распространенное в продуктах земных извержений.

В 1961 году Планетная комиссия Международного астрономического союза признала реальность лунной вулканической деятельности.

Продолжив исследования в 1961 году, я получил спектрограммы итечения газов в кратере Аристарх.

Анализ спектрограмм, завершённый в 1962 году, обнаружил линии молекулярного водорода. Это было новое, веское доказательство в пользу горячих недр Луны.

Радиофизики г. Горького сделали вывод о горячей Луне совершенно иным способом, изучая радиоизлучение Селены в сантиметровом диапазоне волн. «Горячие точки» на Луне обнаружили также Мюррей, Купер и другие зарубежные ученые. Существование теплового потока было установлено при бурении скважин непосредственно на Луне американскими космонавтами «Аполлона».

В различных обсерваториях мира для контроля за состоянием лунной поверхности были налажены гораздо более систематические наблюдения. И это быстро дало положительные результаты. Неоднократная вулканическая активность была зафиксирована во многих кратерах Луны.

— Но Луна, кроме неожиданного для многих исследователей проявления внутреннего тепла, приготовила ученым еще один сюрприз — свою сейсмическую активность. Вы — один из первых ученых, начавших большую работу по изучению тектоники Луны и лунно-земных связей. Что же известно сейчас о тектонической стороне лунной активности?

— Между Луной и Землей существует сильное гравитационное взаимодействие. Луна поднимает на Земле так называемые приливные волны. Эти волны наблюдаются во всех приповерхностных сферах Земли — атмосфере, гидросфере и литосфере. Меня больше всего интересуют «твердые» приливы, сопровождающиеся подъемом и опусканием земной коры до двадцати сантиметров.

Такие же приливные волны, но



гораздо более сильные — до нескольких метров высотой — Земля поднимает на лунной поверхности.

Приливное взаимодействие Земли и Луны ослабляет тектонические напряжения во внешних оболочках этих небесных тел, что служит своеобразным «спусковым механизмом» землетрясений и лунных сейсмических процессов. Кстати, первые сотни сейсмограмм Луны уже получены с помощью сейсмографов, установленных на лунной поверхности экипажами «Аполлонов».

Стало известно, что число лунотрясений возрастает, когда Луна приближается к Земле на наименьшее расстояние, то есть приходит в точку перигея. В это время приливные волны на Земле и Луне наиболее высоки.

Я провел анализ крупных землетрясений, начиная со времени установления на Земле систематических сейсмических наблюдений, и нашел немало их совпадений с лунными «временными явлениями», замеченными астрономами. Особенно много таких явлений происходит в два дня, предшествующие крупным землетрясениям, или в два дня, следующие за ними.

Вот эти выводы Н. А. Козырева позволили дать самый первый достаточный обоснованный прогноз лунной активности. В Международный центр быстро протекающих явлений из Пулковской обсерватории тогда ушла телеграмма следующего содержания: «Как мы телеграфно сообщали, 1 апреля 1969 г. мы наблюдали необычное свечение в лунном кратере Аристарх. Даем добавочную информацию. Явление характеризовалось присутствием полос эмиссии и линий в красной части спектра на лунной поверхности на западном внутреннем склоне Аристарха. Эта эмиссия представляется соответствующей красным пятнам и в этом и некоторых других районах, которые мы наблюдали ранее».

Наблюдения производились в Крыму при помощи 50-дюймового рефлектора с прикрепленным к нему кварцевым спектрографом. Методика та же, которой мы пользовались в ноябре 1958 года, когда мы обнаружили извержение газа из центральной горки кратера Альфонс.

Интересно: явление 1 апреля имело место сразу после сильных землетрясений в Египте и Японии (31 марта). Высказывается предположение о возможной связи этих сейсмических явлений и лунной активности.

Данные подверглись статистической обработке при помощи каталога, составленного мисс Б. Миддлхерст. Результаты используются для прогнозирования лунных явлений. В случае, если такие прогнозы в ближайшее время начнут подтверждаться, землетрясения смогут служить сигналом для начала наблюдений за быстро

протекающими событиями на Луне. Просим обратиться к обсерваториям с просьбой организовать в апреле — мае слежение за районами Луны, где можно ожидать активные процессы, особенно в случае возникновения тектонических явлений на Земле.

Н. Козырев».

И действительно, в мае 1969 года астрономы США, Испании, Мексики в течение двух дней фиксировали свечения и пульсации в кратере Аристарх. Таким образом точка зрения на общность тектонических процессов Земли и Луны получила первые убедительные подтверждения.

— Николай Александрович, что вы считаете наиболее важным в становлении ученого? Как формировались Ваши научные интересы?

— Найти задачу по душе, как археолог Шлиман, искать свою мифическую и в то же время реальную Трою — об этом я мечтал с детства.

Как-то попал мне в руки популярный журнал «Природа и люди», где рассказывалось об астрономии, о Пулковской обсерватории. Достал трубу, стал наблюдать планеты и звезды. Заинтересовало меня это занятие. Поступил на астрономическое отделение университета. Изучал земную и звездные атмосферы. Но исследование частных проблем всегда оставляло чувство неудовлетворенности. Хотелось работать над такой большой задачей, которой бы, не задумываясь, посвятить все свои интересы, отдать все силы. Найти увлекательную задачу, к которой идти и идти, — самое важное в науке. Был очень счастлив, когда нашел то, что искал.

— Вам удалось еще в юности сформулировать цель своей жизни, свою задачу?

— Да, кратко содержание задачи можно выразить так: почему светятся Солнце и звезды?

В то время, когда я искал свою научную цель, об энергетике звезд было известно очень и очень немного. Предполагавшиеся тогда источники звездной энергии были явно не убедительны.

Сложна проблема, но дело в желании, а не в трудностях. Смушало только, хватит ли сил на такую трудную работу. Ведь все звезды, за исключением Солнца, мы видим точками — как некоторые суммы вещества и процессов. Каков же механизм звездных превращений, что может быть причиной наблюдаемых данных? Я шел вперед, шаг за шагом распутывая клубок...

— Можно ли считать равноправными различные интуитивные решения одной и той же проблемы? И вообще, какое место занимает в научной работе интуиция ученого?

— Считаю, что нужно бережно относиться к чувству правильного и не-

правильного и, работая над трудными научными проблемами, прислушиваться к себе, к своему опыту. Я никогда не работал так, чтобы заранее что-либо решить. Мое убеждение: не придумывать, а узнавать. Эксперименты у меня следовали за экспериментами. Они давали главный материал для размышлений.

О планетах мы говорим по аналогии с Землей. Иначе интуиция не работает, а в науке интереснее всего интуиция. Планеты — мост между Землей и звездами.

Еще только начиная наблюдения за Луной, я был убежден, что даже такая сравнительно небольшая по размерам планета не может быть мертвым телом. Последовавшие затем открытия на Луне вполне подтвердили интуитивные вначале предположения.

Я специально изучал почти все планеты солнечной системы. Когда человек увлечен задачей, он о ней постоянно думает, не выпускает ее из своего сознания. Сверхзадача — это как бы стержень, на который нанизываются факты. Обстоятельства, факты, работа ведут ученого к решению труднейших проблем.

Результат широких исследований был для меня самого очень неожиданным. Источников звездной энергии нет, внутри звезд нет никаких некогда заряженных, а ныне разряжающихся аккумуляторов. Звезды светятся потому, что не могут остыть. Звезды просто не могут умереть тепловой смертью.

— Значит, основные принципы механики и теоретической физики все еще несовершенны?

— Да, физики пока не учитывают разницы между будущим и прошедшим, и это — принципиальный недостаток современных точных наук. Звездной и планетной материи не дает успокоиться постоянно текущее время. Время — главный источник внутренней энергии и звезд и планет.

— В чем сущность Ваших представлений о физических свойствах времени?

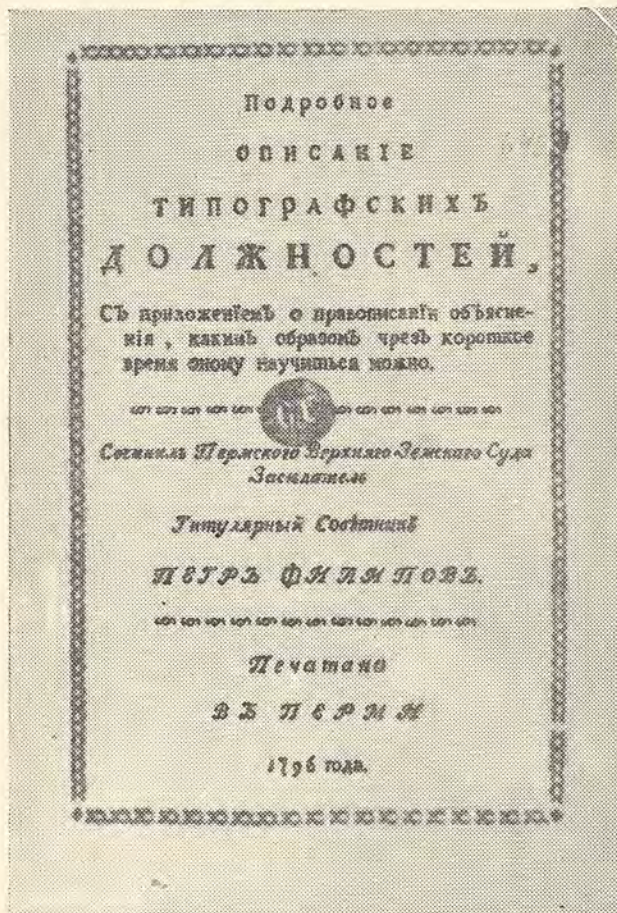
— Мы привыкли, что одно тело действует на другое с помощью силового поля. Таково взаимодействие между телами. Между природными процессами существует свое особенное взаимодействие — один процесс влияет на другой процесс не через пространство, а через время.

— Николай Александрович, что бы Вы хотели пожелать читателям нашего журнала — тем из них, кто выберет путь следопытов науки?

— Что пожелать молодежи, вступающей в жизнь, мечтающей о работе ученого? Прежде всего — важно найти себя в науке. Потом — поставить цель. И достичь цели!

«ТОЧКА УПОТРЕБЛЯЕТСЯ ДЛЯ ОТДОХНОВЕНИЯ...»

Виталий
ПАВЛОВ



В 1796 году в типографии Пермского наместнического правления была напечатана книга «Подробное описание типографских должностей, с приложением о правописании объяснения, каким образом через короткое время оному научиться можно». Написал ее основатель той же типографии Петр Егорович Филипов.

Дореволюционные историки и книговеды обходили вниманием это оригинальное издание вплоть до второго десятилетия нашего века.

Советские исследователи установили, что книга Петра Филипова, входящая в число первопечатных изданий на Урале, явилась первым в России сочинением, посвященным полиграфии.

Она представляла собой практическое руководство для управляющих и других работников типографий — корректоров, наборщиков, батырщиков (печатников) и даже «наборщиков учеников». В книге четко определены их обязанности, рассказано об устройстве полиграфического предприятия и т. п. По обилию сведений о полиграфическом производстве сочинение Филипова не имело соперников в России в течение многих десятков лет.

Надо сказать, что до сих пор исследователи отмечали только одну сторону произведения Петра Филипова. Между тем содержание его значительно шире.

Обратим внимание на вторую часть заголовка: «... с приложением о правописании объяснения, каким образом чрез короткое время оному научиться можно». «Приложение о правописании», занимающее в книге 23 страницы из 47, — это своеобразное пособие по русскому языку, краткий, предельно сжатый свод грамматических правил. Ценность его как документа отечественной языковой культуры несомненна.

Интересно, что автор начинает изложение прямо с правил пунктуации. «Правописание» содержит такое вступление: «Желающие оное (правописание). — В. П.) знать, должны вытвердить наизусть те речи, перед которыми ставятся препинания, а во время писания стараться оные не пропускать, по чему через короткое время к писанию оных

привыкнуть могут; а перед какими речью какие препинания писать должно, знает ниже». И далее объясняется употребление запятой, точки с запятой, двоеточия, точки, знаков вопросительного и «удивительного» (восклицательного) и т. д. В соответствии с тогдашней грамматикой автор, в частности, приводит такие правила: «Запятая в правописании употребляется для объяснения слога и пишется перед семи речью: а, что, чтоб, чтобы, где, дабы, потому, нежели... Точка употребляется для отдохновения и пишется в таком случае, когда смысл совершенно кончился и от предыдущего периода не зависит. И тут же в подкрепление приведены соответствующие примеры.

Завершается «Приложение» разделом «О частях речи».

С какой же целью Филипов написал этот справочник по русскому языку да еще приложил его к основному труду — о типографском деле? На этот вопрос он ответит сам в конце книги: «...приложил я объяснение о правописании для того, чтоб наборные ученики от незнания его не только делают в чтении корректур излишнее затруднение, но и в производстве дел причиняют великую медленность...»

У нас давно вошли в обиход прекрасные пособия по русскому языку, специально написанные для людей, связанных с печатью. Но первым в России, кто не только осознал эту необходимость, но написал и издал руководство, был уральский первопечатник Петр Филипов.

Названия-путешественники

**Александр
МАТВЕЕВ,
профессор**

*Рисунок
З. Баженовой*

Вот такая история приключилась с одним начинающим топонимистом. Спросил он у местного жителя, как попасть в ближайшую деревню, а тот ответил: «Дойдешь до Сахалина, три километра останется».

«Ну и гусь,— подумал наш герой,— я и так еле бреду, а он еще смеется». И пошел себе дальше без особой надежды на добрый ночлег и парное молоко.

Идет и видит — старичок какой-то косит. А тот интересуется: «Куда идешь, мил-человек? По какому делу?» Расстроенному любителю топонимики было не до разговоров, и он в сердцах бросил: «Прямоком до Сахалина!»

Старичок удивился, подумал чуток и сказал: «Ну, коли пришел, бери косу — и за дело, мой-то напарник в село ушел...»

Топонимист был родом из деревни, косить ему приходилось, и он, ни слова не говоря, замахал литовкой. А вечером, сидя за самоваром с хозяевами, услышал, как его новый знакомый сказал жене: «Сегодня мне, старуха, крепко помог этот молодец: весь Сахалин выкосили!»

И только тогда юный исследователь понял, что никто над ним не смеялся и что в топонимике встречаются удивительные названия-близнецы, лучше сказать, названия-путешественники. Они-то и создают иной раз комедийную ситуацию: «Федька Васин за один день все Карпаты вспахал!» Или: «Дружок-то мой, Боря, три дня охотился в Вавилоне, да одного только рябчика взял».

Нет, Федька Васин — не какой-нибудь былинный богатырь вроде Миккулы Селяниновича, а самый что ни на есть реальный веснушчатый развеселый тракторист Федя, и вспахал он, естественно, за один день не Карпатские горы, а большое поле, которое местные жители почему-то назвали Карпатами. И чей-то дружок Боря — отнюдь не библейский герой, по какому-то недоразумению стрелявший в Вавилоне никогда не водившихся там рябчиков, а русский и притом хороший охотник, которому действительно крупно не повезло: почитай, целых три дня он зря бродил по заболоченному урочищу, известному жителям под названием Вавилон.

Эти названия — не мистификация любителей изощренных розыгрышей и не топонимические выкрутасы иных администраторов-имядавателей. Мы действительно вступаем в мир удивительных названий-путешественников, которыми так богата окружающая нас топонимика и которые совершают иной раз невероятные путешествия, с легкостью преодолевая не только областные, но и государственные границы: кого не удивит, что в США есть несколько городов и селений с названиями Москва и Одесса, а в Челябинской области — населенные пункты Берлин и Париж.

По свету блуждают самые различные названия, но чаще всего бросаются в глаза пути-дороги широко известных топонимов: названий стран и их частей, значительных рек и озер, островов и полуостровов, горных хребтов и особенно часто городов. Буквально нет числа деревушкам и урочищам Камчатка, Сахалин, Сибирь, очень моден топоним-путешественник Карпаты, нередки в названиях деревень — Мезень, урочищ — Байкал, ручьев — Дунай. А уж названия городов отражены в топонимике на каждом шагу: и Москва, и Питер, и Тюмень, и многие другие. Изредка попадут и такие урочища, как Америка или Финляндия, и, правда неофициальные, прозвания деревень вроде Корея и Франция.

Есть одна любопытная закономерность: названия-путешественники обычно прилагаются к малым объектам — урочищам и небольшим населенным пунктам, а более крупные поселения и города реже именуются путем переноса.

И еще надо сказать, что слов-путешественников в действительности гораздо больше, чем кажется поначалу, только они далеко не всегда легко распознаются. Обнаружить такое слово нетрудно, если образцом для него послужил общеизвестный топоним, скажем, Москва или Сибирь. А если перенесена какая-нибудь Ивановка, которых в нашей стране несколько тысяч? В этом случае очень сложно установить, какое название первично, какое — вторично.

Есть в Алапаевском районе Свердловской области смежные населен-



ные пункты Махнево и Ерзовка. А в Пермской области в Соликамском районе тоже рядом расположены Ерзовка (Ерзовки) и Махнево. Случайность это или названия-путешественники, выступающие, так сказать, в «парном катании»? Может быть, и случайность, но скорее всего — слова-близнецы, если учесть, что в старину через Урал с запада на восток шли русские торговые и переселенческие пути.

И кто знает, сколько таких переносов произошло? Иногда на них указывает частичка «ново-»: **Алексеевка** > **Новоалексеевка**, **Ивановка** > **Новоивановка**. Но далеко не всегда добавлялась эта частичка, да и такое слово-путешественник уже не простой перенос, а сложный гибрид нового со старым.

Вернемся теперь к тем словам-странникам, «путешествующий» облик которых очевиден. Как они возникают, почему появляются? В каждом отдельном случае ответ дать очень трудно, но общие принципы ясны.

Часто налицо своеобразная метафора: отдаленное урочище или выселок так и подмывало назвать **Сахалином** или **Камчаткой**. Не обижайтесь, уважаемые сахалинцы и камчадалы, от Урала до восточных окраин Сибири действительно далеко, тем более что в старину, когда возникали эти названия, не было молниеносных «Илов» и «Ту».

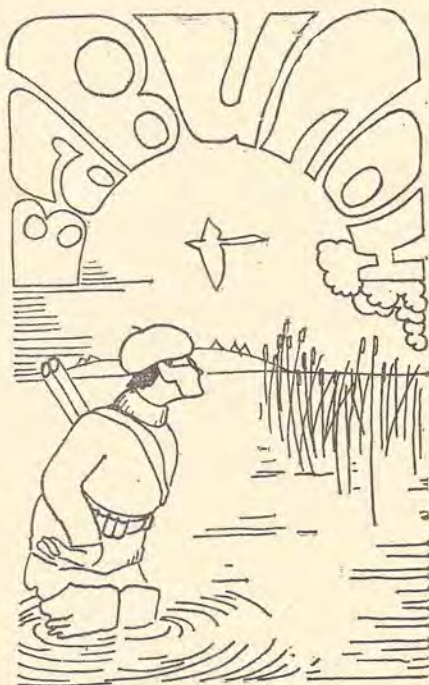
Только не во всех названиях-путешественниках надо видеть метафоры. Иногда это просто «мемориальные» топонимы в память о местах, где воевал солдат, куда хаживал на промысел бывалый человек. Так, наверное, появилось название урочища **Порт-Артуры**. Множественное число здесь показывает, что первоначальная связь с **Порт-Артуром** уже не ощущается.

В других случаях названия-путешественники — прозвищного характера. Переселились куда-нибудь москвичи, костромичи, мезенцы, тюменцы, сибиряки — вот и возникают **Москва**, **Кострома**, **Мезень**, **Тюмень**, **Сибирь**. И нет здесь никаких метафор и памятных названий, а просто произошел перенос группового прозвища на название населенного пункта.

В прежние времена модными были и названия, позаимствованные из библии: есть река **Вавилонка** и заболоченное место **Вавилон**, возвышенность **Голгофа**, но особенно много родничков с названием **Ердань** и урочищ **Иерусалимов** (**Ерусалимов** и даже просто **Русалимов**). Среди этих названий, конечно, тоже были метафоры, отражавшие в какой-то мере религиозное мировосприятие: красивое место могли назвать **Иерусалимом**. Сейчас география библии становится все менее известной, и такие названия забываются или перерабатываются. В одном месте уро-

чище **Вавилон** переделали в **Валивон** — так было понятнее.

Только надо помнить, что не все «религиозные» названия непосредственно связаны с библейской традицией. Так, многочисленные топонимы **Ердань** обычно восходят не прямо к названию реки **Иордан**, а к нарицательному **ердань** — «большая прорубь», в которой раньше священник «святил» воду в праздник крещения,



а затем и просто «большая прорубь для ловли рыбы».

К нарицательным восходят многие слова-путешественники. Смотрите, какой круговорот может получиться: от **Камчатка** произошло нарицательное, хотя и очень неустойчивое, обозначение удаленных мест **камчатка** (вспомните знаменитую школьную **камчатку** — последние парты в классе), а от него снова может возникнуть **Камчатка** для обозначения удаленных урочищ или деревень.

Вот еще любопытный пример. Деревни с названием **Бутырки** встречаются повсюду — и в Свердловской, и в Пермской, и в Тюменской, и в Ленинградской, и в других областях. Отгадку такого обилия находим в словаре Даля. Оказывается, **бутырки** — «отдельное поселение, дом на отшибе, особняком», то есть это нарицательный географический термин, в основе которого опять-таки собственное **Бутырки** — названия подгородных слобод в Москве и Рязани.

Впрочем, конкретный путь возникновения вторичных топонимов типа **Камчатка** или **Бутырки** всегда установить трудно: то ли здесь нарицательное перешло в собственное (**бутырки** > **Бутырки**), то ли произошел перенос топонима (**Бутырки** > **Бутырки**).

Такого же происхождения широко распространенные в прошлом **шанхай** и **ташкенты**, обозначавшие густо заселенные пригороды с бесплатной застройкой. Сейчас эти термины и соответствующие топонимы быстро забываются: исчезают и сами **шанхай** и **ташкенты**, да и **Ташкент** изменил свое лицо, став одним из самых красивых городов советской Средней Азии.

Возникновение названий-путешественников не прекращается и в наши дни. Вот живые свидетели: поле **Ленинград** (наверное, уж очень красивое), урочище **Магадан** (ох, и далеко же оно от деревни!). Не все такие названия, конечно, удержатся в языке. В Камышловском районе Свердловской области наша экспедиция записала названия урочищ **Альпы**, **Карпаты** и **Тянь-Шань**, и до сих пор неясно, то ли это уже утвердившиеся топонимы, то ли шутка какого-то местного остряка.

Теперь и «космические» названия стали путешествовать по земле. Поэт Яков Хелемский пишет:

У станции Тучково
мы услышали вдруг
Заблачное слово,
инопланетный звук.
— Шофер, подкинь до Марса!...

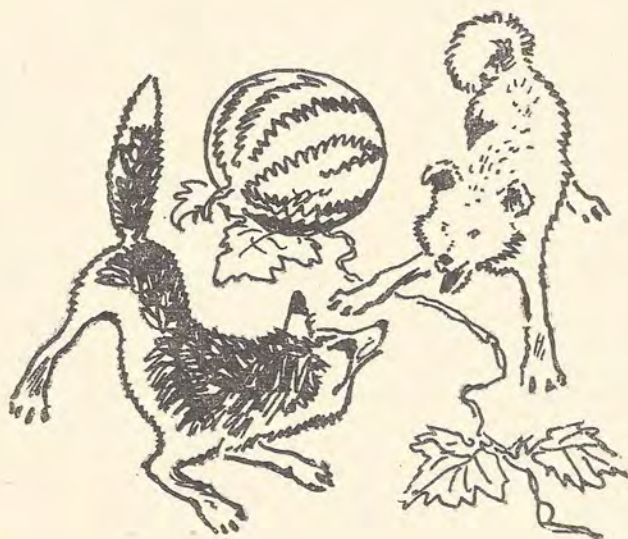
Разочаруем читателей — космотакси до планеты **Марс** пока не ходят. Просто мы вновь встретились со старым знакомым — названием-путешественником: поселком **Марс**,



**Николай
НИКОЛАЕВ**

*Рисунки
В. Бубенщикова*

ДЫМОК НАШЕЛ ДРУГА...



Шалаш у Михея с виду неказист. На скорую руку смастерил его дед из прутьев, камыша и соломы. Внутри — столик, топчан, скамейка, деревянный сундучок со съестными припасами. В стене — застекленная рама. Светло, затишно, а в жару — прохладно.

— Мои «хоромы», — в шутку говорит Михей. — Где такие сыщешь?

В стороне от шалаша, в ямке, таганок. Котелок подвешен.

Когда дед, опираясь на палку, приходит в хутор, а бывает это редко, престарелые дружки, сидя на завалинках, окликают:

— Долженько не видать тебя, Мироныч!

— Где пропадаешь, Михей?

— На курорте, где ж еще. Не на печи ж мне дрыхнуть. — И он бодро, с достоинством шагает дальше.

С весны и до заморозков уже который год сторожит Михей колхозные бахчи. Ульи держит, медком пробавляется.

Хлопотно бывает старику, когда арбузы зацветут. Вороны, сороки разбойные налеты делают, завязь склевывают.

От зари и до зари приходится обходы совершать, из старинной берданки палить в небо.

Трудно было бы старику без Дымка.

Дымок — песик дымчато-серого цвета с каштановыми ушами. Он, как заведенный, днем и ночью туда-сюда мечется. Чуть что почуяв, скок на крышу шалаша — и уши торчком. И вдруг заляется лаем. Для Михея это «боевая тревога». Дымок не ошибается.

Оба они срываются с мест. Михей спешит, что есть мочи, улюлюкает, а Дымок уже у канала: там, оказывается, бродячая корова шкodu творит. А бывало, свиньи через канал переплывали, чтоб сочных арбузов отведать...

В августе, возвращаясь с рыбалки, завернул я к деду. Михей, сгибаясь до пояса, чуть ли не на четвереньках вылез из шалаша.

— Милости просим! — обрадовался старик. Видно, одиночество — не мать родная.

За весну и лето отрастил Михей усы и длинную бороду. Брови разлохматились, выцвели, нависли над глазами. И мне показалось: он до смешного похож на сказочного царя Гороха.

— А где же Дымок? — спрашиваю.



— Рассобачился, шельмец, — ругнулся Михай. — Моего, стало быть, общества ему мало. Дружка-приятеля завел.

— Какого это приятеля?

— Садись вот, — дед поставил мне скамеечку. — Отведай мелитопольского.

Он выкатил из-под копы соломой несколько арбузов. Ткнул в один самодельный нож с деревянной рукояткой, и арбуз, как стеклянный, с треском раскололся.

Взяв увесистую скибку, я с наслаждением стал есть.

— Так что же с Дымком? — напомнил старику.

— Рассобачился, говорю, непутевый. С лисенком снюхался. Водой их не разольешь.

В это время что-то зашуршало. Дымок вылетел из-за шалаша, твякнул, ткнулся носом в мои ноги, заюлил хвостом. «Прости, мол, что не встретил. Заигрался».

— Где же твой рыжий бесенок? Аль не поладил? — спросил Михай.

Дымок взвизгнул, оглянулся. И мы увидели лисенка. Шагах в десяти, под кустом щерицы, припал он на передние лапы, выставил остренькую усатую мордочку и, вздергивая носиком, жадно втягивал воздух, ловил не знакомые ему запахи. Немигающие черные глазки выражали и страх, и крайнее любопытство. Казалось, он хотел понять: «Хорош ли новый человек? Таков ли он, как дед? Не сделает ли худо? Не лучше ли дать тягу?...»

Михей достал из сундучка миску с куриными косточками, выбросил их. Дымок бросился, захрустел зубами. Лисенок подполз к нему, тоже стал глотать, продолжая настороженно смотреть в мою сторону.

Я поднялся. Лисенок сразу же скакнул в сторону.

— Не доверяет тебе, — сказал Михай. — Так и ко мне сначала...

Когда кости были съедены, лисенок юркнул за кусты. Дымок — за ним. Вскоре они поодаль стали носиться взапуски. Но Дымку никак не удавалось догнать приятеля. Лисенок вильнет хвостом влево, а сам — вправо. Дымок мимо промчится. Повернувшись, он снова даст разбег, а лисенок — верть, и опять в сторону. И такая радость в глазах обоих!..

Мы с Михеем даже разговаривать перестали.

Следя за игрой дружков, я забыл обо всем. А дышалось легко, я ощущал неповторимый медвяно-дынный запах бахчи.

— Где-то тут нора близко... Да уж скоро мой сезон кончится, — Михай вздохнул с грустью. — Как же я этих дружков разлучать буду?

ЛЕКАРИ

На выезде из хутора, у самой гребли через балку Редутку, жила престарелая тетушка Марфа. Высокая, костлявая, с каким-то колючим орлиным взглядом.

Старики говорили: в германскую она была сестрой милосердной. Солдат от смерти спасала. В гражданскую — мужа лишилась. Да так и осталась бобылкой.

Много добра делала людям: и повивальной бабкой была, и костоправом, и раны лечила.

Злые языки окрестили ее знахаркой. Но случалась беда, все бежали к ней за помощью.

Вокруг скособочившейся хаты Марфы разросся густой вишенник. Я часто прятался в гущине и подолгу наблюдал, как старушка резала какие-то корешки, перевязывала их цветными нитками, затем раскладывала по кулечкам листья донника, белены, засушенные цветы полевых трав. На стенах хаты висели снопики сушеной ромашки, подорожника.

Мы, ребятишки, часто болели. Особенно зимой и ранней весной. То босыми по снегу побегаем, то сосульки пососем и начнем хрипеть да бухикать.

— Бегите к тетушке Марфе! — обычно приказывала мать.

И мы бежали. Глянет старушка внимательно и уже знает, зачем пожаловали.

— А ну, курносый, подойди. Раскрой рот!

Заглянет в глотку, головой покачает:

— Ай, ай! Становись, мазурик, на колени. Шире рот!

Пощекочет гусиным пером в горле. Смажет там каким-то маслом и начнет шею мять, тереть костлявыми пальцами до боли. Затем заставит горьковатого настоя взять в рот, задрать вверх подбородок и тянуть: «а-а-а». Клокочет этот настой в горле, будто кипит.

Кончив лечение, она хлопнет тихонько «пациента» по мягкому месту — брысь, мол, — и принимается за следующего...

Как-то спросил я у матери:

— А почему теткинны пальцы болячки излечивают?

— Да болтают, что она теми пальцами шею слепца терла. Не каждый такое сможет.

Слепцами на Маныче называют кротов.

И вот однажды взяли мы с братом Васей лопату, пошли в поле. Отыскали кротовое место. Но, сколько ни старались, вырыть слепца не удавалось.

Случай помог: бегали мы как-то в воскресный день за хутором и вдруг увидели в траве странного малоподвижного зверька. У него короткие кривые ноги, большая приплюснутая голова, но... не было глаз.





С какой бы стороны мы не подходили, он поворачивался, как зрячий, делал угрожающие движения, щелкал крупными зубами.

Мы догадались: слепец!

С трудом усадили его в мою новую кепку. Несу, а он судомится, зубами щелкает. Дома взглянули, а от ситцевой подкладки только клочья остались. Прижали мы крота к земле. Начали поочередно тереть свои пальцы о его тугую шею. Страшно сопротивлялся слепец. Не понимал, как это было важно для нас. Только не удержал я зверька. Больно укусив Васю за палец, он улизнул от нас.

А ночью лежали мы с братом в обнимку и шептались:

— Вырасту я, лекарем стану, детей лечить буду, — сказал Вася.

— И я ведь тоже...

— И ты... А то ведь тетенька Марфа совсем старенькая стала.

— Вася, а ведь она не знахарка? Правда?

— Нет. Она — лекарь.

И мы уснули с радостной мыслью, что наши пальцы обладают теперь магической лечебной силой.



КОРМИЛЬЦЫ

— Ваня! Ваня! — закричала Евгения Ивановна из кухни. — Выглянь, кто там цыплят мордует.

Муж, Иван Романович, недовольно швырнул на диван газету, снял очки, вышел на крыльцо. То, что он увидел, удивило, озадачило его.

В тени, под цветущей, желтой акацией, в огороженном сеткой квадрате с отчаянным пискom носились черные цыплята. Несколько дней назад он привез их из инкубатора. Совсем беспомощных, вялых. Теперь же они стремглав бегали, вырывали друг у друга червяка. Устраивали прямо-таки «мала кучу».

На чашечку с водой стремительно сел скворец.

— Цыррр... Цыррр! — властно засвиристал он.

Малыши со всех ног — к нему. Вырвали принесенного червячка и, не обращая внимания на кормильца, забарахтались в драке.

Вот дела, так дела!..

— Кто их там? — выбежала Евгения Ивановна, вытирая руки о фартук.

Но тут сразу два скворца прилетели с гусеницами. Цыплята в вихре закружились, как хоккеисты перед воротами...



На второй день все повторилось точь-в-точь. Насыпанное пшено осталось нетронутым. А пища, приносимая скворцами, исчезала молниеносно.

На ночь хозяйка уносила цыплят в чулан. Утром выпускала снова в загородку.

Скворцы спозаранок ждали, беспокойно цыркали. И начиналась кормежка.

Чем больше подрастали цыплята, тем беспокойней вели себя скворцы. Еду носили без передышки, дотемна, из сил выбивались. Но накормить детвору уже не могли.

В постоянной тревоге были скворцы. Их беспокоило: почему эти птенцы ведут себя не так, как их прежние дети? Почему так быстро растут и так прожорливы?

Обычно скворчата раззевают рты и ждут, пока мать или отец положат пищу им в рот. А эти — набрасываются, как оглашенные, изо рта рвут. Страшно даже...

По вечерам, когда хозяйка забирала цыплят, скворцы долго еще гомонили, свистели на дереве. Будто сами себе вопросы задавали:

— Кого же мы растим? Что дальше будет с такими великанами? Смогут ли они летать?

А утром они снова до упада трудились, пытаясь прокормить ненасытную ораву.



**Николай
ДУДНИКОВ**

ПУТЕШЕСТВЕННИК

Ледоход против нашего села прогромыхал утром. И только у берегов, на мутной воде, еще кружились белые, как лотосы, льдинки. Когда я веслом пытался расчистить проход для калданки — легкой хантыйской лодки, — льдинки, шипя, наскakивали друг на друга и рассыпались.

Выбравшись на середину реки, я перестал грести, и наступила такая тишина, что было отчетливо слышно, как звенят капельки воды, срываясь с мокрых весел. Но вдруг к этому звуку прибавилось шипение и громкое фыркание. Кто-то рядом боролся с течением. Я огляделся и буквально под носом калданки заметил зверька. Из воды виднелась его ярко-желтая спинка, и иногда показывались такие же лапки. Не знаю, какая нужда заставила его пуститься в столь опасное путешествие, зверек часто бил лапами и трудно дышал. Ясно было, что он устал.

Калданка подошла к нему ближе. Зверек не испугался, а наоборот — черными бусинками глаз как бы просил о помощи.

Уже поддев его веслом, я узнал в нем по



слегка распушенному черному кончику хвоста горностаев! Наслышанный о горностаевом неприветливом характере, я не стал испытывать судьбу, и осторожно, на весле, донес путешественника до кормы, где лежала фуфайка. Горностаев мягко шмякнулся на нее и закрыл глаза. Я подумал, что зверек издыхает. Но ошибся. Через несколько минут он встрепенулся, шумно стряхнув воду со своей ярко-желтой шубки. И хотя до берега было недалеко, не выпрыгнул за борт, а спрятавшись за фуфайку, изучающе смотрел на меня. Стоило мне сделать резкое движение, как зверек смешно надул щеки и, распустив усы, зашипел.

Давно, еще в детстве, я слышал от бабушки, что как-то в половодье у нее поселилось целое семейство горностаев. Они так привыкли к хозяйке, что не разбегались при ее появлении. А когда вода спала и лесные поляны высохли, горностаи ушли, оставив бабушке несколько пар насквозь проеденных кожаных сапог и юркий лаз под дверью сарая.

Своего пассажира я не собирался брать домой.

Когда калданка подошла к крутояру, зверек неожиданно, желтой молнией, метнулся на поваленное ледоходом дерево, и через мгновение исчез в подгнившей траве.



ШОМОХ

Уже вечерело, когда из-за кустов показались берестяные чумы — летние жилища рыбаков. По доброму старому обычаю, заслышав гул мотора, лодку вышло встречать все население кочевья...

Как и водится у хантов, при встрече гостю подали первую чашку чая, лучший кусок мяса. Но я готов был отказаться от всех угощений, потому что на низеньком столике, возле которого можно было сидеть только на корточках, лежал шомох.

Даже тот, кто не раз пробовал сушеную рыбу, не мог бы, наверное, устоять перед соблазном отведать шомоха снова. Это лакомство вроде бы сохраняло в себе запах ветра, тепло солнца, вкус чистой речной воды. И еще — едва уловимо — шомох отдавал ароматом свежего огурца. Именно так пахнет выловленный в Оби муксун.

Поздно вечером, когда вода и небо слились в единую темно-чернильную бездну, и ветер, по-осеннему колкий и студеной, играя берестяными завитушками чума, донес беспокойный говор волн, я собрался домой.

Зная мое пристрастие к шомоху, рыбаки положили мне в портфель несколько сушеных муксунов.

Я тронулся в путь, но ветер все крепчал, и на полпути до дома — в рыбацком поселке — пришлось заночевать.

Сгрузить вещи мне помогли в первую очередь ребяташки. Они быстрее взрослых перебрали от лодки до берега по скользкому галечному мелководью.

Когда закончилась выгрузка и лодку поставили в безопасное место, я решил отблагодарить расторопных помощников. Кроме шомоха, подарков других не было. Но портфель... как в воду канул.

Из поселка я уехал утром, озадаченный уже тем, что вместе с портфелем и шомохом пропали материалы для газеты, которые я собирал на дальнем стойбище.

В поселке, как выяснил я позднее, всех взволновала пропажа. Когда рыбаки ушли на промысел, ребяташки пустились на розыски. Весь берег обшарили. И тут мальчишка, что был постарше, внимательно пригляделся к галечной насыпи. Кое-где гальки были чуть сдвинуты, и он не без труда приметил следы собачьих лап. По этим следам добравшись до поляны, ребяташки оторопели: там, облизываясь возле закрытого портфеля, кружком лежали собаки. И стоило только мальчишкам приблизиться, как из десятка собачьих глоток вырвался предостерегающий рык.

Не хотелось собакам упускать добычу, которую они давно уже сторожили, но расправиться с ней никак не могли.

Впрочем, кто его знает, что случилось бы с портфелем, если бы ребяташки не подоспели вовремя.

Вечером портфель был у меня в руках. Еще не открывая замка, я почувствовал тонкий аромат сушеного муксуна. Все лежало на своих местах. Хантыйские ребяташки не взяли даже того, что было им обещано.



КАЛЕНДАРЬ ПРИРОДЫ

**Григорий
ГРИНЕВ**

Июль наступил. Обычно — самый жаркий месяц года. Время летних отпусков, школьных каникул и беспокойной деревенской страды. Раньше народ в шутку называл июль «макушкой лета»: «Всем лето пригоже, да больно макушка тяжела».

Раньше... За раздумчивым этим словом — и десять лет, и век, и, может быть, тысячелетия.

В глубокой древности родилась у людей насущная потребность наблюдать и брать на заметку зависимость роста растений от погодных условий: от того, как прогреет землю солнце, от того, сколько выпадет дождя, от того, как лягут снега на поля. И не только растений — всего окружающего человека живого мира... Из уст в уста передавались эти сведения, от поколения к поколению у каждого народа, в каждой стране, и создавался удивительный календарь, в котором строго фенологические наблюдения тесно — в одной фразе, а подчас и в слове — смыкались с образным, метким фольклором. У фенологии как науки, возникшей сравнительно недавно, оказались глубокие корни народной мудрости...

Мы начали разговор об июле. А как назывался он раньше?

«Грозником», «сенозарником».

И то, и другое — верно. В июле редкий дождь обходится без грозы, и гроз бывает до пятнадцати в месяц. В июле же и самая пора сенокоса, только успевай поворачиваться: «Собьет сенозарник спесь, когда некогда присесть». До свету выходили деревни на луга, дремлющие в предутреннем знобком тумане. «Роса ко-су точит», «Коси, коса, пока роса...»

Передо мною две книги, изданные в прошлом году в Москве и Вологде: Александра Стрижева «Календарь русской природы» и Ивана Полуянова «Месяцеслов» (что тоже означает — календарь).

Многое связывает названные книги. Прежде всего — уважительное отношение к прошлому, к опыту народа. И так ли уж этот опыт не нужен нам сегодня? На это отвечает нынешняя практика: народные предпосылки в определении закономерной связи причины и следствия сезонных колебаний погоды часто оправдываются. А многие народные приметы уже применяются в научном обиходе как местные признаки погоды.

Немало поучительного в календарях.

Июль — грозник. А многие ли знают, отправляясь на речку, в поход, по туристским тропам, где и как безопаснее переждать грозу? Даже в летний дождь так и манит спрятаться, статья под дерево, под сквозную лиственную крышу: авось, хоть сколько-то капель минует. Но давно замечено, что в одни деревья молнии ударяют чаще, в другие реже, а третьи почти не трогают. Под дуб, ель, сосну (особенно, если эти деревья растут одиноко) ни в коем случае становиться не следует. Молния прежде всего метит в них. Реже — в березу. Почти не трогает тополь и вяз. Хотя, строго говоря, под любым одиночным деревом не стоит прятаться от грозы. В кустах, в чащобе, в гуще леса куда надежнее переждать непогоду.

Сотни полезных и любопытных сведений и фактов содержат обе книги, но главное, учат нас быть внимательными к природе, радоваться ее щедрости.

Жаль, что редкий учитель природоведения связывает школьный курс, общие сведения учебника с местными фенологическими особенностями, с примерами и фактами, почерпнутыми из местных источников. Да еще бы не в четырех-то стенах об этом рассказывать, а на воле — в родном лесу, в родных полях. Впрочем, и самим ученикам не запрещено найти эти книги да прочитать. Откроешь их, вникнешь и — не оторвешься.

Они хоть и схожи, но все-таки разные — книги Ивана Полуянова и Александра Стрижева. «Календарь русской природы» написан академичнее, хотя немало в нем и лирических отступлений. А в «Месяцеслове», помимо всего прочего, читатель найдет много интереснейших рассказов. В «июльском» разделе этой книги глубоко трогает за душу шемящеправдивый рассказ «Побудка на заре». А «грибных охотников», несомненно, увлечет рассказ из «августовского» раздела: «Рубль — кучка». Примечателен тут немного грустный образ Серегина-грибника, парнишки, который пристрастился к базарным заработкам. Да и сам «секрет» Серегина — беспронгрышного поиска белых грибов — не пройдет мимо читателя...





КОРОЛЬ ВЕЗДЕХОДОВ

Вот это воистину — вездеход! Ему нипочем бездорожье — болота, грязь и снег; как по суху он ходит и по воде.

Вездеход Николаева — так названа по имени изобретателя транспортная новинка — не имеет традиционных колес или гусениц. Их заменяют роторы. Это — огромные заполненные пенопластом цилиндры, на которые навита высокая спираль. Спираль, врезаясь в грязь, снег, воду, и создает тяговое усилие.



ДЛЯ ЧЕГО НУЖНА МАСКА!

Во время эпидемий гриппа врачи настоятельно рекомендуют — и больным и здоровым — носить маски. Но ведь вирус гриппа настолько мал, что может проходить даже сквозь мельчайшие фильтры.

Для чего же все-таки необходимы марлевые маски? Оказывается, вирус никогда, практически, не выходит «на большую дорогу» один. Только большими скоплениями — вместе с разрушенными клетками, покрытыми клейким чехлом, — вирусы покидают дыхательные пути. А вот такие липкие рои хорошо задерживаются марлевыми масками и не рассеиваются в воздухе.



«ОСОБЛИВО
ВЕСОМ ХОРОШ...»

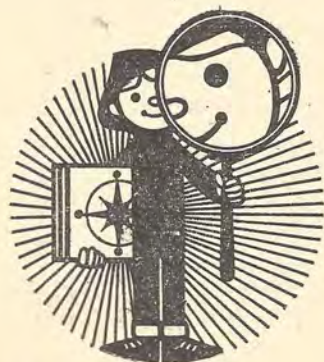
«Ну и богат дар! Дивья: природой-матушкой изумрудной зеленью окрашен. Особливо весом хорош, дюжих двадцать, а то и поболее, мужей корячились над ним».

Под этими словами приписка: «Свидетельство очевидца». На обороте карточки надпись: «Уральский чудомалахит». На карточке значится также: «Коллекционирована справка И. Слонимом. Подлинник у А. Шлейера».

Немецкий ученый А. Шлейер и есть очевидец того, как была волоком доставлена в Петербург в 1773 году удивительная глыба малахита. В своей статье о подарке Никиты Демидова Екатерине II А. Шлейер назвал малахит с Урала «доселе непревзойденным» по величине. А в книге «Минералогия» он отметил, что «лучшие и наиболее красивые сорта малахита встречаются на Урале».

Гигант-малахит дожил до наших дней. Он — «старейшина» коллекции минералов при Горном училище и ныне. 1504 килограмма — действительно, «особливо весом хорош»,

В. КРИВОШЕИН



МИР

НА ЛАДОНИ



ЧЕРТИК НА ШАРИКЕ

От поверхности листа тянется тоненький столбик, увенчанный шариком. Это сооружение — яйцо златоглазки.

Моя встреча со златоглазками произошла в начале лета около небольшой ямы. Над зарослями крапивы, одиноким островом выделявшимся среди одуванчиковой поляны, невысоко взлетали и быстро опускались какие-то призрачные существа. Осторожно приблизившись, я схватил одно из них за крылья. На меня смотрели темно-зеленые с золотистым отливом глаза. Это и была златоглазка!

Я наловил много златоглазков, принес их домой. И вскоре обнаружил в банке яйца. То там, то здесь они торчали на своих столбиках.

Свежеотложенные яйца — изумрудные. Но день ото дня они темнели и приобретали серо-коричневую окраску. На шестой или седьмой день я обнаружил на одном из шариков невесту откуда взявшегося чертика — личинку златоглазки. Чертик спустился по столбику на лист и скрылся, унося тайну своего рождения.

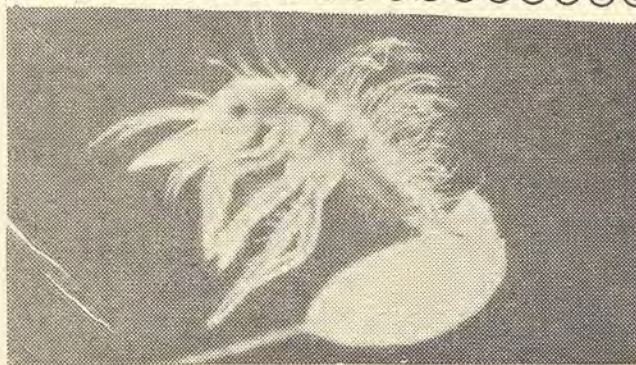
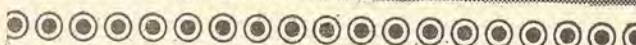
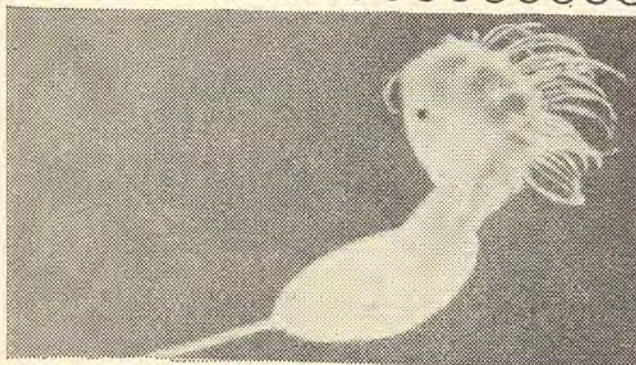
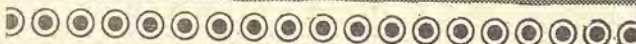
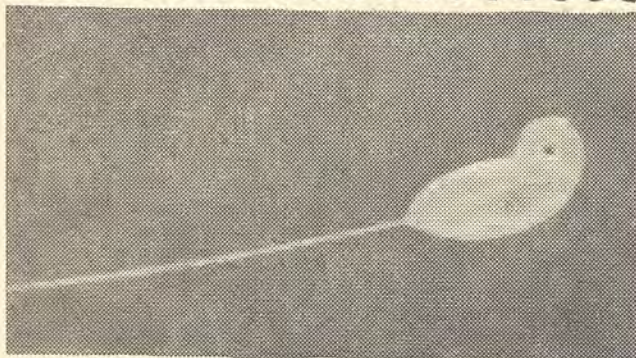
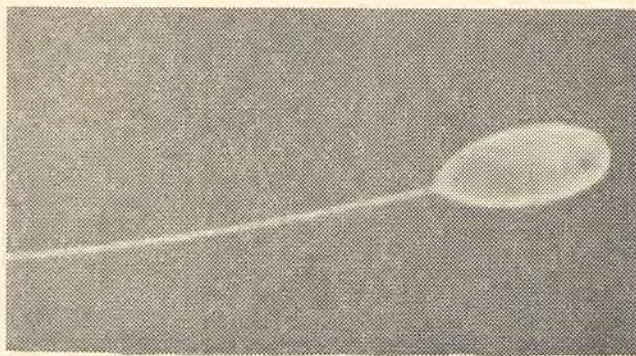
Теперь я стал внимательнее. И в конце концов дождался своего. Верхушка яйца начала чуть заметно пульсировать — личинка пришла в движение. Пульсация становилась все интенсивнее, и вот верхняя часть яйца вздулась. Наконец лопнула оболочка, и в свете лампы стала отчетливо видна макушка. Она все больше и больше выпячивалась, и вот появилась голова с большими темными глазами, шесть вытянутых и сложенных вместе лапок, спинка, покрытая нежными волосиками, не очень длинный крепкий хвостик.

Весь хвостик личинка вытаскивать не стала и на некоторое время замерла, как бы приходя в себя после долгого сна. Потом она несколько раз сладко потянулась, глубоко прогибаясь в пояснице, размяла затекшие конечности. Затем, обхватив оболочку яйца всеми шестью ногами, напряглась и с силой выдернула хвост. Все! Больше ничто не связывало ее с яйцом.

В честь этого радостного события личинка исполнила ритуальный танец. А потом, вильнув на прощание хвостом, двухмиллиметровая личинка златоглазки затерялась в хаосе съемочной площадки.

А у меня получился неплохой фильм «Первые минуты жизни».

В. НЕФЕДЬЕВ





МОЖЕТ БЫТЬ, «ЧЕРНАЯ ДЫРА»!

Об этих космических объектах, метко названных «черными дырами», сейчас пишут очень много.

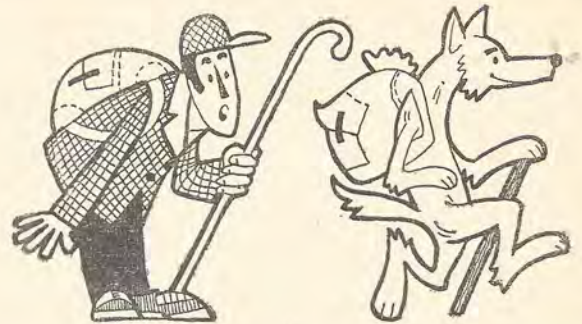
Они возникают при сжатии звезд под действием сил тяготения. Этот безудержный процесс катастрофичен: чем больше сжатие, тем еще больше становится сила тяжести — и сжатие снова растет...

Невидимые «черные дыры», или гравитационные ямы, «выдают» себя только полем тяготения. Ни вещество, ни свет не могут покинуть сжатую звезду.

Материя «черной дыры» становится фантастически плотной: кусочек меньше булавочной головки может весить многие миллионы миллиардов тонн!

Американские астрофизики Джексон и Рейн высказали мнение, что 30 июня 1908 года в районе Подкаменной Тунгуски с Землей и столкнулась именно такая «черная дыра». Она якобы пронзила Землю насквозь по хорде, будто мыльный пузырь или вакуум, — такой и была для «черной дыры» наша Земля — и вышла где-то близ Ньюфаундленда или Азорских островов.

Гипотеза «черной дыры» объясняет многие до сих пор неразгаданные тайны тунгусской катастрофы. Ученые считают новую гипотезу вполне корректной и научно обоснованной.



ИХ ВЕЛИЧЕСТВО БОБРЫ

Богат Урал реками и речушками. Виляют они по тайге, скачут с переката на перекат, разливаются плесами. Берега их густо поросли ивняком, черемухой, подрагивающим словно от озноба осинником. Места эти словно нарочно созданы для бобров.

Но еще век назад оскудел Урал царским мехом. И только в последние годы стародавние обитатели таежных речек вновь становятся хозяевами родных мест.

Для бобров, переселяющихся на Урал с Брянщины, предоставляются отдельные комфортабельные вагоны: в дороге они капризничают, как малые дети. В уральские края было завезено более 500 зверьков. Все они прижились, дали потомство.

Только в Свердловской области сейчас насчитывается десять бобровых заказников.

Придет время, и Урал вернет себе славу поставщика царского меха.

Б. ВОРОБЬЕВ



ВОРОН — ВОРОНУ

На старую поговорку «Почему ворон ворону глаз не выклюет» исчерпывающий ответ дал австрийский ученый Конрад Лоренц, который занимается изучением поведения животных. Он доказал, что при схватке двух животных одного вида у победителя обязательно возникает стоп-реакция, которая не позволяет нанести побежденному последний удар. Поэтому сильные хищники никогда не убивают друг друга, змеи при конфликтах с сородичами не пускают в ход яд, а птицы не выклюют в глаза...



ВЕРНОСТЬ

Итальянские газеты расценили этот случай как своеобразный рекорд: всего за четыре месяца овчарка Лесси одолела расстояние в 1200 километров, чтобы вернуться домой. Хозяин оставил ее у своего отца на юге страны, в Бриндизи, а сам вернулся к себе, на север.

КАК БЫСТРО РАСТУТ ВОЛОСЫ!

Шведка Карин Лундквист ответила на этот вопрос тем, что отрастила косу длиной в 153 сантиметра. Для этого ей понадобилось 14 лет. Таким образом, волосы росли со скоростью 11 сантиметров в год.

ДЛИННОУХИЕ ФРАНТЫ

Жители островка Ре, находящегося в Бискайском заливе, заботливо сохраняют давнюю традицию — надевать на ослов... штаны. Когда-то здесь было великое множество комаров, которые буквально заедали бедных животных, и хозяевам не оставалось ничего иного, как шить для ослов защитную одежду. Комары постепенно исчезли, а обычай остался: ослы и сегодня разгуливают по острову в штанах.

КРОВАТЬ ОПАСНА, КАК АВТОМОБИЛЬ!

Изучение статистических данных о несчастных случаях в Западной Германии, если верить сообщениям газет, показало: в результате падения с кровати в 1968 году разбилась насмерть 600 человек! Есть все основания задуматься, не включить ли в комплект кровати предохранительный пояс наподобие автомобильного.

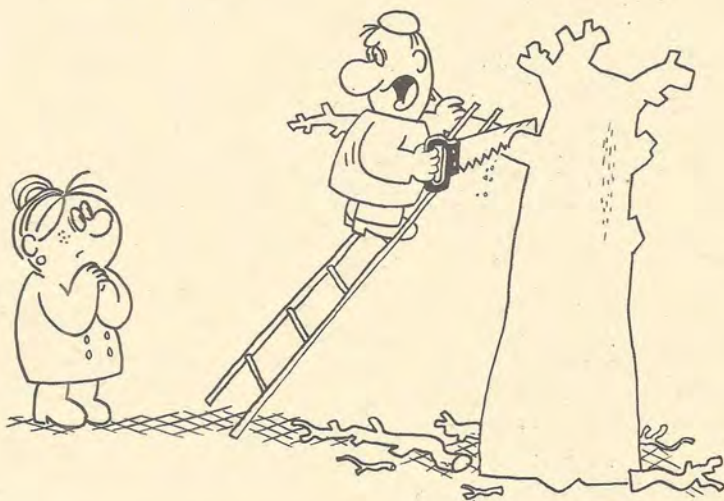


ПОСЛЕДНЯЯ ГАВАНЬ



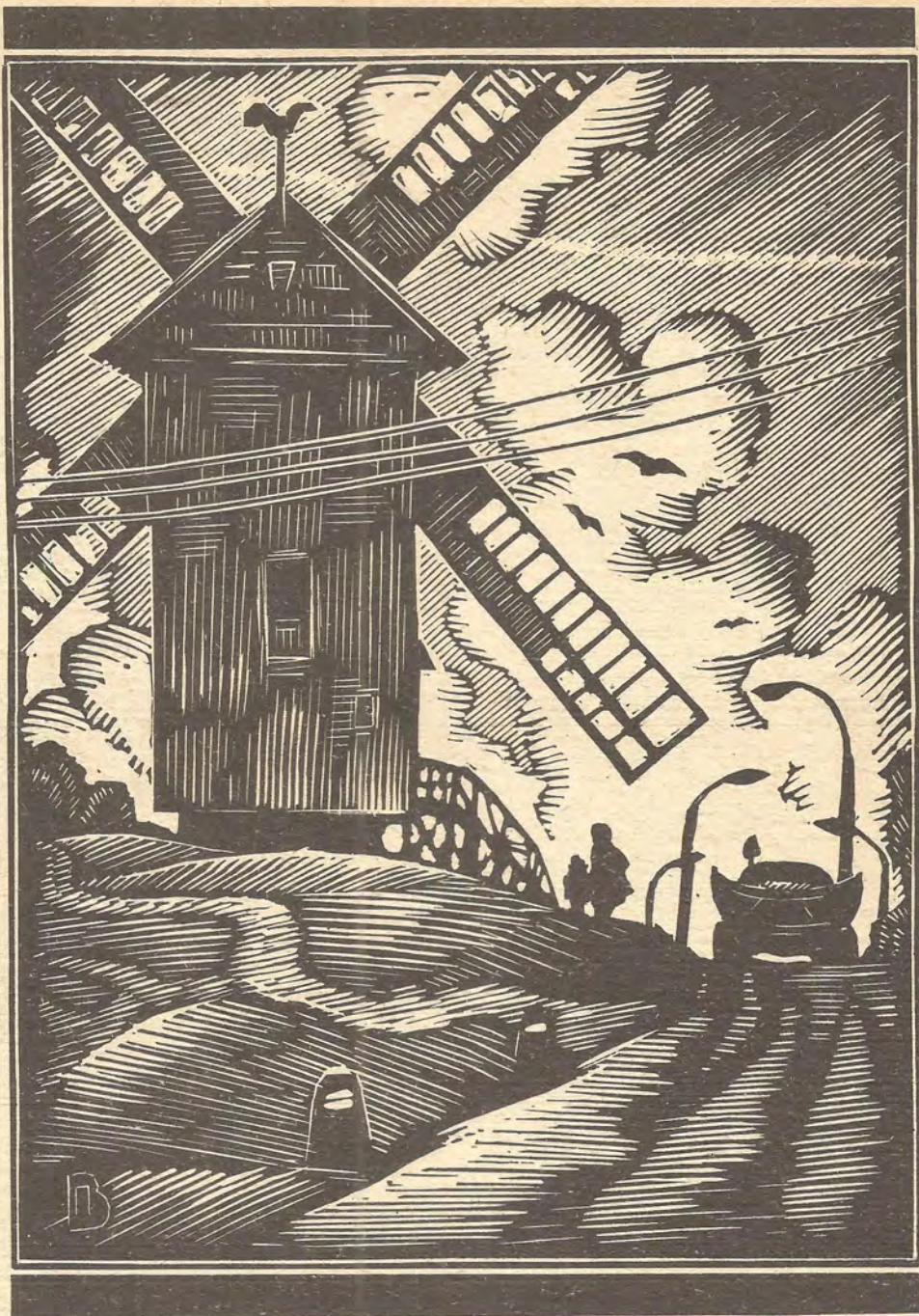
Рисунки
В. и В. Васильевых,
В. Милейко, С. Ашмарина

БЕРЕГИТЕ
ЛЕС
ОТ ПОЖАРА!



— МОГУ Я ХОТЬ ЧТО-НИБУДЬ СДЕЛАТЬ БЕЗ ТВОИХ ЗАМЕЧАНИЙ?





У ДОРОГИ. Линогравюра
ВАСИЛИЙ ПОПОВ (г. Киев)

ЧИТАЙТЕ В СЛЕДУЮЩИХ НОМЕРАХ НАШЕГО ЖУРНАЛА ФАНТАСТИЧЕСКИЙ РОМАН СЕМЕНА СЛЕПЫНИНА «ЗВЕЗДНЫЙ СТРАННИК» — О ПРИКЛЮЧЕНИЯХ ЗЕМНОГО ЗВЕЗДОЛЕТА В СОЗВЕЗДИИ ОРЛА, О ПОХОЖДЕНИЯХ КОСМОНАВТА СЕРГЕЯ ВОЛОШИНА В УДИВИТЕЛЬНОМ МИРЕ ЭЛЕКТРОННОГО ДИКТАТОРА, О ПРЕОБРАЗИВШЕЙСЯ ЗЕМЛЕ ОТДАЛЕННОГО БУДУЩЕГО.